

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ АНТИЧНОЙ МЕДИЦИНЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ



ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
Д.А. БАЛАЛЫКИНЫМ, Н.П. ШОК



А К В И Л О Н

*Издание подготовлено при поддержке
Российского научного фонда (РНФ), Проект № 15–18–30005*

История и философия античной медицины: сборник научных трудов / Издание подготовлено Д.А. Балалыкиным, Н.П. Шок. — М.: Аквилон, 2017. — 160 с.

Istoriya i filosofiya antichnoy meditsiny: sbornik nauchnykh trudov / Izдание podgotovleno D.A. Balalykinym, N.P. Shok. — Moscow: Akvilon, 2017. — 160 s.

Философские основания науки в картине мира ученого подразумевают системную организацию мышления, определяющую направление процесса познания в конкретной области научного знания. История древнегреческой мысли представляет примеры борьбы разных точек зрения, пытавшихся объяснить явления природы, в том числе устройство человеческого тела. Развитие эмпирических исследований в медицине со времен написания «Корпуса Гиппократов» происходит в рамках стремления применять метод строгого доказательства. Развитие методологии научного знания связано с работами Аристотеля, посвященными теории аргументации, и содержащимися в них формулировкой строгих требований к доказательству, теорией движения и основанной на этом практике проведения систематических вскрытий животных, а также формировании принципов применения аподиктического метода в медицине. С точки зрения истории медицины, роль Аристотеля заключается еще и в том, что он открыл закономерности сходства анатомического строения живых существ и обосновал дальнейшее направление развития медицины как науки. С развитием медицинских знаний анатомические вскрытия как способ верификации становились основой аргументации врачей Античности. Применение метода аподиктического доказательства в исследовательской практике, наряду с диалектическим способом доказательства, ярче всего продемонстрировал создатель первой комплексной теоретико-практической системы Гален, анализу наследия которого посвящены статьи, вошедшие в данный сборник.

Научное издание.

ISBN 978–5–906578–24–2

© Д.А. Балалыкин, Н.П. Шок, подготовка издания, 2017
© Издательство «Аквилон», 2017

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (БАЛАЛЫКИН Д.А., Н.П. ШОК).....	5
<i>НАТТОН В.</i> Библиотека Галена.....	9
<i>ЛОНГРИГТ Дж.</i> Солнце и планеты.....	31
<i>БАЛАЛЫКИН Д.А.</i> Значение философских идей Платона для развития медицинской теории.....	55
<i>Ван дер Айк Ф.</i> Гален о причинах и признаках особенностей человеческого тела.....	80
<i>ТИЛЕМАН Т.</i> Чудо и естественная причина у Галена.....	93
<i>ДЕБРЮ А.</i> Медицина и мораль: идея «стать лучше» у Галена и Марка Аврелия.....	107
<i>РОЗЕН Р.</i> Филология и риторика катастрофы в «De indolentia» Галена.....	118
<i>ФЕРНГРЕН Г.</i> Гален и христиане Рима.....	141
ОБ АВТОРАХ.....	154

CONTENTS

PREFACE (<i>BALALYKIN D.A., SHOK N.P.</i>).....	5
<i>NUTTON V.</i> Galen's Library.....	9
<i>LONGRIGG J.</i> The Sun and the Planets.....	31
<i>BALALYKIN D.A.</i> The Significance of Plato's Philosophical Ideas for the Development of the Theory of Medicine.....	55
<i>Van der ELJK Ph.</i> Galen on the Causes and Signs of the Features of Human Bodies.....	80
<i>TIELEMAN T.</i> Miracle and Natural Cause in Galen.....	93
<i>DEBRU A.</i> Médecine et Morale "devenir meilleur" chez Galien et Marc Aurèle.....	107
<i>ROSEN R.</i> Philology and the Rhetoric of Catastrophe in Galen's "De indolentia".....	118
<i>FERNGREN G.</i> Galen and the Christians of Rome.....	141
AUTHORS.....	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Началом истории естествознания принято считать VI век до н.э., когда возникает ранняя ионийская физика, стремившаяся к объяснению явлений природы путем изучения естественных причин их возникновения, которые было необходимо осмыслить, упорядочить и привести в единую систему. Это способствовало формированию методологии античной протонауки (в противовес распространенным в тот период мистическим представлениям о природе явлений), в которой важное место занял метод строгого доказательства. Первыми естественнонаучными дисциплинами, возникшими в лоне «ранней ионийской физики», стали математика, астрономия и медицина.

История древнегреческой мысли представляет примеры борьбы разных точек зрения, стремившихся объяснить явления природы, в том числе устройство человеческого тела.

Развитие эмпирических исследований в медицине со времен написания «Корпуса Гиппократов» происходит в рамках стремления применять метод строгого доказательства.

Мы неоднократно обращали внимание на преемственность идей Гиппократов, Платона, Аристотеля и исследовательской практики Галена, подтверждающую мысль о том, что «всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания». Развивая традиции медицины Гиппократов (учение об индивидуальном подходе к выбору тактики диагностики и лечения пациента, внимание внешним патогенным факторам и др.), Гален создал учение об общей патологии, объясняющее принципы и механизмы развития заболеваний с позиций телеологического подхода, и сформулировал необходимые методологические основы этого учения. Общее представление о «физике» человеческого тела и принципах общей патологии, развиваемое Галеном, основано на понимании человеческого организма как соразмерной комбинации компонентов трех тетрад — первоэлементов, жидкостей и сущностей. Гален обращает внимание на важность целостности медицинской систематики: из представле-

ния о видах и причинах возникновения заболеваний следуют их классификация и трактовка отдельных симптомов, т.е. внешних проявлений болезни.

Некоторые историки науки категорически не согласны с возможностью использовать термин «эксперимент» по отношению к работам Галена, так как исходят из общепринятого представления о том, что экспериментальный метод возникает гораздо позднее и является одним из методологических аспектов научной революции XVII в. Однако особенности становления медицины как науки позволяют говорить о неприемлемости механической экстраполяции на ее историю периодизации, принятой в истории других естественных наук (физики, химии и т.д.). Многочисленные анатомические вскрытия тел животных или человеческих трупов, методично проводимые год за годом с целью получения знания об их устройстве, зачастую многократно перепроверяющие конфигурацию органов, сосудов и нервов, безусловно, соответствуют понятию «эксперимент».

Сочинения Галена раскрывают нам совершенно иную историческую реальность, в которой анатомическое вскрытие является единственным правильным методом доказательства натурфилософской гипотезы, а тщательные системные практические наблюдения служат основой для систематики заболеваний, в основе которых лежит методология протонаучного эксперимента.

Использование понятия «протонаучный эксперимент» или «экспериментальная практика рациональной медицины Античности»¹ позволяет историкам науки отказаться от использования уничижительных оценок античной медицины и избежать некорректной экстраполяции современной практики на исследования того периода.

Нам представляется обоснованным рассматривать развитие рациональной медицины Античности с учетом этапного характера развития ее методологии, основанной на внедрении аподиктического метода. На основании анализа истории становления медицины как науки в период Античности и изучения обстоятельств, повлиявших на зарождение ее методологии, можно определить аподиктический метод в медицине как совокупность анатомиче-

¹ Подробнее об этом см.: *Гален. Сочинения* / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2017. Т. III. С. 118.

ских вскрытий, рационального учения об общей патологии и клинической систематики.

Все это позволило Галену глубоко проработать практику использования аподиктического метода в ходе врачебной деятельности и обосновать его значение для дальнейшего развития медицины как науки.

История медицины как учебная дисциплина благодаря тесной связи с философией науки позволяет использовать междисциплинарность как комплексный подход, формирующий методологические основы фундаментальных клинических исследований.

Философские основания науки в картине мира конкретного ученого подразумевают системную организацию мышления, определяющую направление процесса познания в конкретной области научного знания. Здесь можно выделить две подсистемы: онтологическая, которая представлена группой категорий, выступающих своеобразной матрицей понимания и познания исследуемых процессов (например, «свойство», «отношение», «состояние», «причинность», «необходимость», «случайность» и т.п.), а также эпистемологическая, которую составляют познавательные процедуры и их результат (понимание истины, метода, объяснения, доказательства, теории, факта и т.п.). В рамках отдельного конкретного научного направления каждая из этих систем постепенно развивается в зависимости от типов объектов исследования и от нормативных оснований научного знания. Безусловно, для естествознания наиболее интересными являются историко-научные и философско-методологические исследования, посвященные изменению представлений об эволюции эмпирического уровня познания, представленных, с одной стороны, ситуациями непосредственных наблюдений, а с другой — совокупностью познавательных процедур, посредством которых на протяжении столетий осуществлялся переход от данных наблюдения к эмпирическим зависимостям и фактам. Прежде всего, эпистемология в медицине имеет дело с качеством доказательств и аргументов: как мы знаем то, что мы знаем? Каковы природа и качество аргументов? Как мы понимаем, насколько надежны доказательства? Есть ли другие возможные интерпретации? Каким образом будет сконструирован эксперимент или исследование, результатам которого мы поверим, и что не так в его проведении, если его результат мы отвергаем? Эффективность метода, или философского подхода, который лежит в ос-

нове практики врача, определяется успешным исходом лечения, основанным на корректной диагностике.

С точки зрения современной истории науки необходимость обращения ученых к методологии философии науки обусловлена объективной взаимосвязью предметов их исследования и общим стремлением к идеалу рациональности. Исследуя эволюцию эпистемологических представлений в медицине, мы сможем с большей достоверностью определить роль и значение тех или иных методологических установок в развитии медицины, а также реконструировать становление и развитие медицины как науки.

Балалыкин Дмитрий Алексеевич — д.мед.н., д.и.н., проф., зав. кафедрой истории медицины, истории Отечества и культурологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет);

Шок Наталия Петровна — д.и.н., проф. кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет).

B. HATTON

БИБЛИОТЕКА ГАЛЕНА*

V. NUTTON

GALEN'S LIBRARY

Гибель библиотеки Галена

В начале 192 г. крупный пожар охватил Храм Мира. Тогда сгорела большая часть личной библиотеки Галена вместе со всеми лекарственными препаратами и медицинскими инструментами¹. Гален лишился редких книг, копий своих произведений. Некоторые из них, например, «О прогнозе», ему пришлось восстанавливать (с неизбежным изменением композиции) почти всю оставшуюся жизнь². Это был весьма болезненный удар для ученого-врача, который изложил в своих книгах так много бесценных мыслей и авторитет которого в какой-то мере зависел от количества написанных книг. Когда-то Гален раздавал копии собственных и чужих произведений своим друзьям и врачам, нуждавшимся в специальной литературе. После пожара ему оставалось рассчитывать на щедрость тех, кто когда-то получил ценный дар, только

* Статья опубликована в сборнике «Galen and the world of knowledge» (Cambridge University Press, 2009. P. 19–34).

¹ См.: *Herodian*. Hist. I. 14; *Cassius Dio*, Hist. LXXIII. 24. 1, где пожар назван одним из предвестников смерти Коммодия в 192 г.; другие свидетельства (см.: *Galen*. Ind. 23) датируют его концом зимы, за два или три месяца до начала лета и появления пассатных ветров.

² *Galen*. Hipp. Epid. VI. 8: *Corpus Medicorum Graecorum* (далее — CMG) V. 10. 2. 2, 485. Поскольку текст «О прогнозе» (XIV. 599–673) не имеет следов переработки или изменения композиции, он вполне может происходить от копии, забранной Галеном или кем-либо еще от друзей (Ind. 21). Последнее наиболее вероятно, поскольку Гален не упоминал об этом в «*De libris propriis*».

благодаря им уникальная библиотека не погибла в огне безвозвратно³. По словам Галена, потеря библиотеки действительно могла бы стать причиной безмерной печали, и только философское отношение к превратностям судьбы, которое ему привили отец и дед, помогло сохранить невозмутимость даже в такой ситуации⁴. Гален говорил, что другие могли потерять самообладание и поплатиться за это. Грамматик Каллист, который также потерял свои книги при пожаре, настолько глубоко переживал утрату, что лишился сна, заболел лихорадкой и в конце концов умер от горя⁵.

Библиотека Галена располагалась на складе за улицей Сакра в центре Рима, возможно, на одном из тех, где хранились редкие товары из Египта и Аравии. Склад был вполне основательным строением, единственной деревянной деталью были двери. Это отдельно стоящее здание стерегла военизированная охрана, потому что там помещались некоторые императорские архивы. Неудивительно, что здание считалось неприступным, его аренда была существенно выше, чем аренда других помещений⁶. Неизвестно, хранил ли там Гален все или почти все свои книги, как в свое время Каллиста, но сам Гален говорит, что положил туда на хранение всю свою утварь, лекарства, книги, золото, серебро и кредитные документы до своего переезда в Кампанию, где у него был еще один крупный участок земли⁷. К тому времени, когда произошел пожар, он еще не переехал, но больше нигде не упоминает о происшествии, почти уничтожившем его библиотеку. Напротив, создается впечатление, что большая часть библиотеки была в порядке.

³ Meyerhof M. Notes sur quelques médecins juifs égyptiens qui se sont illustrés à l'époque arabe // Isis. 1929. Vol. 12. № 3. P. 84.

⁴ Galen. De indolentia (далее — Ind.) 59. Ссылки на главы в *editio princeps*: Boudon-Millot V. Un traité perdu de Galien miraculeusement retrouvé, le *Sur l'inutilité de se chagriner*: Texte grec et traduction française // La Science médicale antique: Nouveaux regards / Ed. V. Boudon-Millot, A. Guardasole, C. Magdelaine. Paris: Beauchesne, 2007. P. 67–118. О фрагментах, известных ранее на арабском или еврейском языках, см. Halkin 1944: 110–115; Zonta M. Un interprete ebreo della filosofia di Galeno. Gli scritti filosofici di Galeno nell'opera di Shem Tob ibn Falaquera. Turin, 1995. P. 113–123.

⁵ Galen. Hipp. Epid. VI. 8: CMG V. 10. 2. 2, 486. В Ind. 7 есть такая же история, но упоминается имя Филид, хотя приведенный здесь вариант не может считаться единственным правильным.

⁶ Galen. Ind. 8–9.

⁷ Ibid. 4, 10. Есть намек, но не более того (Ind. 49), что Гален был смещен со своей должности императорского доктора.

Галену не повезло вдвойне, так как он уже договорился о том, чтобы сделать по две копии всех книг, кроме тех, что оставались в Риме, одну — для распространения, а вторую — для перевозки в Кампанию, но туда он так и не смог ничего отправить. Случись пожар через два месяца, его потери были бы значительно меньше⁸. Поскольку все книги были уничтожены, Галену пришлось восстанавливать свою библиотеку с помощью друзей и знакомых, рассчитывать на копии книг, сохранившиеся в публичных библиотеках, — таким образом, удалось восстановить большую часть сочинений. Тем не менее, многое погибло безвозвратно, в том числе личные записки и копии других работ. К сожалению, это была не последняя библиотека, вместе с которой огонь унес множество нераскрытых тайн⁹.

Что нам известно о библиотеке Галена

Что же мы знаем о библиотеке Галена до и после пожара? Насколько мы можем реконструировать письменные свидетельства об эрудиции Галена? И как мы можем использовать эту информацию, чтобы пролить свет на деятельность Галена как ученого и мыслителя в Риме эпохи Антонинов? Ответы на эти вопросы не просто дать даже после повторного прочтения книги «De indolentia», хотя и самая малая попытка может помочь в нелегком деле обрести наследие Галена.

Скорее всего библиотека Галена была огромной. Он не просто так упоминал в своих трудах столько заголовков; многие его трактаты состояли из нескольких книг, каждая из них представляла собой один свиток, и только его собственные сочинения составляли шестьсот или семьсот таких свитков¹⁰. Кроме того, стенографи-

⁸ Ibid. 21–22.

⁹ Ibid. 21 (публичные библиотеки), 29–30, 32 (замечания), 12–14, 17–18 (копии работ, потерянных в других библиотеках). О других римских библиотеках: *Stroka V.M.* Römische Bibliotheken // *Gymnasium*. 1981. Bd. 88. S. 298–329; *Cavallo G.* Le Biblioteche nel mondo antico e medievale. Roma: Laterza, 1988; *Blanck H.* Das Buch in der Antike. Beck's archäologische Bibliothek. München, 1992.

¹⁰ Ас-Самавал (*As-Samaval*, fl. 1165) говорит, что в библиотеке сохранились «многие тысячи ценных работ по философии и науке» (*Rosenthal E.I.J.* Averroes' Commentary on Plato's Republic. Cambridge, 1956. P. 563), но называет своим источником «Платона и его законы».

сты записывали его слова и копировали любые сокровища, которые он хотел иметь для собственных задач¹¹. Вероятно, что его собрание было одной из крупнейших древних коллекций медицинских книг наряду с коллекцией ненасытного читателя Плиния Старшего. Однако любая попытка поставить Галена и остальных авторов в ряд медицинских библиофилов обречена на провал¹². Цельс, автор труда «О медицине», был достаточно образованным человеком, хотя установить источник его познаний совсем не просто, то же самое можно сказать о Руфе Эфесском. Что касается других врачей, то зачастую это и вовсе невозможно. Папирологические и археологические свидетельства, касающиеся медицинских библиотек, в лучшем случае неоднозначны. Ни один исследователь не имеет оснований полагаться лишь на немногочисленные свитки из саркофага врача из Остии или афинскую резную могильную плиту, обнаруженную в римский период. Эти символические образцы медицинской культуры не являются полноценными свидетельствами реальной ситуации¹³. Например, обращение одного египетского врача II или III вв. к своей матери с просьбой вытереть пыль с его медицинских книг позволяет предположить, что у врача было несколько книг¹⁴. Собственные комментарии Галена о том, какими книгами владели его менее успешные коллеги, означают, что у них было по несколько книг. Гален рекомендует очерки и выписки из своих собственных крупных работ как наиболее подходящие для тех, у кого нет ни времени, ни желания заниматься изучением самих трудов, поскольку оно требует больших усилий и немалого времени¹⁵. В трактате «De optimo medico cogno-

¹¹ *Galen. Aff. Dig. 9: V. 48* (его поведение предположительно контрастирует с поведением других); ср.: *De lib. prop. 1: XIX.14; Praec. 5: XIV. 630; Jacob C. Athenaeus the Librarian // Athenaeus and his world: Reading Greek Culture in the Roman Empire / Ed. D. Braund. J. Wilkins. Exeter. 2000. P. 87–102.*

¹² О частных библиотеках см.: *Cavallo G. Op. cit. P. 31–46; Blanck H. Op. cit. P. 113–120; Jacob C. Op. cit. P. 87–102; Casson L. Libraries in the Ancient World. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001.*

¹³ *McCann A.M. Roman Sarcophagi in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum, 1978. Pl. 174–175.* Разнообразие собрания антиков университета Фрайберга в Брейсгау до сих пор не опубликовано.

¹⁴ *Pap. Ross. Georg. III. 1. Cp.: Marganne M.-H. Le livre médical dans le monde gréco-romain. Liège: Editions de l'ULG. 2004. P. 81–84.*

¹⁵ *Galen. Comp. puls. 1: IX. 432–434.*

scendo» Гален изложил, какие базовые знания о трудах выдающихся авторитетов прошлого нужно иметь. Это позволяет предположить, что любой грамотный врач должен иметь серьезную библиотеку. Из сохранившихся сочинений Галена также ясно, что большая часть этого «основного курса» вполне может быть составлена из различных наставлений, учебников или очерков¹⁶. Разумеется, существовали и другие целители, у которых было достаточно средств, но, к огорчению Галена, они даже не думали тратить на книги столько времени и денег, сколько он сам. Любой, кто купил 48 книг комментариев Юлиана к «Афоризмам» (скорее всего Гален был в их числе), не говоря уже о 156 книгах, написанных Тиберием Клавдием Менекратом, должен был изначально иметь много денег, чтобы заплатить за эти произведения, а также достаточно свободного места, чтобы разместить их¹⁷.

Если мы еще раз откроем книгу «De indolentia», то больше узнаем о том, как Гален создал свою библиотеку. Иногда он писал краткие конспекты книг по медицине и философии, которые прочел, либо своды рецептов лекарств, собранных из различных источников, некоторые из этих рецептов были завещаны Галену его другом Тевфрантом, другие он купил, третьи — выменял¹⁸. Он всегда пользовался многочисленными библиотеками в Риме, ему удавалось найти то, что не числилось или было неправильно указано в каталогах¹⁹. Найденное он использовал для создания собственных копий. Он также стремился получить самые подробные тексты многих авторов, среди них произведения в окончательной редакции. Таковыми были его копии работ Теофраста, Аристотеля, Евдема, Фениаса, таинственного Клитуса, Хрисиппа и других врачей, живших в древности²⁰.

По сей день полный список книг библиотеки Галена невозможно составить в силу трех очевидных причин. Во-первых, нам приходится верить Галену на слово, мы знаем только о тех книгах,

¹⁶ Galen. Opt. med. cogn. passim. Cp.: Ancient Histories of Medecine. Essays in Medical Doxography and Historiography in classical Antiquity / Ed. P.J. van der Eijk. Leiden, 1999.

¹⁷ Galen. Adv. Jul. 1: XVIII A. 248; Inscr. Graec. XIV. 1759.

¹⁸ Galen. Ind. 29–30, 32–36.

¹⁹ Ibid. 13–14.

²⁰ Ibid. 14–16. Судя по тому, как он делал акцент на труды перипатетиков (Ind.), можно предположить, что его адресат сам был перипатетиком.

которые он сам упомянул в своих работах, а ведь могли быть и те, которые он забыл упомянуть или упоминал в работах, не сохранившихся до наших дней. Во-вторых, приводя цитаты, мы видим ссылки на авторов или книги, но не всегда видим их имена и названия. Косвенные цитаты из Платона, например, можно найти во всех трудах Галена, и вездливый поклонник Аристотеля также без труда отыщет многочисленные намеки на свод сочинений Аристотеля. Но у Галена хватает и своих трудов, и для признания многогранности его таланта, вовсе не обязательно искать в его работах ссылки на чьи-либо сочинения. В-третьих, сочинения Галена — это как раз тот случай, когда очень трудно выделить цитаты и ссылки в авторском тексте, а также определить, является ли эта ссылка прямой или косвенной. Искусство риторики, освоенное Галеном в совершенстве, может скрывать, сколь много он почерпнул в трудах других авторов²¹. Например, несомненно, что ссылки на чужие тексты характерны, скорее, для более поздних комментариев к Гиппократу, чем для ранних. Можно предположить, что источником этой информации или, по крайней мере, ее части мог быть несправедливо поруганный в свое время Руфус из Самарии²². Но я не ставлю перед собой цель проанализировать ранние комментарии Галена к работам Гиппократа, поскольку они достойны отдельного исследования. Я бы хотел понять, каких авторов Гален знал и какими литературными источниками пользовался. Поскольку Гален рассказывает о своем знакомстве с литературой весьма скудно, мы можем легко выявить закономерности и методики, опираясь на богатую информацию, содержащуюся в его сочинениях по медицине и философии. Проанализировав цитаты Галена, мы сможем определить его место в контексте философских изысканий.

²¹ Zigler K. Plutarchos // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (далее — RE). 1951. Vol. XXI. I. Cols. 914–928; Athenaeus and His World: Reading Greek Culture in the Roman Empire / Eds. D. Braund, J. Wilkins. Exeter. 2000. P. 71–240; Carriker A. The library of Eusebius of Caesarea. Leiden: Brill. 2003.

²² Galen. Hipp. Epid. VI // CMG V. 10. 2. 2. 212. 293; Pfaff F. Rufus aus Samaria, Hippokrateskommentator und Quelle Galens // *Hermes*. 1932. Vol. 67. P. 356–359; Smith W.D. The Hippocratic Tradition. Ithaca. NY; London: Cornell University Press. 1979. P. 164. В общем, см.: Manetti D., Roselli A. Galeno commentatore di Ippocrate // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* (далее — ANRW). 1994. Vol. 37. N 2. P. 1529–1635.

Гален — мастер аллюзий

Библиотека Галена не ограничивалась сочинениями по медицине или философии²³. Как и его отец, Гален, имевший репутацию широко образованного и культурного человека, мог свободно обращаться с цитатами и аллюзиями в своих произведениях. Несмотря на то что Гален был знаком с несколькими писателями-современниками, чьи произведения сохранились до нашего времени, а также с теми, чьи работы безвозвратно утрачены (например, автора мимов Маруллы или, возможно, философа-женщины Арриа), он не говорит о том, были ли книги этих авторов в его библиотеке²⁴. Ирод Аттик описан как один из лучших ораторов своего времени, в то время как Лукиан упоминался только потому, что умел составлять убедительные компиляции ранних трактатов по медицине и грамматике²⁵. Из описаний Галена с трудом можно понять, что речь идет о бывшем консуле Арриане, который постоянно прикладывал сложенные рупором ладони к глухому уху, чтобы хоть что-то разобрать, когда с ним разговаривали, об историке Александре или о студенте Эпиктете²⁶. Только в случае с Элием

²³ Среди работ по литературным источникам Галена см.: *Wenkebach E.* Beiträge zur Textgeschichte der Epidemienkommentare Galens. Berlin: W. de Gruyter u. Co, 1928; *Deichgräber K.* Parabasenverse aus Thesmophoriazusen II des Aristophanes bei Galen // Sitz. Deutsch. Akad. Wissensch. Berlin kl. F. Sprachen, Lit. u. Kunst. 1956. Bd. 2; *Silk M.S.* LSJ and the Problem of Poetic Archaism: From Meanings to Iconyms // *Classical Quarterly* (далее — CQ). N.S. 1983. Vol. 33. P. 303–330; *Manetti D., Roselli A.* Op. cit. Работы по использованию Галеном сочинений других писателей вне комментариев по Гиппократу встречаются реже: *De Lacy P.* Galen and the Greek Poets // *Greek, Roman and Byzantine Studies* (далее — GRBS). 1966. Vol. 7. P. 259–266; *Moraux P.* Homere chez Galien // *Stemmata. Melanges de philologie, d'histoire et d'archeologie grecques offerts à Jules Labarbe* / Eds. J. Servais et al. Liege-Louvain-la-Neuve, 1987. Несмотря на название, Брокер работает только с методами Галена по комментариям в работах Гиппократа (см.: *Bröcker L.O.* Die Methoden Galens in der literarischen Kritik // *Rheinisches Museum*. 1885. Bd. 40. S. 415–438).

²⁴ *Marullus.* De anatomicis administrationibus (далее — AA) VII. 12: II. 631, ср.: *De placitis Hippocratis et Platonis* (далее — PHP) I. 4–5; CMG V. 4. 1. 2, 72–74.

²⁵ *Galen.* Opt. Med. Cogn. 9 и 19; *Hipp.* Epid. II. 6. 29; CMG V. 10. 1. 402; *Strohmaier G.* Obersehenes zur Biographic Lukians // *Philologus*. 1976. Vol. 120. P. 117–122.

²⁶ *Galen.* XI. 12; III. 895.

Аристидом, одним из величайших ораторов, мы видим намек на то, что Гален был лично знаком с его сочинениями²⁷. Ссылка на могущество Асклепия, который предотвратил кораблекрушение, может напомнить нам известную «Песнь» Аристида, в которой, если верить Хабихту, говорится о том, что бог спас уверовавшего в него, когда тот потерпел крушение в море²⁸. Были и другие песни, некоторые из них упомянуты в комментариях к клятве Гиппократата, упоминания Галена о могуществе бога-спасителя вовсе не обязательно основывались на каких-либо литературных источниках²⁹. Вряд ли основой суждений Галена послужили слова Полемо Софиста о том, что Рим есть воплощение целого мира, поскольку эта фраза кажется подозрительно широко распространенной³⁰. Другие современники или почти современники Галена, например, Менодот или Фаворин, становятся объектом нападков со стороны Галена, а их комментарии Гален интерпретирует по собственному усмотрению³¹.

Те современные и почти современные Галену авторы, к которым он в свое время обратился, как правило, «безмолвствуют», исключение составляют учителя Галена. Можно сказать, нам повезло, что среди горстки писателей римского периода, которые не были врачами и книги которых Гален цитирует с явным одобрением, есть два известных нам — Плутарх и Птолемей. Если бросить взгляд на издание Кюна (*Ant. II. 12*), к этому коротенькому списку можно добавить и третьего — Плиния Старшего, но эта лемма — лишь собственная вставка Шартье, и Гален цитирует этого латинского автора только в контексте написанного на латыни рецепта, сохранившегося у какого-то греческого писателя³². Ссылка на

²⁷ *Galen. Plat. Tim. 4.*

²⁸ *Galen. Prop. Plac. I. 2; Herzog R. Ein Asklepios-Hymnus de Aristeides von Smyrna // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse. 1934. Bd. 23. S. 753–770 (=Inscr. Ascl. Perg. 145).*

²⁹ *Galen. Hipp. Ius.; Rosenthal E.I.J. Op. cit. P. 73.* Его цитата из «Песни» Арифрона не отмечена: *Stafford T.J. Vice or Virtue? Herakles and the art of allegory // Herakles and Hercules: Exploring a Graeco-Roman Divinity / Ed. L. Rawlings. Swansea: Classical Press of Wales, 2005. P. 137–138.*

³⁰ *Galen. Hipp. Art. I. 22: XVIII. 347; Athenaeus. Deipn. I. 20.*

³¹ *Galen. Lib. Prop. 9, II и 12: XIX. 38, 44–45.*

³² *Galen. Ant. II. 12: XIV. 183.* Ссылки Галена на Скрибония Ларгуса, двуязычного писателя, встречаются среди имен и других греческих авторитетных писателей. Они почти наверняка ведут к работе Скрибония на греческом языке, но не к написанной на латыни работе «*Compositiones*».

Плутарха не совсем обычна. Она расположена посреди долгой отповеди, которую дает Гален Хрисиппу за пространные цитаты из Гомера, Гесиода и других поэтов. Как утверждал Филипп де Лейси, Гален совершенно случайно выбрал Хрисиппа для цитат из поэзии, но сделал это неуместно и, прежде всего, некомпетентно³³. Вместо того чтобы выбрать отрывки, которые направили бы разум прямо к сердцу, Хрисипп предпочитает множество других, посвященных страстям, горю, гневу и духу. Хрисипп достаточно хорошо знал поэзию и, как говорит Гален, прекрасно понимал, что рано или поздно поэты начнут говорить о разных учениях, как это сделал в свое время Плутарх в труде «О жизни и поэзии Гомера»³⁴. Подобные единичные сравнения очень редко встречаются у Галена, не в последнюю очередь благодаря своей краткости. Это означает, что его аудитория находится под сильным влиянием авторитета источника, и вовсе не случайно эту потерянную работу Плутарха трижды упоминает Авл Геллий, который жил во времена Галена³⁵. Несмотря на название трактата, в котором Плутарх критикует Эпикура и с помощью Аристотеля описывает пищевые табу пифагорейцев, Геллий связывает его скорее с философией, чем с литературой. Но разве Плутарх критикует стоиков, за которыми следует сам Гален?

Видимо, проще всего объясняется включение Птолемея в список наиболее известных писателей по астрономии наряду с Диоскуридом Оратором, Аполлинарием Эзанским и неким Альтанусом³⁶. Все они были писателями римского периода (в списке Галена они, разумеется, следуют после Гиппократов), их упоминание свидетельствует о значительных познаниях Галена в технической астрономии (и астрологии). В арабской версии комментариев к труду «Airs, Waters and Places» Птолемей назван царем Египетским и неправдоподобно выглядит с учетом предположения Джеральда Тумера о том, что все ссылки на Птолемея являются более поздними добавками арабских авторов, ибо тогда считалось обычным делом перепутать астронома с целой правящей династией³⁷.

³³ *De Lacy P.* Op. cit. P. 264–265.

³⁴ *Galen.* PHP III. 2. 18: V. 300.

³⁵ *Aulus Gellius.* Noct. Att. II. 8; II. 9; IV. 11.

³⁶ *Toomer G.J.* Galen on the Astronomers and Astrologers // *Archive for History of Exact Sciences.* 1985. Vol. 32. P. 193–206; из «Комментариев к трактату “Airs, Waters and Places”» [— см.: <https://archive.org/details/b23983139> (август, 2017) — примеч. ред.].

³⁷ *Ibid.* P. 204.

Готтхарт Стромайер сообщил мне, что Гален никогда не упоминал Птолемея в этом комментарии, так что мы не можем сказать, на каком основании арабский писатель Аль-Масуди заявил, что в своих работах Гален часто нападал на Гиппарха, с которым, возможно, мог встречаться в молодости³⁸.

Тем не менее, подавляющее большинство цитат Галена происходит из трудов греческих классиков. Среди этих высказываний встречаются и весьма любопытные примеры. Гален не проявляет большого интереса к истории, можно почувствовать даже некоторое презрение к историкам. Он дважды предостерегает своих читателей от чтения медицинских текстов, если их авторами являлись Геродот или Ктесий; Гален полагает, что их следует читать для удовольствия, но не для получения полезной информации³⁹. Он не ссылается на исторические труды Ктесия и приводит лишь несколько цитат из Геродота⁴⁰. Никто из историков, за исключением Фукидида, не удостоился чести быть упомянутым наравне с Полибием, когда Гален говорил об ораторах, философах и историках, которые использовали слово *aphormē* для обозначения первоначального действия, которое можно было бы назвать причиной, ибо это было любимым словом Полибия⁴¹.

Среди историков, несомненно, чаще всего Гален цитирует Фукидида. Действительно, после Гиппократов, Платона и Аристотеля Гален называет Фукидида любимым прозаиком, и не только потому, что он писал о чуме и болезнях (это делали и другие писатели, не упомянутые Галеном, хотя в большинстве случаев он ссылается именно на главы трудов Фукидида, посвященные чуме в Афинах). Гален даже написал отдельный трактат о Фукидиде, высоко оценил полноту его отчетов и попытки составить максимально точные описания⁴². Гален понимал, что Фукидид, не бу-

³⁸ Ibid. P. 201. Я согласен с Тумером, что это мнение характерно для арабской литературы.

³⁹ Galen. AA. III. 9; II. 393; Hipp. Epid. VI. 3. 13; XVIII. 33.

⁴⁰ Если только его ссылки на мнение Ктесия о методах Гиппократов по вправлению вывихов (Hipp. Art IV. 40; XVIII. 731) не были взяты из исторического труда, который далек от истины. О Геродоте см.: Alim. Fac. I. 13: VI. 536; Hipp. Aph. VII. 50; XVIII. 156; Protr. 9 и 13; I. 22; 35.

⁴¹ Galen. Hipp. Epid. VI. 3. 18; XVIII. 54. Ср.: Thucydides. Hist. I. 90; Polybius. Hist. I. 41. 6; II. 52. 3.

⁴² Kudlien F. Galens Urteil über die Thukydideische Pestbeschreibung // Episteme. 1971. Vol. 5. P. 132–133. Комментарий Галена (Ind. 54) о том,

дучи врачом, не мог охватить все темы, столь важные для последователей Гиппократов. Если бы ему это удалось, его книги приобрели бы еще большую ценность⁴³. Гален приводит цитаты из Фукидида, по крайней мере, из трех первых книг, не только в сугубо медицинском контексте. Гален комментирует использование Фукидидом слова *malista* с числами для обозначения аппроксимации (как и большинство писателей в настоящее время), а также $\bar{\epsilon}$ вместо *kai*⁴⁴ как соединительной частицы, а не как разделяющей⁴⁵. Ему интересно, что Фукидид говорит о здоровом суждении устами Фемистокла или Перикла, а также то, что суждение может быть искажено гневом⁴⁶. Дважды он цитирует ответ Диодота Клеону в дебатах о Митиле, чтобы показать необходимость здравого смысла и точности языка⁴⁷. Существуют и другие ссылки, например, о появлении звезд в небе во время затмения, на Гармодия и Аристогитона, которые решались действовать, даже зная о возможной опасности и, таким образом, могли выступать как образцовые врачи, которые предпочтут рискованное лечение бездействию, неизбежно приводящему к печальному финалу⁴⁸.

Другие историки не удостоены внимания. У кого из них Гален почерпнул информацию, приведенную позже в комментариях к клятве Гиппократов, сейчас сказать трудно. В ссылке на снежную слепоту упоминается «Anabasis» Ксенофонта, и именно философа Ксенофонта Гален цитирует чаще всего⁴⁹. У него есть цитаты или аллюзии из «Memorabilia», «Symposium» и «Oeconomicus», но нет цитат из «Histories»⁵⁰. В комментариях Гален подтверждает, что стиль Ксенофонта вполне обычный, но автор использует редкие слова и выражения в зависимости от жанра⁵¹.

что историки давали свои описания катастроф для того, чтобы напомнить читателям, что их может ожидать в будущем, относятся, скорее всего, к жизни в период правления Коммодия, хотя могут иметь и более общее значение, как у Фукидида.

⁴³ Galen. Hipp. Art. IV. 39: XVIII A. 729; Diff. Resp II. 7: VII. 850–851.

⁴⁴ Hist. III. 23. 5.

⁴⁵ Galen. Hipp. Art. II. 21: XVIII A. 450; Hipp. Off. III. 19: XVIII B. 849.

⁴⁶ Galen. PHP V. 7: V. 503; Hipp. Epid. VI. 5. 2: XVIII B. 237; VI. 1. 3: XVIII B. 819.

⁴⁷ Galen. UP III. 10: III. 42; Opt. Med. Cogn. 8, 4. 94.

⁴⁸ Galen. UP X. 3: III. 776; MM X. 10: X. 719.

⁴⁹ Galen. UP II. 28: III. 775–777.

⁵⁰ Galen. PHP IX. 7. V. 781; UP I. 9: III. 25; Hipp. Art. I. 1: XVIII A. 301.

⁵¹ Galen. Hipp. Art. I. 68: XVIII A. 414–415.

Ссылки на прозаиков, не являвшихся философами, значительно более редки: три или четыре раза Гален обращался к Демосфену, один раз к Динарху, комментировал использование Андокидом слова *malista* для указания на круглое число в своем труде «О тайнах»⁵². Цитаты из Эсхина Сократика, Лисия, Гиперида и «Афоризмов и диалогов» Крития показывают, как греки классического периода понимали афоризм⁵³. Были ли в библиотеке Галена копии книг Лисия и Крития или он просто повторял то, что узнал в школе? А может, он использовал пример из какого-то другого источника? Последняя версия скорее всего отпадает — поиск какой-то конкретной монографии о здоровых суждениях, как предполагает Амнерис Розелли, может зайти слишком далеко. Кроме того, зная Галена, нельзя исключать и того, что он добавил что-то от себя⁵⁴.

Источники — посредники

Когда речь заходит об источниках Галена, всегда вспоминается одно «но»⁵⁵. Иногда его формулировки таковы, что четко указывают на источник-посредник. Когда Гален в своем комментарии к «Хирургии» Гиппократов дословно цитировал не упоминаемого в других источниках Стоика Симиаса по поводу значения термина *catalepsis*, контекст дает основание предположить, что он позаимствовал этот отрывок у своего учителя Эфициана, характеризуемого как практика медицины, как ее понимали стоики⁵⁶. С другой стороны, Гален цитировал Антифона Софиста и первый том его книги «Об истине» (наряду с Лисием и Критием при обсуждении термина *gnômê*). Гален использовал в своей речи существенные отрывки из второго тома, а значит, можно предположить, что у него была копия этой достаточно редкой работы. Гален зачастую пользовался терминами из цитат, а в случае с трудом «О медицинских терминах» он описал чужими словами все, что считал нужным дополнить о жаре, желчи и

⁵² Galen. PHP V. 7: V. 503; Protr. 6: I. 10 (но может быть Антистен); Praen. I. 1: XIV. 603 (аллюзия с De Cor. 263); Hipp. Prog. III. 2: XVIIIВ. 237; Dinarchus. Hipp. Prog. III. 2: XVIIIВ. 237; Antocides. II. 21: XVIIIА. 450 (слово отсутствует в рукописи [Myst. 38], но восстановлено редакторами).

⁵³ Galen. Hipp. Off. Med. I. 3: XVIIIВ. 657.

⁵⁴ Manetti D., Rosetti A. Op. cit. P. 1572.

⁵⁵ Хорошее обсуждение: Ibid. 1571–1579.

⁵⁶ Galen. Hipp. Off. I. 3: XVIIIВ. 564.

лихорадке⁵⁷. Гален неоднократно обращался к Антифону и его книгам; скорее всего, другой дополнительный источник ему уже не требовался. Можно даже сказать, что таких источников у него не было вовсе. Имел ли Гален доступ к другим ранним философам, кроме как к «Золотым словам» Пифагора, которые, как он утверждал, он читал каждый день?⁵⁸ Увы, у нас нет никаких явных доказательств того, что у Галена было что-то, о чем мы не знаем, если речь идет о произведениях более ранних мыслителей⁵⁹. Возможно, ему приходилось полагаться на непроверенные данные, точки зрения, зачастую раздражавшие его, или в высшей степени спорные темы, например, о вечности мира или природе души. В отношении последних Гален и сам часто не мог сказать ничего определенного⁶⁰.

Если верить уцелевшему отрывку из арабской биографии Галена, у него могла быть копия по крайней мере одного досократика. Опираясь на труд «De indolentia», Ибн Аби Усаибия сообщает, что «некоторые из сожженных рукописей побывали в руках Аристотеля, Анаксагора или Андромаха. Он получил их от своих учителей, с особенной тщательностью проверяя доставшиеся манускрипты от Платона. Часто ему приходилось много путешествовать только для того, чтобы сравнить свою копию с другой и внести в нее поправки»⁶¹. Биограф не может цитировать непосредственно по книге-источнику, он может только перефразировать или ссылаться на источник, в котором собрана разная информация⁶². Сам

⁵⁷ *Galen. Hipp. Off. I. 3: XVIII A. 656; Hipp. Epid. III. 32: XVIII A. 680, 681; MedNam. 34.*

⁵⁸ *Galen. Aff. Dign. 6: V. 30 и 33.*

⁵⁹ *Galen. HNH 1. 15; CMG V 9. 3. 20; выше 5 ff; Manetti D., Rosetti A. Op. cit. P. 1573.*

⁶⁰ *Galen. Prop. Plac. 1. 2; CMG V 3. 2. 56, с другими свидетельствами.*

⁶¹ *Meyerhof M. Op. cit. P. 84–85.*

⁶² Об обсуждении арабской биографической традиции касательно Галена см.: *Swain S. Beyond the Limits of Greek Biography: Galen from Alexandria to the Arabs // The limits of ancient biography / Eds. B. McGing, J. Mossman. Swansea: Classical Press of Wales, 2006. P. 395–433; Stromaier 2007. С. Свейн (Swain S. Op. cit. P. 414–419) отмечает явную скрупулезность Ибн-Аби-Усаибия в записи своих источников. Он намного подробнее и менее замысловат по сравнению с другими биографами. Но здесь он может в большей степени зависеть от других, чем он предполагает, либо быть неточным в своих выводах.*

Гален говорил об имевшихся у него копиях многих древних грамматиков, ораторов, врачей и философов, в том числе Платона (в свое время они принадлежали Панетию Родосскому и находились в библиотеках в Палатине), но Гален никогда не упоминает автографические манускрипты Аристотеля, Андромаха или Анаксагора⁶³. Йоханнес Ильберг утверждал, что Гален говорил не об «автографах» (*autographa*), а о «рукописях» (*antigrapha*) и что эта ошибка привела к искажению в греческом манускрипте, который и был переведен переводчиком. Тем не менее можно предположить, что источник Ибн Аби Усаибия содержал ошибку о библиотеке в Палатине, которую видел и Гален⁶⁴. Учитывая длинные цитаты Галена из Аристотеля и обоих Андромахов, врачей Нерона и Траяна можно не сомневаться в том, что собственные копии у Галена все же имелись⁶⁵. Вместе с тем ссылка на Анаксагора неожиданна и имеет большое значение для изучающих философию досократиков. Мы можем логично предположить, что по крайней мере один экземпляр сочинений этого философа был доступен в Риме эпохи Антонинов. Даже если предположить, что прилежные студенты изучали медицину на греческом и философию на арабском, как допустил Г. Стромайер, ни один из аргументов «за» не выдерживает никакой критики⁶⁶. Гален хранил у себя книги, которые не дошли до нашего времени, но об Анаксагоре он знает, похоже, не из своих собственных источников: цитаты из Анаксагора⁶⁷ могли быть непосредственно или косвенно заимствованы у Теофраста, причем сам Гален упоминает, что ссылался на Сабина как на источник⁶⁸. Кроме того, греческие имена, как известно, часто искажаются при переводе на арабский язык. Это значит, что если два разных арабских автора хранят одну и ту же информацию, не исключено, что в перевод могла закрасться ошибка. Аналогичным

⁶³ Galen. Ind. 13, 15.

⁶⁴ Meyerhof M. Op. cit. P. 85, n. 4. Ср.: Boudon-Millot V. Op. cit. P. 85.

⁶⁵ Гален (Galen. Ind. 17) говорит о транскрибировании работы, похожей на аристотелевскую, но изначально сохраненной в Палатинской библиотеке как анонимная или записанная под другим именем.

⁶⁶ Strohmaier G. Galen: Über die Verschiedenheit der homoiomeren Körperteile. Berlin, 1970. S. 80; обзор: Deutsche Literaturzeitung. 1973. Bd. 94. S. 887.

⁶⁷ Fr. A. 90.

⁶⁸ Fr. B. 22a.

образом, Анаксагор в арабских текстах мог появиться лишь благодаря творчески подошедшему к делу биографу, который неправильно понял оригинал текста⁶⁹.

Но есть и другие трудности в оценке того, насколько Гален знал труды других философов. Следует учесть, что с годами философские взгляды Галена изменились. Посидоний, например, удостоился очень ярких и лестных высказываний в трактате «Об учениях Гиппократов и Платона» с 160-х годов до 170-х годов, но у Галена есть только одна ссылка на логику Посидония и вынужденная цитата из его сочинения по этике «Зависимость души от тела» в одной из последних книг, написанной Галеном около 210 г.⁷⁰ По крайней мере это показывает, что Гален не обращался к Посидонию постоянно и использовал его лишь для полемики с Хрисиппом и ортодоксальными стоиками. Когда же это не входило в его планы, он забывал о Посидонии.

В «Комментариях» Гиппократов вторичные источники часто используются для продолжительных цитат из поэзии, которыми Гален надеялся ответить на вопросы Гиппократов о смысле и стиле. Даже если бы у нас не было случайных ссылок Галена на слова грамматиков или остальных авторов, нетрудно было бы сделать вывод, что свою исключительную эрудицию он подпитывает за счет других авторов⁷¹. В некоторых других трактатах ссылки приводятся реже и довольно расплывчато: «в трагедии», «комический поэт» и пр. Гален здесь больше намекает, чем цитирует напрямую. Некоторые ссылки, по-видимому, вставлены по памяти, и это позволяет лучше понять собственные предпочтения Галена. Открытым остается вопрос: являлись ли цитаты из «Holkades» Аристо-

⁶⁹ Я благодарен Малькольму Шофилду за обсуждение этого вопроса со мной. Кто-то может подумать о Праксагоре как об одном из «древних врачей». Интересно, что сам Гален не упоминает Анаксагора в своем трактате «О различных типах гомеомерических частей». Тем не менее мы можем легко исправить таинственное слово Κλίτου у Галена (Ind. 15) на Πρακλείτου; контекст предполагает упоминание раннего последователя Аристотеля (читается как Κλειτάρχω?).

⁷⁰ См. список: *Posidonius. I. The Fragments* / Ed. by L. Edelstein and I.G. Kidd. Cambridge, 1972. P. 760.

⁷¹ *Wenkebach*. 1928; *Silk M.S.* Op. cit; *Manetti D., Roselli A.* Op. cit. P. 1571–1579. Гален вполне мог добавить собственный материал, что он и сделал.

фана в диетологической работе «О свойствах пищевых продуктов» собственными мыслями Галена или заимствованиями из лексикона, как у Дидима Халкентера⁷². Ранее Гален уже использовал тексты Аристофана, одного из его любимых авторов, чтобы прокомментировать правильность написания слов. Наглядным примером того, как Гален приводил цитаты из своих же сочинений, служит необычное построение работы о лекарствах, где он цитирует Аристофана и Феокрита, чтобы показать, как раньше люди относились к жаворонкам⁷³. Сама цитата из комедии «Птицы» была достаточно длинна, и ее некоторая неуместность предполагает импровизацию, что полностью соответствует привычке Галена время от времени немного отходить от темы⁷⁴.

Выбор авторов у Галена

Выбор авторов у Галена трудно назвать необычным. Гален — типичный образованный грек II в. В первую очередь поэтом для него являлся Гомер, а поэтессой — Сафо. Цитат и аллюзий, связанных с произведениями Гомера, существенно больше, чем из трудов других поэтов, вместе взятых⁷⁵. Эллинистическая поэзия упоминается достаточно скупой, и несколько цитат — образцов лирической поэзии — взяты из хорошо знакомых произведений, например, о косолапом поэте-воине Архилохе⁷⁶. Есть множество цитат и ссылок на Еврипида; его Гален предпочитает явно больше, чем остальных трагиков⁷⁷. «Новая комедия» представлена недостаточно. Из Менандра взяты только три прямые цитаты; это даже меньше, чем у Пиндара, да и одна из них, скорее всего, позаимствована у Хрисиппа⁷⁸. Это отсутствие ссылок на «Новую комедию»

⁷² Galen. Alim. Fac. 1. 27: VI. 541. Об использовании лексикона Дидима (из которого он сделал эпитому), см.: Ind. 24, 27).

⁷³ Galen. SMT XI. 37: XII. 360, цитата из: Aves 471; Theocritus. Id. 7, 23.

⁷⁴ Ср.: Galen. Ind. 25–6, о его использовании «Старой комедии» для разрешения современного медицинского спора.

⁷⁵ Cobet. 1885; Moraux P. Op. cit.; о Сафо: Galen. Protr. 8: 1. 16; QAM 2: IV. 771.

⁷⁶ Archilochus. Fr. 114. Уэст цитирует: Galen. Hipp. Art. III. 38 и 87: XVIII. 537 и 605.

⁷⁷ De Lacy P. Op. cit.

⁷⁸ Menander. Galen. PHP IV. 6: V. 412 (из Хрисиппа); Di. Dec. I. 9: IX. 815, ср.: Menandri Monostich. 562; DNF I. 17: III. 67 общая ссылка на рабов

удивительным образом контрастирует с обилием ссылок на «Старую комедию» и «Среднюю комедию». Возможно, мы не должны удивляться этому неравенству, поскольку «Старая комедия» представляла для Галена особый интерес как в профессиональном, так и в художественном плане.

В трактате «О моих собственных книгах» Гален перечисляет четыре работы по лексике «Старой комедии»: три книги «*politika opomata*» (повседневные слова) из Евполида, две книги из Кратина и пять книг из Аристофана. Здесь же стоит упомянуть об одной книге, целиком посвященной словам, найденным в комедии⁷⁹. Гален также написал короткую работу «Полезно ли читать “Старую комедию” школьникам»⁸⁰. Поэтому, когда мы находим обширную цитату о комическом поэте с описанием Синезия, взятую у Платона, можно предположить, что Гален взял ее из копии в своей библиотеке⁸¹.

Но откуда у Галена интерес к «Старой комедии», и почему он считал потерю работы по «Старой комедии» такой же значимой утратой, как потеря частной коллекции рецептов?⁸² Гален интересовался, как использовался язык конца V и IV вв. до н.э., и объяснял с его помощью непонятные места из Гиппократов. Кроме того, Гален хорошо владел литературным стилем. Он не являлся строгим аттицистом. Гален предпочитал ясность архаическому педантизму, был убежден, что лучшие образцы греческой литературы уже были написаны классическими авторами, но ни в коей мере не призывал следовать только им и никому более. Гален вел непримиримую борьбу с авторами неологизмов, непонятных именно из-за своей новизны, хотя в языке существовали более удачные и понятные альтернативы. Когда его спросили, каких древних авторов он мог бы порекомендовать как образец для подражания, Гален, колеблясь, назвал Аристофана. По его мнению, чтобы узнать значение слова, не следует обращаться к трудам врачей и философов. Язык Аристофана — это простая повседневная лексика, именно

в комедиях Менандра. Pindar. Protr. 1 и 7: 1. 2 и 15 (две разных цитаты); Diff. Puls. III. 6: VIII. 682.

⁷⁹ Galen. Lib. Prop. 17: XIX. 48. Фраза часто переводится как политический термин, что неверно.

⁸⁰ Ibid. Является ли это намеком на трактат Плутарха, посвященный поэзии, или это просто распространенная тема для дебатов?

⁸¹ Galen. Hipp. Aph. VII. 149: XVIII. 149.

⁸² Galen. Ind. 23–28; 32–37 (рецепты).

так говорили читатели. Автор должен был использовать слова, которые бы были понятны читателям, и здесь Гален цитирует из утраченного в наше время издания «*Thesmophoriazusaе*». Если бы он хотел пошутить на медицинские темы, ему стоило бы использовать медицинские термины и фразы, которые находятся в обиходе. Гален утверждал, что способен написать огромные книги с примерами того, как комические поэты используют простые медицинские термины, например, «лихорадка». Так что, если кто-то хочет говорить с пациентами и читателями на понятном им языке, то модель Аристофана (или Платона — в философии) могла бы послужить образцом для подражания⁸³.

Во II в. писатель обладал достаточной эрудицией, умел обращаться со ссылками и аллюзиями на произведения других писателей, которые оказались чем-то полезны. Не являлся исключением и Гален, это видно по его тщательно продуманным вступлениям, призванным создать у читателя особое настроение перед прочтением самой книги. Так, например, во вступлении к книге «*De compositione medicamentorum per genera*» Гален приводит две строки из трагедии, в которой герои отправляются в разные районы Греции, и проводит параллели с собственной точкой зрения о том, как различные лекарства могут воздействовать на разные части тела⁸⁴. Гален элегантно использует ссылку на Кадмеана из Фив (этот город известен своими воротами), приводя пример лекарства, воздействующего на ворота печени. На первых страницах «Терапевтического метода» встречаются цитаты из Гомера, Гесиода и Еврипида, которые сопровождали намеки на других классиков греческой литературы, философии и медицины. Гален использовал их как оружие против якобы неграмотного и необразованного Фессала⁸⁵. Похожие намеки и цитаты из Евполида, малоизвестного комического поэта, а также две пьесы Еврипида («Финикийские женщины» и

⁸³ *Galen. Med. Nam.* 31–32; см. подробный комментарий *Deichgräber K.* Op. cit. Ср. также: *Ind.* 24, полезно для ораторов и грамматиков, а также для всех, кто может использовать аттическое слово.

⁸⁴ *Galen. Comp. Med. Gen. I.* 1: XIII. 363. Та же цитата (= *Nauck A. Tragicorum graecorum fragmenta.* 2nd ed. Leipzig, 1889. P. 177) встречается у Диогена Лаэртского через Хрисиппа (*Vit. Phil.* VII. 67. 3).

⁸⁵ *Galen. MM I.* 1–3. X. 1–30. Ср.: *Nutton V.* Essays in the history of therapeutics, Amsterdam: Rodopi, 1991: 18–20; *Mattern S.P.* Galen and the Rhetoric of Healing. Baltimore. 2008.

«Циклопы») выполняли аналогичную функцию, когда Гален нападал на Архигена в первых главах труда «О видах пульса»⁸⁶. Гален демонстрировал свое блестящее образование и стиль, благодаря которым его слова звучали убедительно для аудитории.

Когда Гален уходил от сугубо медицинских тем к другим, предназначенным для сравнительно широкой аудитории, его зависимость от цитаты и аллюзий проявлялась еще больше. Яркий пример — «*Exhortatio ad artes addiscendas*». Как показали Адельмо Баригацци и Вероника Будон-Милло, Гален включает в показательный медицинский текст разные рассказы и цитаты, как знакомые, так и незнакомые⁸⁷. Это тщательно проделанная работа, которая украсила бы любое произведение Плутарха или Лукиана. Существуют и другие работы Галена, в которых есть аналогичная комбинация стиля и эрудиции, например, «О морали» или «*De indolentia*»⁸⁸. В последний трактат включены рассказы, которые в той или иной форме встречаются у Плутарха и Диогена Лаэртского⁸⁹. В «Комментарии к Клятве Гиппократата», который занимает добрую треть книги объемом 70 страниц под редакцией Кюна, Гален показывает, что он знаком с местными традициями жителей Пергама и прочих хранителей древностей. Он ссылается на историю о том, как Елена Троянская открыла растение *helenion* во время пребывания в Египте, прослеживает этимологию имени Асклепий, как когда-то это сделал один неизвестный схолиаст (*Iliad* 4. 194)⁹⁰. Гален

⁸⁶ *Galen. Diff. Puls.* III. 1–2: VII. 636–648.

⁸⁷ См. вступления к их изданиям и переводам; CMG V. 1. 1 (1991); а также к изданию Буде (Paris: Les Belles Lettres, 2000).

⁸⁸ О первом см. английский перевод: *Mattock J.N.* A Translation of the Arabic Epitome of Galen's Book *Peri êthôn* // *Islamic Philosophy and the Classical Tradition: Essays Presented by his Friends and Pupils to Richard Walzer on his Seventieth Birthday* / Eds. Stern, Hourani and Brown. Columbia: University of South Carolina Press, 1972, с важными дополнениями: *Zonta M.* Op. cit. P. 29–79, 125–144. О последнем см.: *Boudon-Millot.* Op. cit., особенно, p. 75–76, 81–82.

⁸⁹ *Ind.* 45, 48. Длинная цитата, приведенная еврейским моралистом Ибн-Фалакерой, в новом тексте отсутствует и чаще появляется в известных анекдотах о Кроэсе и Поликрате, упоминаемых в «*Exhortatio ad artes addiscendas*». *Zonta M.* Op. cit. P. 113–123, особенно, Fr. 18, 20, 21; ср.: *Galen. Protr.* 4: I. 6.

⁹⁰ *Galen. Hipp. Ius.* P. 59, 65–66.

цитирует Гомера и приводит по крайней мере две песни в честь Асклепия. По словам Лукиана, одна из них, принадлежащая Арифрону, была достаточно известной, вторая же по сей день не идентифицирована⁹¹. В разделах, посвященных биографии Гиппократу, Гален в значительной мере опирается на его письма, дополненные личной информацией, которую можно было извлечь из «Корпуса Гиппократу»⁹². Даже во фрагментарном арабском переводе заметна эрудиция автора, которой он славился по всему Пергаму, а также его незаурядные способности сплести воедино исторические и литературные источники⁹³.

Что же это говорит о Галене, о его библиотеке и ее использовании? Во-первых, таким образом подтверждаются его же слова о широте собственных познаний, большую часть которых он почерпнул именно из личной библиотеки. На ум сразу же приходят сравнения с широким кругозором Плутарха, о котором говорил Конрад Циглер⁹⁴. Эрудиция Плутарха показывает, что он был знаком с разными писателями, среди них вполне могли быть и те, которых читал Гален. Те же рассказы и цитаты могли мирно уживаться в более поздних работах в совершенно разных областях знаний и жанрах. Тем не менее, когда Гален оставляет сугубо медицинские темы, его стиль и язык становятся очень похожими на стиль и язык Плутарха или Фаворина. Библиотека Галена, в которой были собраны почти все произведения золотого века Греции, в значительно меньшей мере отражает ранний эллинистический период. Ничего удивительного в этом нет. На самом деле, кто-то может сильно удивиться, что у Галена есть аллюзии на его современников: в этом просматривается сильное влияние ретроспективной традиции греческого литературного образования. Образование, которое получил Гален, очень часто оказывает влияние на его стиль; оно способствует использованию риторических фигур, так или иначе воздействующих на аудиторию. Риторика — это один из важнейших элементов, составляющих образ Галена — литератора эпохи Антонинов.

⁹¹ Ibid. 73.

⁹² Ibid. 77–81.

⁹³ Розенталь (*Rosenthal E.I.J.* Op.cit.) отказывается считать Галена автором, тем не менее, забыв о том, что автор был родом из Пергама, 60.

⁹⁴ См. *выше*, примеч. 21.

Неудивительно, что о греческой медицине эллинистического и императорского периодов Гален знает несколько больше, чем о греческой литературе того же периода. Это в какой-то мере помогает понять отношение Галена к медицине. Благодаря тщательному исследованию, потребовавшему без малого тридцать лет, мы видим, что во многом Гален был обязан своим учителям и их предшественникам, которые когда-то были учениками Гиппократов. Роль самого Галена не стоит умалять, особенно учитывая его собственный вклад в науку. Сам факт, что Гален использовал немедицинский материал, предостерегает нас от безоговорочной веры всему, что он когда-то говорил. Многое дошло до него уже не из первых источников, довольно часто ему приходилось читать сборники или доксографии⁹⁵. Основу его рецептур, как показывает Гай Фабрициус, составил сравнительно небольшой круг источников, которые старательно копировались и только после этого дополнялись или изменялись при помощи источников второго порядка, как официальных, так и неофициальных⁹⁶. Мы также знаем авторов, которых Гален готов был рекомендовать профессиональным врачам для ознакомления. Эти медицинские труды, как и работы немедицинского профиля, относятся к классическому или раннему эллинистическому периоду. Можно предположить, что Гален когда-то лично читал оригиналы, имевшиеся в библиотеках Пергама, Александрии или Рима⁹⁷. Гален, насколько можно судить, ни разу не упоминал Диухеса или Плейстонику по отдельности и приводил цитаты из Филотима исключительно для своей книги «О свойствах пищевых продуктов». С остальными писателями он предпочитал знакомиться по сборникам и справочникам. Но следует отметить,

⁹⁵ См. работы Беретти и Розелли в кн.: *Vegetti M. Tradition and truth. Forms of philosophical-scientific historiography in Galen's De placitis* // *Ancient Histories of Medicine, Essays in Medical Doxography and Historiography in Classical Antiquity* / P.J. van der Eijk. Leiden: Brill 1999. P. 333–357; *Vegetti M. Historiographical strategies in Galen's physiology (De usu partium, De naturalibus facultatibus)* // *Ibid.* P. 383–395; *Roselli A. Notes on the doxai of doctors in Galen's commentaries on Hippocrates* // *Ibid.* P. 359–381.

⁹⁶ *Fabricius C. Galens Exzerpte aus alteren Pharmakologen*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1972. Гален, судя по Ind. 6 и 31–39, имел собственную коллекцию исцеляющих средств, из которых в его книгах по лекарствам были описаны далеко не все.

⁹⁷ *Galen. Opt. Med. Cogn.; Nutton V. Op. cit.*

что Орибасий, безусловно, мог включать объемные цитаты из Диухеса, который вместе с Атенеом писал о диететических трудах Филотима больше, чем Гален⁹⁸. Параллели с использованием Галеном немедицинских текстов также свидетельствуют о важности жанра или, во всяком случае, контекста конкретной работы, и, как показывает пример с Посидонием, мы должны помнить о способности Галена переключать внимание с медицины на философию, а с философии — на что-нибудь еще⁹⁹. К примеру, одна книга Архигена могла дать толчок целому ряду полемических сочинений, а потом затеряться на полках книжного склада.

В этой статье мы попытались привести факты, свидетельствующие об эрудиции Галена, увидеть, как автор использовал ее, и связать воедино медицинские и немедицинские познания, полученные Галеном из прочитанных им книг. Перед нами сейчас стоит большая задача — воссоздать образ Галена как писателя, как стилиста и, возможно, как софиста¹⁰⁰.

⁹⁸ См. список цитат: *Berthier J.* *Mnèsithée et Dieuchès*. Leiden, 1972 (о Диухе); *Steckerl F.* *The Fragments of Praxagoras of Cos and his School*. Leiden, 1958 (о Плейстонице и Филотиме). Гален говорит (Ind. 13), что в римских библиотеках было множество автографических копий работ древних врачей, подразумевая, что у него там были копии, сделанные для него самого.

⁹⁹ Упоминается не как критика Галена: это следствие его всеобъемлющей универсальности.

¹⁰⁰ *Bowersock G.* *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press, 1969. P. 58–88, поставил Галена в один ряд с практиками «вторых софистиков». Его интерпретация встретила резкую критику: *Brunt P.A.* *The bubbles of the Second Sophistic* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1994. Vol. 39. P. 43–46, 51–52. Брант указал, что «Гален-«софист»» — это оскорбительное звание. В любом случае, у Галена остается много общего с Фаворином и Луцианом, так что его оппонентам вовсе не обязательно быть такими въедливыми, как Брант.

Дж. Лонгригг

СОЛНЦЕ И ПЛАНЕТЫ*

J. LONGRIGG

THE SUN AND THE PLANETS

Цель нашей работы — показать, как возникновение философии подготовило почву для развития различных наук и как длительное подчинение наук, если речь идет о науках точных, философии может препятствовать развитию эмпирических наук. Для того чтобы обосновать наш второй аргумент, мы предлагаем подробно рассмотреть математику и медицину (как примеры точной и эмпирической науки). Однако подчеркивая влияние философии на стадии становления наук, мы не преуменьшаем влияние в обратном направлении.

В VI в. до н.э. в истории греческой мысли возникла поразительная тенденция: в ионийском городе Милете некоторые мыслители, отказавшись от всех мифотворческих форм мышления, стремились объяснить мир с точки зрения его видимых элементов. Здесь в первый раз была продемонстрирована работа разума, не скованного какой-либо религиозной верой в божественное вмешательство свыше. Были предложены и введены объяснения с опорой на естественную природу, которые заняли место сверхъестественных и мистических. Развитию такого мировоззрения способствовали различные обстоятельства: материальный достаток Милета как центра торговли, особые возможности для контактов с другими культурами и, самое главное, отсутствие жрецов, ревностно охранявших свои религиозные традиции, — все вместе эти факторы привели к пере-

* Статья опубликована в журнале «Apeiron» (1967. Vol. 1. № 1. P. 19–31). DOI: <https://doi.org/10.1515/APEIRON.1967.1.1.19>.

ходу от мифологической к рациональной гипотезе. Жители Милета не испытывали каких-либо ограничений религиозного плана.

Как и их предшественники — мифотворцы, мыслители Ионии верили, что в окружающем мире царит некий предначертанный порядок. Как и мифотворцы, они пытались объяснить мир, демонстрируя, как он стал таким, каков есть сейчас¹. Однако вместо того чтобы ссылаться на действие сверхъестественных сил, они стремились объединить гипотезы по поводу сложившегося порядка и продолжали выводить свои объяснения природных явлений, в большей или меньшей степени опираясь на различные феномены.

Когда мы утверждаем, что в VI в. до н.э. возникло мировоззрение, не стесненное никакой верой в божественное вмешательство, мы не стремимся утверждать, что досократовские философы избавились от всех религиозных постулатов, и что они пытались объяснить устройство окружающего мира в холодном свете чистого разума. Это совершенно не так: усилиями пифагорейцев философия была поставлена на службу религиозному образу жизни, и сильные религиозные элементы в их мышлении оказали значительное влияние на развитие точных наук, в частности. Религиозные воззрения Эмпедокла во многом повлияли на его физические теории². Однако важно заметить, что даже там, где религия и философия наиболее тесно переплетаются, мы не находим каких-либо обращений к сверхъестественному вмешательству с целью объяснить происхождение и дальнейшее развитие мира³.

¹ Еврипид, как мы можем отметить, говорит о философе, который изучил вечный *κόσμος* бессмертной *φύσις*, откуда он появился и каким образом (фр. 910 DK59A30).

² Существовали значительные разногласия по поводу отношений между поэмами Эмпедокла «Очищение» и «О природе». Одни ученые утверждали, что Эмпедокл придерживался одновременно разных мировоззрений, которые были слегка несовместимы, другие утверждали, что эти работы относятся к разным этапам жизни поэта (это отдельная тема для споров о том, какая работа была написана первой). Корнфорд, однако, убедительно доказывал, что эти работы не являются несовместимыми, а Эмпедокл попытался урегулировать пифагорейские представления о природе и судьбе души с физикой в понимании ионийцев (см.: *From Religion to Philosophy*. London, 1912. P. 224).

³ Парменид говорит о «духе» (об Афродите предположительно), который «направляет ход всех вещей» (фр. B12). Но даже если он имел в

Таким образом, раннюю греческую философию характеризуют два элемента — во-первых, поиск естественного в противоположность сверхъестественным и мистическим объяснениям, во-вторых, поиск гипотезы объединения. Оба эти признака, как мы надеемся показать, действительно играли значительную роль в поиске путей к развитию наук. Что же касается пифагорейцев, то как мы выяснили, хотя они и удовлетворяют второму из наших критериев определения философии того времени, они явно не ищут естественных причин тем способом, каким это делали их предшественники в Ионии. Возможно, допустимо возражение, что, строго говоря, взгляды пифагорейцев не следует рассматривать как философские. С нашей точки зрения, это возражение не может быть поддержано. Пифагорейцы опираются на общую гипотезу, которая предполагает поиск естественных объяснений как у ионийцев и не могла быть выдвинута прежде, чем эти мыслители ввели соответствующие объяснения вместо сверхъестественных и мистических. И у ионийцев, и у пифагорейцев вера в божественное вмешательство не ограничивала мировоззрение. Мы можем заметить, что Аристотель признает, что пифагорейцы буквально шли по стопам ионийцев. После того как в «Метафизике»⁴ Аристотель прокомментировал различие между ними: «Так называемые пифагорейцы

виду лично Бога, что является крайне сомнительным, необходимо помнить, что он здесь пишет о $\beta\rho\omicron\tau\acute{\omega}\nu\ \delta\acute{o}\varsigma\alpha\varsigma$, где $\delta\omicron\kappa\ \acute{\epsilon}\nu\ \lambda\iota\sigma\tau\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\eta\varsigma$. Эмпедокл в своем «Katharmoi» (фр. B112) скромно описывает себя как «бессмертного бога, почитаемого среди всех, как подобает». В поэме «О природе» (фр. 23.11) он увещевает своего слушателя принять его точку зрения, потому что он слышит ее от Бога. К сожалению, смысл этой строки неясен и, может быть, это, скорее ссылка на музу, упомянутую ранее (фр. 3.3 и 4.2), а не на самого Эмпедокла. Автор перечисляет способности (фр. 11), которые, как он утверждает, передаст своему слушателю, а именно силу отражать и умирять ветер, вызвать засуху после дождя и дождь после засухи, а также вернуть мертвых из Аида. Хотя Эмпедокл делает громкие заявления, что он в состоянии влиять на естественный ход событий, его рассказ о происхождении мира и дальнейшем его функционировании хотя и основан на власти Бога, не содержит отсылки к божественному вмешательству. Как и ионийцы, он пытается объяснить окружающий мир исключительно естественными причинами. Ссылаясь на божественный авторитет, он излагает идею о происхождении мира, исключая божественное вмешательство.

⁴ A8, 989b29 (DK58B22).

используют более странные принципы и элементы, чем физики, и причина кроется в том, что они взяли их из неоощуемых вещей. <...> они все еще полностью интересуются природой; они генерируют вселенную и наблюдают, что происходит с ее различными частями, расположением и действиями; и они используют свои первые принципы и доводы в этих вещах, как будто они согласились с другими физиками, что Становление насколько огромно, настолько и разумно и находится в пределах того, что они называют Вселенной». Они придерживаются оснований и главное, принципов, которые ведут к реальности высшего уровня: в действительности такого рода рассуждения подходят им лучше, чем дискуссии о природе.

Покойный профессор Джон Остин привел метафору, которая хорошо изображает досократовский период. Он пишет: «В истории исследований человека, философия занимает место первоначального центрального солнца, дающего жизнь: время от времени оно отбрасывает некоторую часть себя, чтобы образовать очередную отрасль науки, планету, холодную и упорядоченную, медленно продвигаясь вперед, к отдаленной конечной точке»⁵.

Это сравнение очень уместно, так как в досократовский период науки брали свое начало в философии, которая выступала в роли солнца, и медленно развивались в отдельные и независимые или, чтобы поддержать сравнение, «холодные и упорядоченные объекты». Математика возникла как теоретическая наука, как прямой результат попытки греков объяснить окружающий мир. Пифагорейцы, выдвигая гипотезу («все вещи имеют число»), которая могла бы объединить их, заложили основу теоретического изучения математики в отрыве от практических соображений. Доказательства и Прокла, и Иоанна Стобея поддерживают эту интерпретацию: в комментарии к работе Евклида «Элементы» Прокл рассказывает нам об авторитете Евдема и утверждает, что «Пифагор изменил изучение геометрии, придавая ему форму свободной дисциплины, выискивая ее первые принципы в окончательных идеях и изучая ее теоремы абстрактно и сугубо интеллектуальным способом»⁶, а Иоанн Стобей сообщает, что Аристоксен в своем

⁵ Ifs and Cans // Proceedings of the British Academy. 1956. Vol. XLII. P. 131.

⁶ Эвкл. 65,11, фр. DK14.6a.

трактате об арифметике говорил, что Пифагор первым расширил дисциплину за рамки потребностей торговли⁷. В Греции математика получила быстрое развитие, и эта дисциплина достигла своего впечатляющего кульминационного пика в III в. до н.э.

Аккуратно следуя за математикой, начала развиваться как отдельная наука астрономия. Первые этапы развития научной астрономии могут быть прослежены вплоть до Анаксимандра — второго милетского философа, который, развивая предположение, что мир был упорядоченным, расположил небесные тела в пропорциональном порядке и тем самым сделал важный шаг к математическому описанию космоса. (Если сказать вкратце, астрономические теории Анаксимандра заключаются в следующем: земля была цилиндрической формы и располагалась в центре Вселенной, потому что она была равноудалена от всех крайних точек. Звезды он рассматривал как огненные колеса, окруженные туманом. По краям колес были отверстия, сквозь которые, как из труб, выходит огонь. Когда отверстия заблокированы, наступают затмения Солнца и Луны; по мере того как они открываются и закрываются, Луна оказывается прибывающей и убывающей. Хотя эти идеи можно назвать примитивными, они, тем не менее, знаменуют огромный шаг вперед: раньше для объяснения привлекались аллегории и мифологические фантазии. У Анаксимандра никакой бог солнца ежедневно не пересекает под парусом на своей ладье небеса, подготовившись к бою с затаившейся прожорливой змеей, победа которой в схватке считалась причиной затмения. Он искал объяснения, рассматривая исключительно естественные причины. В описании того, как огонь может светить через отверстия в тумане, обволакивающем колеса, Анаксимандр использует механическую аналогию, подобно тому как составляются научные объяснения в настоящее время, и его теория — земля находится в устойчивом положении, поскольку она равноудалена от всех крайних точек, — имеет поразительное сходство с современным принципом достаточного основания.)

Однако именно пифагорейцы больше всего способствовали развитию научной астрономии, так как под их влиянием сложилось близкое и плодотворное сотрудничество астрономии с математикой. Большой вклад греков в астрономию состоит в том, что

⁷ DK58B2.

они сформулировали геометрические системы с целью представить движение небесных тел. Наиболее значимое развитие эта идея получила в Академии позже, но сама мысль, что движения небесных тел можно описать средствами геометрии, относится именно к досократовскому периоду.

Влияние философии на точные науки было по большей части чрезвычайно выгодно последним. Однако, когда мы обращаемся к естественным наукам, разговор приобретает другой оборот: если поначалу влияние было благоприятным, поскольку миропонимание не ставилось в зависимость от сверхъестественного личного вмешательства Бога, то в дальнейшем подчинение естественных наук философии серьезно тормозило их развитие. Исследование взглядов досократовских мыслителей относительно биологии особенно ясно показывает, насколько вредной оказалась попытка философов применить свои общие гипотезы объединения в этой сфере и на этой основе вывести объяснения особых биологических явлений. В последние несколько веков гипотеза (если она не относится к какой-то очень абстрактной науке, такой как математика) стала рассматриваться как нечто, не являющееся подлинно научным, если она не подвергается постоянной проверке путем скрупулезных опытов, не испытывает изменений или не опровергается в зависимости от того, получила она подтверждение или нет. Ранние философы, напротив, не чувствовали необходимости проверять свои «философские» гипотезы с учетом более поздних эмпирических доказательств и не признавали возможности того, что дополнительные доказательства могут сделать их теории недействительными⁸.

Можно привести два примера размышлений в области биологии, относящихся к V в., чтобы проиллюстрировать, насколько вредной и ненаучной была попытка вывести особые биологические объяснения из общей философской гипотезы. Сохранились свидетельства, содержащие описания взглядов Эмпедокла. Судя по

⁸ Возможно, здесь стоит заметить, что даже сам Аристотель, который, безусловно, признавал ценность тщательно собранных эмпирических данных, все-таки не соответствует идеалу современной эмпирической науки, поскольку Аристотель не признает необходимости подтверждать гипотезы путем постоянного тестирования выводов, которые могут быть сделаны в обстоятельствах, преднамеренно созданных с этой целью.

ним, очевидно, что его общие предположения о мире в целом были сделаны с учетом отдельных деталей. Последовательность, с которой он стремится вывести конкретные объяснения из своей философской гипотезы, впечатляет, но вряд ли способствует развитию биологии как науки. Как мы видим, даже когда Эмпедокл делает замечания, которые явно противоречат его общей гипотезе, его вера в эту теорию никоим образом не поколеблена.

Согласно Эмпедоклу, все живые организмы составлены из четырех элементов — земли, воздуха, огня и воды, смешанных в различных пропорциях. Как мы видим, на этом основании Эмпедокл попытался объяснить разделение животных на различные виды: те, в составе которых доминирует огонь, взлетают в воздух, те, у кого больше воды, становятся водоплавающими, а те, что тяжелее других, проводят свою жизнь на земле⁹. Понятие «тяготения подобного к подобному» является важной аксиомой физики Эмпедокла. Похожим образом он объяснил рост растений в двух направлениях — вверх и вниз. Корни растения находятся в земле, это является причиной их роста вглубь, огонь, скрытый в побегах, заставляет их расти вверх¹⁰. Обычно огненная часть животного или растения стремится вверх, а земляная — вниз. Есть, однако, исключения из этого правила, их замечает и сам Эмпедокл. Он указывает, что у моллюсков и черепах *земляная* часть является высшей¹¹. Здесь хорошо видно, насколько вреден дедуктивный подход к развитию биологии как науки. Эмпирические данные, явно противоречащие теории, принятой *априори*, не опровергают ее, теория расценивается как неприкосновенная¹².

Аналогичные иллюстрации могут быть взяты из теорий Диогена Аполлонийского, философа, который жил несколько позже, чем Эмпедокл, и чей авторитет совершенно непропорционален его интеллекту¹³. Возрождая философскую теорию Анаксимена, Диоген

⁹ *Aetius* V, 19, 5 (DK31A72). Аристотель принимает эту теорию, см.: *De Resp.* 477a30.

¹⁰ *Aristotle*. *De anima* B4.415b28 (DK31A70).

¹¹ *Plutarch*. *Quest. conv.* 1, 2, 5. 618B (DK31B76).

¹² См. *Empedocles's Fiery Fish* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1965. Vol. XXVIII. P. 314.

¹³ См. комментарий Теофраста о том, что Диоген, пытаясь вывести все его объяснения из его гипотезы, «отклоняется во многих местах от здравого смысла» (*De sens.* 48. 48 [DK64A19]).

утверждал, что воздух является источником и основой всех вещей. Свой постулат он использовал для обоснования биологии, причем с крайне вредными последствиями для нее. Чтобы проиллюстрировать это, можно привести одну конкретную теорию из многих.

Достоверно зафиксировано, что, по мнению Диогена, интеллект других существ был ниже в сравнении с человеческим, потому что они дышали воздухом, который шел от земли и потому был более влажным. Согласно этой теории, птицы должны быть самыми интеллектуальными среди всех существ, так как они вдыхают самый чистый воздух. Эта мысль, однако, не поколебала его веры в теорию, он ограничился тем, что сделал оговорку: на самом деле было не так, поскольку плоть птиц имеет особенно твердую природу и не даст воздуху пронизывать полностью все их органы, сталкиваясь с препятствием около желудка¹⁴. И хотя эти примеры тривиальны, они, несомненно, являются наглядной иллюстрацией вредного влияния философии на естественные науки и их дальнейшего подчинения философии.

Здесь уместно вспомнить сравнение профессора Дж. Остина, хотя мы должны рассматривать его осторожно, чтобы избежать преувеличения или чрезмерного упрощения. Безусловно, медицина, как и биология, получила значительную пользу от нового рационального мировоззрения, предложенного в естественной философии. Но мы должны помнить, что медицина является практическим искусством и существует практически столько же, сколько и человечество. Таким образом, медицина существовала независимо от единого знания досократовских философов. Но мы подчеркиваем, что медицина стала действительно научной только после того, как испытала влияние того подхода, который ранние греческие философы первыми применили по отношению к окружающему миру. В середине V в. до н.э. медицина еще раз почувствовала влияние философии, на сей раз более непосредственное и намного менее выгодное.

Изучение досократовского мировоззрения показывает, как философы все больше расширяли сферу своих исследований и экстраполировали свои представления о макром мире (мир в целом) на микромир (человека). Поскольку человек является частью мира, то, по их мнению, к человеку применимы те же средства и правила, ко-

¹⁴ Ibid. 44.

торые действуют в мире в целом. Последствия этой идеи наиболее полно обнаружались в V в. до н.э., когда была сделана попытка создать теорию медицины на основе общей объединяющей гипотезы. Связанные с этой ситуацией опасности не остались незамеченными, и автор медицинского трактата «О древней медицине» вступил в энергичную полемику с теми, кто стремился ввести философский постулат в качестве основания для медицинской теории. Он бурно аргументировал, что медицина не нуждается в «новомодных» гипотезах, которые не поддаются проверке; что у медицины давно есть свои собственные методы, с помощью которых было сделано много прекрасных открытий в прошлом и намного больше будет сделано в будущем¹⁵. В «Корпусе» Гиппократов есть несколько работ, которые ясно показывают отрицательное влияние философии.

Вернемся к нашему предложению использовать математику и медицину в качестве примеров точных и эмпирических наук соответственно. Среди всех отраслей науки, которые привлекли внимание греков, именно в математике и геометрии они добились наибольшего успеха. В данном случае мы находим самое плодотворное влияние философии на развитие науки.

Сами греки утверждают, что получили математику из Египта. Есть, например, записи Аристотеля, в которых он утверждает, что математика развивалась прежде всего теоретически, как изобретение высшей касты египетских жрецов.

«Поэтому, когда все подобные изобретения уже были сделаны, науки, целью которых не является удовольствие или предметы первой необходимости, зародились сначала в тех местах, где люди получили досуг. Именно поэтому математические изыскания начались в Египте, поскольку там касте жрецов позволили жить в праздности»¹⁶.

Геродот также полагает, что математика возникла в Египте. Тем не менее он приводит другие причины. Геродот считает, что геометрия возникла на практике, т.е., что она обязана своим происхождением необходимости регулярно проводить землемерные работы на территориях, периодически затопляемых Нилом.

¹⁵ См.: Philosophy and Medicine in Ancient Greece // Bulletin of the History of Medicine. 1946. Suppl. 8, Ch. I. (Пер. В.Х.С. Джонса с небольшими изменениями).

¹⁶ Метафизика 981b20–25.

«И любой человек, у которого река отобрала землю, приходил к Сесострису и заявлял о том, что с ним случилось; затем царь посылал людей, чтобы посмотреть на это и измерить территорию, на которую владение было уменьшено, так, чтобы потом он должен был платить налог, назначенный пропорционально потере. Исходя из этого, по моему мнению, греки научились искусству измерения земли»¹⁷.

Отрывок из истории математики, приведенный в качестве примера систематизации знаний, который проходили в лицее и который сохранился в трудах неоплатоника Прокла, описывает взгляды Евдема на происхождение геометрии. Интересно отметить, что Евдем был перипатетиком, тем не менее, в обсуждаемом вопросе он ближе к Геродоту, а не к Аристотелю, приписывает геометрии практическое происхождение, как и предыдущий автор, считает, что она сформировалась в силу необходимости часто проводить измерения участков после разливов Нила.

«Но так как мы должны говорить о происхождении искусств и наук в отношении существующего мирового порядка, мы отмечаем, что, как принято считать, геометрия была открыта в Египте. Это открытие было сделано благодаря практике измерения земли. Египтянам приходилось выполнять такие измерения, потому что разливы Нила стирали границы участков»¹⁸.

Евдем рассказывает, что именно «Фалес, после посещения Египта, первым привез эту дисциплину в Грецию», и добавляет: «...он не только сам сделал множество открытий, но и заложил основы для многих других открытий его преемников, опытным путем принимаясь за решение проблем, среди которых были и более общие вопросы». Прокл приводит некоторые открытия, которые Евдем приписывал Фалесу: диаметр круга делит его на две одинаковые части¹⁹, углы при основании равнобедренного треугольника равны²⁰, вертикальные противоположные углы являются равными²¹. Кроме того, Евдем приписывает Фалесу теорему —

¹⁷ Кн. II, 109.

¹⁸ Procli Diadochi in primum Euclidis Elementorum librum commentarii / Ed. G. Friedlein. Leipzig: Teubner, 1873. P. 64.16.

¹⁹ Ibid. P. 157.10 (DK11A20).

²⁰ Ibid. P. 250.20.

²¹ Ibid. P. 299.1.

два треугольника равны во всех отношениях, если два угла и одна сторона одного треугольника соответственно равны двум углам и одной стороне другого треугольника, — с комментарием, что на кораблях в открытом море измерение расстояния *обязательно* включает использование этой теоремы²².

Из сказанного выше видно, что Евдем приписывает Фалесу совершенное знание теории, учитывая его открытия. Как мы увидели, считается, что Фалес привез геометрию в Грецию из Египта. Тем не менее сохранившиеся источники информации о характере египетской математики (наиболее важным среди них является «Папирус Ринда» — сейчас он находится в Британском музее, назван в честь своего покупателя А.М. Ринда, который приобрел его в Луксоре; папирус был написан после 1800 г. до н.э. и, как убеждает нас писатель, является копией, оригинал же создан в эпоху среднего царства, в 2000–1800 гг. до н.э.) — не дают нам никаких оснований предполагать, что египетская геометрия продвинулась дальше, чем «правило большого пальца», в области практических измерений. Вы нигде не найдете каких-либо попыток выяснить, почему эти технологии работали, ни чего-либо, напоминающего общую и теоретическую математику. Если *следовать* Аристотелю, кажется маловероятным, что греки позаимствовали свою математику у египтян. Возможно ли, что Фалес, тем не менее, был основателем теоретической математики в Греции, как утверждает Евдем? Здесь снова следует дать отрицательный ответ. Скорее всего, первые из этих трех открытий, приписанных ему перипатетиком, представляют «просто самое оформленное абстрактное решение конкретных проблем, которое ассоциируется с Фалесом»²³. Сэр Томас Хит указывает, что первое из этих суждений у Евклида даже не доказано²⁴. Что касается последнего из них, то Фалес, который приобрел настоящую репутацию практика в области *ноу-хау*, свободно пользовался примитивным угловым измерительным прибором и решил задачу одним из нескольких способов, не обязательно формулируя четкую теорию, содержащую упомянутые принципы.

²² Ibid. P. 352.14.

²³ Kirk G.S. // Kirk G.S., Raven J.E. The Presocratic Philosophers. Cambridge, 1957. P. 84.

²⁴ Greek Mathematics. Oxford, 1921. Vol. I. P. 131.

Тем не менее, ван дер Верден верит, что Фалес действительно развивал логическую структуру для геометрии и ввел в эту дисциплину идею доказательства²⁵. Ван дер Верден также пытается искать истоки греческой математики в Вавилоне. Это очень сомнительная точка зрения. Вавилонская математика с ее шестидесятеричной системой исчисления, конечно, разработана не на том примитивном уровне, которого достигли египтяне. Тем не менее характерной особенностью обеих точек зрения является тот факт, что ни одна не приводит должных доказательств. Наши данные свидетельствуют о том, что греки находились под влиянием вавилонской математики, но это влияние имело место значительно позже, чем в VI в. до н.э. Если бы греки получили свою математику из Вавилона, то можно было бы ожидать, что им бы досталась более высоко развитая система исчисления. Кроме того, сами греки, которые действительно очень шепетильны в вопросе признания заслуг других народов, не дают никакого намека на вавилонский источник своей математики.

Именно греки развили абстрактную и теоретическую математику с ее идеалом строго дедуктивного доказательства. Почему это должно было быть вкладом именно греков? Ответ заключается в их взглядах на окружающий мир. Как мы увидели, греки были убеждены, что можно найти основополагающий порядок, который скрывается за многообразием явлений. Пытаясь учесть этот принцип, греки выдвинули объединяющую гипотезу, из которой в дальнейшем они выводили свои объяснения конкретных явлений. Именно эта точка зрения²⁶ дала начало теоретической математике,

²⁵ Science Awakening / Trans. by A. Dresden. Gröningen, 1954. P. 89.

²⁶ Аэтий говорит, что Пифагор первым применил термин κόσμος по отношению к миру из-за существующего в нем порядка (II. 1.1 DK14.21 и см. D.L. VIII, 48 DK28A44). Несмотря на доводы Кирка об обратном (см.: *Heraclitus*, P. 312–314, *Kirk G.S., Raven J.E.* Op. cit. P. 159), вполне может быть правильно, что Пифагор или, во всяком случае, ранние пифагорейцы использовали это слово в этом смысле (см.: *Dodds E.R.* Plato: *Gorgias*. Oxford, 1959; обратите внимание на 508a3. P. 338). Сам Кирк в своих более поздних размышлениях признает, что это слово имеет значение «мир» (фр. 134.5) у Эмпедокла, и нужно отметить, что у Парменида (фр. 4.3) слово κόσμος должно, конечно, значить «мир». Данный текст вряд ли может означать «рассеянный в порядке», как утверждает Кирк (*Heraclitus*, P. 313). К.Х. Кан, странным образом пренебрегая доказательствами Аэтия

когда в Южной Италии была выдвинута гипотеза объединения, теория о том, что «все вещи суть число». На этой простой основе возникло высокое здание теоретической математики, и здесь стоит отметить огромный долг математики перед философией.

С учетом практики более поздних пифагорейцев приписывать свои открытия Пифагору, чтобы выразить уважение и отчасти отнести их на счет его авторитета, мы, безусловно, должны проявлять большую осторожность в приписывании каких-либо теорий самому Учителю. Тем не менее, кажется, что нет никакой причины сомневаться в ставшем традиционным мнении: сам Пифагор сделал открытие, что основные музыкальные звуки можно выразить простыми числовыми отношениями. Если музыкальные звуки могут быть сведены к числам, почему то же самое нельзя сделать со всем остальным? Соответственно, в порядке, принятом в досократовский период, теория «все вещи являются числами» была выдвинута в качестве основополагающего принципа.

Следовательно, предпринята попытка найти в числе принцип единства, скрывающийся за разнообразием явлений, так был дан толчок зарождению теоретической математики в греческом мире. Традиционный подход поддерживает эту интерпретацию. Опираясь на авторитет Евдема, Прокл в своем «Комментарии» пишет, что Пифагор «изменил геометрию, придавая ей форму либеральной дисциплины, пытаясь изыскать ее основные принципы в первичных идеях и исследовав ее теоремы абстрактно и сугубо интеллектуальным путем»²⁷. Евдем полагает, что теоретическая математика началась в Греции с Фалеса, тем не менее он осознает значение вклада, который сделали пифагорейцы с целью освободить математику из рамок практического применения. Кроме того, как пишет Стобей²⁸, Аристоксен в своем трактате по арифметике сказал, что Пифагор был первым, кто вынес эту дисциплину за рамки потребностей торговли. Наконец, самое важное Аристотель рассказывает нам в «Метафизике»: «Одновременно с этими философами [Левкиппом и Демокритом] и до них пифаго-

в целом, недавно привел доводы в пользу милетского происхождения данного термина (Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. New York, 1960. Appendix I. P. 219).

²⁷ In Euclid. 65.11F. DK14A6.

²⁸ I. 1 pr. 6 (P. 20, 1W) DK58B2.

рейцы, как их называли, посвятили себя математике; они были первыми, кто продвинул эту дисциплину вперед, и кто сделал открытие, что ее принципы были принципами всех вещей, — так они думали. В соответствии с этими принципами цифры первичны по природе своей, и в числах пифагорейцы видели много подобий вещам, которые возникают и существуют, — больше, чем в огне, земле и воде (одни сочетания чисел являются справедливостью, другие — душой и разумом, третьи — возможностью, точно так же почти все остальные вещи могут быть выражены численно); поскольку пифагорейцы видели, что свойства и отношения звуко-рядов выражены в числах, все остальное, казалось, по своей природе было смоделировано, исходя из цифр, и числа, казалось, были первыми вещами во всей природе, то они предположили, что элементы чисел были элементами всех вещей и сами небеса были звуко-рядом и числом»²⁹.

Кажется, стоило бы признать, что во второй половине V в. греческая математика достигла значительных успехов, особенно в теории чисел и геометрии, и в этом особая заслуга пифагорейцев.

Нетрудно предугадать, как эта пифагорейская вера привела бы к развитию арифметики или теории числа, в отличие от логики, искусства вычисления и решения конкретных проблем. Ко вкладу пифагорейцев относится, например, классификация чисел, представленных в виде точек в форме геометрических фигур. Хотя мы больше и не говорим о «треугольных» или «продолговатых» числах, мы по сей день используем термин «квадратное число».

Впрочем, именно в геометрии греки достигли наибольших успехов. И правда, пифагорейский способ представления чисел с помощью расставленных точек дает нам некоторую связь между арифметикой и геометрией, но этого недостаточно, чтобы объяснить сильный прорыв в геометрии, который сделали ранние греческие математики. Действительно ли допустимо считать это тенденцией? По нашему мнению, именно так и есть, и мы снова должны обратиться за ответом к философии. Геометрическая природа греческой математики является прямым следствием открытия, что никакие пары целых чисел не могут выразить отношение между диагональю и стороной квадрата: независимо от того, какое положительное целое число принято за сторону квадрата, невозмож-

²⁹ 985b23 DK58B4 (пер. Росса).

но представить диагональ соответствующим целым числом. Никакое квадратное число не может быть разделено на два равных квадратных числа, поэтому диагональ и сторона непропорциональны.

В письменных свидетельствах зафиксировано смятение, с которым его встретила общественность. Ямвлих записал историю, как человек, которому впервые показали эту непропорциональность диагонали и стороны квадрата, утонул в море³⁰. Безусловно, эта история недостоверна, тем не менее, она дает некоторое представление, какой шок вызвало это открытие.

Крайне важно понимать, что открытие непропорциональности вызвало кризис не только в математике, но и в философии. Оказалось, что общая концепция окружающего мира, созданная пифагорейцами, имела серьезный дефект. Как они могли выразить порядок, который, как они были убеждены, существует в мире и выражается словами «все вещи являются числами», если действительно может быть доказано, что диагональ и сторона квадрата непропорциональны.

Пифагорейцы не могли, пусть даже получив доказательства противного, отказаться от своего мировоззрения, освященного авторитетом самого Учителя. Одна из реакций на это открытие была так же изобретательна, как и бесплодна. Пифагорейцы создали систему для формирования последовательности того, что они называли «стороной» и диагональными числами, которые все больше приближались к значению $\sqrt{2}$, и, таким образом, позволили им сохранить свою старую теорию пропорции. Эта система чисел описана Теоном Смирнским³¹. Сторона и диагональ были выражены

³⁰ V. P. 246–247. P. 132. Deub.; см. также: Schol. // Eucl. Elem. X.P. 417 Heib.

³¹ P. 42.10–44.17 Hiller. Мы знаем из отрывка из текста Аристотеля, каково было традиционное доказательство. В «Предшествующей аналитике» (1,23 41a23–27) он объявил, что диагональ и сторона квадрата непропорциональны, потому что иначе четное число должно было бы быть равно нечетному числу. Этот довод, бесспорно, пифагорейский по характеру, и доказательство, найденное в «Элементах» Евклида (Euclidiis opera omnia / Ed. by J. Heiberg, H. Menge. Leipzig: Teubner, 1883–1916. Book X, Appendix xxvii) включает именно этот пункт и может также быть пифагорейским. Это доказательство может быть вкратце перефразировано следующим образом:

серией парных чисел, где квадрат диагонали всегда равен квадрату стороны, умноженному на два плюс или минус один, т.е. $d_n^2 = 2a_n^2 \pm 1$. Кажется, Платон обращается к некоторой системе приближения в «Государстве» (546с), где он противопоставляет «рациональный диаметр пять» «иррациональному» (диаметру). Если взять квадрат со стороной пять, то диагональ будет равна $\sqrt{2 \cdot 5^2}$ или $\sqrt{50}$. Это пифагорейский «иррациональный диаметр» пяти, и «рациональным диаметром» будет приближенное число $\sqrt{50-1}$, т.е. 7^{32} .

Пифагорейцы выразили и другую реакцию, оказавшуюся более плодотворной. Она состояла в том, чтобы ограничить объем их теории пропорции. Хотя при их старой теории чисел они сочли невозможным найти решение таких уравнений, как $x^2 = 2$; $x^2 = 3$ и т.д., они могли довольно легко построить линии, поддающиеся описанию как $\sqrt{2}$, $\sqrt{3}$ и т.д. По этой причине они обратились к геометрии и, применив геометрические методы, смогли выполнить эквиваленты алгебраических операций. Простой пример может доказать, как пифагорейцы смогли решить геометрическим путем задачи, которые, как мы обычно считаем, относятся к алгебре. Ал-

Пусть $ABCD$ — квадрат с диагональю AC и стороной AB .

Если AC пропорциональна AB , отношение $AC : AB$ может быть представлено как $m:n$, где m и n — целые числа, первичные друг другу, и $m > n$, т.к. $AC > AB$.

Тогда $AC : AB = m : n$

и $AC^2 : AB^2 = m^2 : n^2$.

Но $AC^2 = 2AB^2$

Поэтому $m^2 = 2n^2$, откуда m — четное и n — нечетное.

Поскольку m — четное, пусть $m = 2p$.

$(2p)^2 = 2p^2$

$4p^2 = 2n^2$

$2p^2 = n^2$

Следовательно, n четное.

Поскольку предположение о том, что AC пропорционально AB , приводит к невероятному выводу, что то же число (n) является одновременно четным и нечетным, предположение является ложным.

Следовательно, AC не пропорциональна AB .

³² См.: Procli in Platonis Rempublicam commentarii. 2 vols. / Ed. W. Kroll. Leipzig: Teubner, 1899–1901: «Пифагорейцы формулируют эту изящную теорему о диаметрах и сторонах, что если добавить диаметр к стороне, к которой диаметр становится стороной, и стороны, если ее увеличить в два раза и прибавить к ее собственному диаметру, становится диаметром».

При помощи этой *геометрической алгебры* пифагорейцы смогли выполнить операции, эквивалентные таким процессам, как дополнение, вычитание, умножение, деление, извлечение квадратного корня и даже решение квадратных уравнений определенных типов.

Убеждение греков, что существовал некий мировой порядок, которому подчинялся весь окружающий мир, и попытка пифагорейцев отстоять его на основе чисел привели к развитию теоретической математики в досократовский период. Именно в этом можно усмотреть наибольшее и наиболее плодотворное влияние философии на развитие науки. Наибольшего расцвета греческая математика достигла в III в. до н.э., во времена Евклида, Архимеда и Аполлония. Залогом этого развития, как мы стремились показать, стали достижения в досократовский период.

Обратимся теперь к примеру, который мы выбрали из эмпирических наук, а именно к медицине. Влияние философии на эту дисциплину мы описали как двойственное по природе. Поначалу оно было выгодным, но впоследствии оказалось вредным и серьезно препятствовало развитию этой науки.

Сохранились ранние медицинские записи в Вавилоне, Ассирии и Египте. Хотя доступные нам доказательства отличаются неполнотой и фрагментарностью, они все-таки дают некоторые общие впечатления. Мы не находим никаких признаков того, что древним врачам удалось обнаружить какие-либо реальные основные причины заболеваний. Болезни расценивались как знаки недовольствия богов или считались последствием вторжения демона. Главная задача врача состояла в том, чтобы успокоить бога или вытеснить демона, который овладел телом больного. С этой целью врач использовал молитвы, просьбы, жертвы, заговоры и заклинания. Уцелевшие египетские медицинские папирусы представляют собой преимущественно рецепты лекарств вперемешку с магическими заклинаниями, которые, как считалось, придавали эффективность. Многие назначавшиеся средства содержали вредные или агрессивные ингредиенты. Скорее всего, следовало сделать препараты максимально горькими для духа и тем самым помешать ему задержаться в теле пациента³⁴.

³⁴ Хороший пример этого можно найти в «Папирусе Херста» (85): «О дух, мужского или женского пола, который обитает в этой моей плоти, в этих моих конечностях. О, я принес тебе на пожирание экскременты! Остерегайся, сокрытый, будь настороже, ты, притаившийся, беги!»

Магия и суеверия встречаются и в греческой медицине. Это хорошо иллюстрируют практика «инкубации» в храмах и вера в исцеление с помощью религиозных обрядов³⁵. И волшебство, и суеверие, однако, редки в «Корпусе Гиппократ», и большинство работ, содержащихся в нем, абсолютно лишены мифологических предположений и отсылок к магии. Освобождение медицины от суеверий и ее дальнейшее развитие как науки обязаны тому же мироощущению, которое первыми сформулировали философы из Ионии в отношении окружающего мира. Их попытка объяснить мир с точки зрения его видимых составляющих привела к переходу от мифологической догадки к рациональному объяснению. Самым ярким доказательством этого взаимоотношения философии и медицины является тот факт, что медицинская литература V и IV вв. до н.э. — ионическая. Хотя на острове Кос, родине школы Гиппократ, существовал дорический диалект, ее члены писали на ионическом.

То здесь, то там можно увидеть первое и наиболее выгодное влияние философии на медицину. В трактатах «Воздух, воды, места» и «О священной болезни» из «Корпуса» это рациональное отношение становится особенно заметным. В этих работах подчеркивается, что все заболевания возникают в силу естественных причин. В обоих произведениях сделан особый акцент на увлажнении мозга в качестве причины болезни. В первой работе предпринята попытка показать, как влияют на здоровье климат и топография. Во втором трактате подчеркнута целостность природы в том смысле, что никакая болезнь не может быть более «божественной», чем какая-либо другая. Утверждается, что все болезни возникают при наличии естественных причин, и если люди думают, что некоторые болезни имеют божественное происхождение, то только из-за своей неопытности и из-за специфических признаков, которые характеризуют эти болезни. Мы приведем отрывки из этого произведения, чтобы проиллюстрировать рациональный взгляд, который медицина получила от философии.

«Но эта болезнь [эпилепсия], по моему мнению, не более божественная, чем какая-либо другая; она имеет ту же природу, что и другие заболевания, и [те же] причины, которые ведут к возникновению отдельных заболеваний. Это тоже излечимо, не меньше, чем

³⁵ См.: *Aristof. Plutus* (665ff.), где он пародирует эти храмовые обряды и дает описание процедур в храме Асклепия, имитируя фарс.

другие заболевания, и если только она со временем не укоренилась настолько, что стало более мощным, чем применяемые средства. Ее происхождение, как и других заболеваний, кроется в наследственности... Еще одно убедительное доказательство того, что в этой болезни нет ничего “божественного”, как и в любой другой, заключается в том, что обычно ею страдают флегматики и она не поражает желчных людей. Ведь если бы это заболевание было более божественно, чем другие, то оно должно было бы поражать всех одинаково, не делая никакой разницы между желчными и флегматичными»³⁶.

«Данное заболевание, которое называют священной болезнью, происходит в силу тех же причин, что и другие, от того, что поступает в тело или влияет на него, от того, что выходит из тела, — от холода, солнца и от изменяющегося непостоянства ветра. Эти вещи являются божественными. Так что нет необходимости ставить эту болезнь в особый класс и считать ее более божественной, чем другие; все они божественные, и все человеческие. Каждая имеет характер и свою собственную силу; ни одна не является безнадежной или неизлечимой»³⁷.

Несмотря на это первоначальное благотворное влияние философии на медицину, в дальнейшем оно оказалось совсем не выгодно, и подчинение медицины философии серьезно препятствовало ее развитию. В середине V в. философы стремились расширить свои представления о мире в целом до самого человека и, как следствие, начали строить свои медицинские теории в соответствии с философскими постулатами. (Идея, что человек и внешний мир сделаны из подобных материалов и ведут себя согласно подобным правилам, подразумевается уже у Анаксимена, и может быть четко прослежена у Гераклита, который считает, что жизнь человека связана с его окружением. Но только в середине V в. сформировались все следствия этой идеи.)

Наилучшую иллюстрацию того, как медицину строили на таком постулате, предоставляет Эмпедокл. Доступные нам доказательства ясно показывают, как от рассмотрения мира в целом он дошел до самого человека. Мы находим, что те же самые четыре

³⁶ *Hipp. Corpus* 5.

³⁷ См.: *Philosophy and Medicine in Ancient Greece* // *Bulletin of the History of Medicine*. 1946. Ch. 21 (пер. В.Х.С. Джонса).

компонента — земля, воздух, огонь и вода, из которых, как он верил, сделан мир, — тоже порождают смесь (вещество) человеческой плоти, крови, костей и т.д.

Сильное неблагоприятное влияние на медицину оказали и теории Диогена Аполлонийского. Теофраст сохранил для нас лаконичное описание теории здоровья по Диогену Аполлонийскому. Даже короткий отрывок показывает, что его теория медицины основана на философском постулате. По словам Диогена, здоровье было результатом ситуации, когда большое количество воздуха в нормальном состоянии перемешано с кровью и осветляет ее, проникая сквозь все тело. Каждый раз, когда состояние воздуха отличается от нормального и не смешивается с кровью, последняя становится чрезмерно густой, человек слабеет и становится более плотным, после чего начинается болезнь. Попытку применить философские постулаты в медицине энергично критиковал автор трактата «Древняя медицина» из «Корпуса Гиппократов». В этой замечательной небольшой работе мы находим первое своего рода признание различия между естественной наукой и философией. Автор явно осознает принципиальную разницу между догматическим методом естественного философа и, скорее, эмпирическим методом, которым пользуется врач.

Это особенно очевидно в первых двух главах работы, где автор тщательно указывает на то, что «[медицине] не нужны “новомодные” постулаты, как неразрешимые загадки, которые обязательно требуют использования постулата при попытке обсудить их, например, тайны небес и лежащих под ними земель. Если кто-нибудь высказывает свое мнение об их состоянии, то и самому оратору, и его аудитории не так просто понять, были заявления верны или нет. Не существует никакого способа проверки, применение которого принесло бы определенное знание. Но медицина уже давно имеет все необходимое, и уже обнаружены принципы и методы, с помощью которых в течение длительного периода времени было сделано много прекрасных открытий; а то, что осталось неизвестным, будет обнаружено, если исследователь окажется компетентен и ознакомится с открытиями, сделанными до него, и станет использовать их в качестве отправной точки для своих собственных исследований. А тот, кто презирает и отвергает все это, попытается проводить исследования другим методом и способом, а затем заявляет, что он сделал какое-то открытие, обманывает себя

и других. Он делает попытку достичь невозможного»³⁸. В главе 12 мы находим гордые заявления, что медицина смогла преодолеть глубокое невежество и подняться до высот истины при помощи рассуждения, и поэтому нужно восхищаться ее открытиями как результатом отличных и правильных исследований, а не волей случая.

Несмотря на эту энергичную полемику против попыток обосновать медицинскую теорию философскими постулатами, философия продолжала оказывать свое губительное влияние на медицину. Это неблагоприятное влияние философии показано во многих работах «Корпуса Гиппократов». Например, в труде «О природе человека» очень заметно влияние Эмпедокла. В этом трактате количество гуморальных жидкостей, которые считаются активными в организме человека, ограничено четырьмя, к ним отнесены кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь. Это представление является аналогом теории четырех стихий, и, кажется, именно под ее влиянием количество гуморальных жидкостей было ограничено таким образом. Подобно стихиям эти четыре гуморальные жидкости описываются как горячая, холодная, влажная и сухая.

Сильное влияние также раскрывают трактаты «Дыхание» и «О священной болезни», о которых уже упоминалось ранее. Обе работы находятся под большим влиянием теории Диогена Аполлонийского. Первая работа представляет собой скорее софистское эссе, чем серьезный медицинский трактат. По-видимому, она стала известна как работа из «Корпуса Гиппократов» довольно рано, поскольку упомянута в «Iatrica» Менона (главы V и VI) и в списке Эротияна. Ее автор провинился созданием догматических утверждений и пренебрежением к их проверке экспериментальным путем. Как и Диоген, он полагал, что воздух, который имеет фундаментальное значение в мире вообще, способствует возникновению болезни. В дополнение к этому главному влиянию в работе есть одно или два незначительных упоминания о Диогене. Например, в главе III выдвинута теория, что в воде моря есть воздух, который вдыхают рыбы и другие подводные существа, видимо, позаимствованная у этого философа³⁹. В конце той же главы представлено

³⁸ См.: Philosophy and Medicine in Ancient Greece // Bulletin of the History of Medicine. 1946. Suppl. 8. Пер. В.Х.С. Джонса (с изменениями).

³⁹ Ср.: *Аристотель*. О дыхании 2,471a3 DK64A31.

поэтическое описание воздуха как γῆς ὄχημα. Это выражение встречается также и в «Troïades» Еврипида (884). Если же автор «О дыхании» не подражал Еврипиду, тогда они оба копировали высказывания Диогена. Мы знаем, что точка зрения последнего была известна в Афинах в этот период, так как его взгляды пародирует Аристофан в «Облаках»⁴⁰.

Очевидно, что трактат «О священной болезни» написан для того, чтобы рационально объяснить природу и причины эпилепсии и поддержать борьбу с суевериями. Автор находится под сильным влиянием философии и пытается применить философскую гипотезу для медицины способом, который бы навлек на его голову гнев автора «Древней медицины». Как и многие другие медицинские писатели этого периода, автор трактата «О священной болезни» является эклектиком, и психологическая теория, содержащаяся в его произведении, так или иначе отражает влияние Алкмеона Кротонского и Диогена. Последний, однако, бесспорно эклектичен сам, влияние же первого на медицинскую практику, возможно, было опосредованным. Проводя физиологические исследования, Алкмеон пришел к мысли, что мозг был основным органом разума и восприятия. Эту точку зрения Диоген, возможно, позаимствовал у Алкмеона, поскольку, как сообщает Теофраст⁴¹, Диоген считал, что органы чувств связаны с мозгом.

Диоген возродил монистическую теорию Анаксимена и принял воздух в качестве ее первого принципа. Он считал, что воздух имеет психическую природу, таким образом, является не только основным веществом, но и принципом разумности (в этом можно усмотреть непосредственное влияние Анаксагора.) На основе этих двух теорий — мозг является центром разума, а воздух — источник и основа разума в организме — разрабатывается исчерпывающее объяснение болезней. Эпилепсия, как наиболее важная для автора на текущий момент, вызвана перебоем поступления воздуха в вены, который был вызван потоком флегмы из мозга.

Далее в работе⁴² развивается мысль о том, что влажность вредит мышлению. По-видимому, эта теория также была взята у Диогена, который, как нам кажется, сам позаимствовал ее у Геракли-

⁴⁰ Аристофан. Облака 225 сл.

⁴¹ Theophrastus. De sens. 39 sq.

⁴² Глава 16 (Littre).

та⁴³. По свидетельству Теофраста («О чувствах», 44), Диоген считал, что влага (ἰκμάς) мешает интеллекту. Это слово, кажется, было техническим термином, которым пользовался сам Диоген. Слово редко встречается в афинском диалекте и отмечено еще три раза в традиционных работах, касающихся Диогена, т.е. у Александра⁴⁴, в схолиях по Апполону Родосскому⁴⁵ и в пародии Аристофана на теории Диогена в «Облаках»⁴⁶.

Влияние Гераклита также отмечено в «Корпусе». В трактате «Питание», написанном позже Гераклита, умело копируя афористичный стиль своего учителя, он применяет теорию бесконечного изменения к усвоению пищи организмом человека. «Режим I» также написан в стиле Гераклита, и в этой работе также могут быть найдены воспоминания Анаксагора и, возможно, Эмпедокла и Архелая⁴⁷. Наконец, влияние нумерологии Пифагора может быть прослежено в работе «Семерки» (особенно в главе 5) и, возможно, в «критических днях», так как Цельс на самом деле относится к ним как «числам Пифагора»⁴⁸.

* * *

Как позднее было доказано, влияние философии по большей части было чрезвычайно выгодным, так как она затронула точные науки, и сравнительно быстро, примерно за три века, помогла достичь внушительных успехов, но первоначальный эффект от взаимодействия философии и естественных наук серьезно сдерживал их развитие. Дальнейшее подчинение естественных наук философии также привело к применению гипотез объединения и в этой сфере, и попытка вывести объяснения особых явлений на основе общих гипотез совсем не способствовала укреплению эмпирической науки. Мы можем прийти к парадоксальному выводу: хотя философия и выполнила историческую задачу — обеспечила научное отношение к исследованиям природы, в то же время это был один из тех факторов, которые препятствовали успешному развитию этих исследований.

⁴³ См.: *Stobaeus. Flor.* V. 8 (DK22B118), V. 7 (DK22A117).

⁴⁴ *Quaest. nat.* II, 23 (DK64A18).

⁴⁵ IV, 269 (DK64A18).

⁴⁶ 225 (DK64C1).

⁴⁷ Глава 4 сл.

⁴⁸ Книга о медицине 111, 4, 15.

Д.А. БАЛАЛЫКИН

ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ПЛАТОНА ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕОРИИ*

D.A. BALALYKIN

THE SIGNIFICANCE OF PLATO'S PHILOSOPHICAL IDEAS FOR THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF MEDICINE

Введение

В современной литературе общепринятым является мнение о преимущественности развития современной научной медицины и древнегреческой рациональной медицины, берущей свое начало в VI в. до Р.Х. в лоне ранней ионийской физики¹. Соответственно, конечная цель современного врача такая же, как во времена Гиппократов, — реконструкция невидимого (патологических процессов, протекающих в организме) по видимым косвенным признакам (наблюдаемым врачом симптомам болезни). Рационализм мышления врачей гиппократовской традиции был основан на двух важных предпосылках: причины возникновения, течение и лечение

* Настоящая статья впервые опубликована в журнале «Философия, методология и история науки» (2015. Т. 1. № 1. С. 113–148).

¹ Longrigg J. Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians. London: Routledge, 1993; Балалыкин Д.А. Религиозно-философские системы и их значение для истории медицины // История медицины. 2014. № 1(1). С. 9–26; Nutton V. Ancient medicine. London; New York: Routledge, 2013.

заболеваний объяснялись естественными, а не магическими обстоятельствами, считалось принципиально возможным получить достоверное знание об устройстве и функционировании человеческого тела. Данные принципы использовались более пятисот лет, на их основе создавалась комплексная теоретико-практическая система, представляющая собой целостное описание анатомии, физиологии, общей патологии и принципов лечения болезней. Эта задача в конечном счете была решена во II в. великим римским врачом Галеном.

В несколько упрощенном и персонифицированном виде развитие методов рационального познания в античной медицине можно представить как историю преемственности идей: от Алкмеона к Гиппократу, далее к Герофилу и, наконец, к Галену. Персонификация схемы развития, на наш взгляд, особенно уместна именно по отношению к античной медицине: в историографии революционные открытия, раздвигавшие границы познания, прочно ассоциируются с именами их авторов. Именно Гален впервые предложил целостную теоретико-практическую систему, определившую ход истории медицины вплоть до научных революций XVII–XIX вв.²

В течение более чем двух с половиной тысяч лет зарождение, становление и развитие медицины как науки основано на допущении, что ученый может сформировать представление о человеческом организме, его устройстве и болезнях, соответствующее объективной реальности. Оно должно быть настолько достоверно, чтобы позволить принять этически обоснованное решение о вмешательстве (вплоть до хирургического) в функционирование человеческого тела с целью скорректировать возникшие патологические состояния. В истории медицины исключительная сложность такой задачи проявилась в виде определенных особенностей, су-

² Longrigg J. Op. cit.; Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Ч. I // Философия науки. 2013. № 2 (57). С. 157–175; Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Ч. II // Философия науки. 2013. № 3 (58). С. 128–150; Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Ч. III // Философия науки. 2013. № 4 (59). С. 136–152.

существенно отличающих ее от истории других естественных наук. Отличие определялось не только исследовательскими задачами и условиями их решения, но и принципиально иной социальной «ценой вопроса» достижения истины: достоверность гипотезы проверялась на пациенте, он выздоравливал или умирал. Все вышесказанное может показаться весьма странным, если внимательно посмотреть на объект и предмет исследования в медицине и сравнить его с таковыми в физике, математике и т.д. В самом деле, о каком объективном знании может идти речь, если прямое наблюдение и какая-либо объективная верификация невозможны? Вплоть до создания методов визуализации в медицине в конце XX в. ученый не мог непосредственно наблюдать предмет своего исследования! Тем не менее, объективная реальность — люди болели всегда, и их надо было лечить не только в VI в. до Р.Х. — постоянно стимулировала поиск решения этой задачи. Не случайно наряду с условной персонифицированной линией развития онтологии знания в медицине, предложенной выше, постоянно имели место различные проявления натурфилософского скептицизма.

Для медицины существенно больше, чем для других естественных наук, характерно не скачкообразное, а линейное развитие через накопление знаний. В Античности это линейное развитие характеризовалось неким чередованием кризисов, тупиковых направлений познания и прорывов в сфере гносеологии. Невозможно понять внутреннюю сущность этих процессов, оставаясь в рамках узкодисциплинарного анализа³. Наши исследования показывают, что по-настоящему важные события в истории медицины происходили тогда, когда удачно сочетались врачебные подходы, соответствующие задачам исследования, и натурфилософская картина мира, позволявшая ученому предложить методологию, с помощью которой было возможно решить такие задачи⁴. Один из таких кризисов наступил в конце V в. до Р.Х. Попытка преодолеть его привела к появлению ряда медицинских трактатов, известных в наши

³ Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Гален: врач и философ. М.: Весть, 2014. 416 с.

⁴ Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция. Ч. I; Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская. Ч. II; Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция. Ч. III.

дни как «Корпус Гиппократов». Подробный анализ обстоятельств его формирования не входит в задачи данной статьи, по этому поводу существует значительная историография (в основном зарубежная)⁵. Заметим лишь, что врачи гиппократовской школы в свое время не представляли большинство медицинского сообщества. Авторы «Корпуса Гиппократов» изучали медицину как уже достаточно зрелую дисциплину, имели навыки критического мышления и систематизации эмпирического опыта. Однако слабые места системы Гиппократов были очевидны и определялись именно отсутствием натурфилософской теории, которая предполагала бы глобальную картину мира и методы его познания, адекватные задачам медицины. Эта картина мира должна была ответить на ряд вопросов — от происхождения материи в целом до конкретной физики человеческого тела.

Основные компоненты этой целостной натурфилософской системы, сформировавшие адекватную картину мира врачей-исследователей, последовательно предложили Платон и Аристотель. Не случайно один из основополагающих трактатов Галена называется «Об учениях Гиппократов и Платона»⁶. Объединив учения этих двух великих предшественников, Гален создал свою медицину как целостную научно-практическую систему.

Наследие Платона — великое явление в истории человеческой культуры, о нем написано очень много, тексты его произведений давно переведены на русский язык, в нашей стране сложилась традиция академических исследований его наследия. Однако в отечественной историографии практически отсутствуют серьезные попытки описать и оценить значение его трудов для истории медицины. Настоящая статья призвана по достоинству оценить вклад Платона в медицинскую теорию: обозначить главные аспекты этого вклада, рассмотреть работы Платона в контексте основных вопросов рациональной медицины того времени.

⁵ *Jouanna J. Hippocrates (Medicine and Culture)*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001; *Conrad L.J., Neve M., Nutton V. et al. The Western Medical Tradition: 800 BC to AD 1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

⁶ *De placitis Hippocratis et Platonis // Galen. On the doctrines of Hippocrates and Plato [Corpus medicorum Graecorum. Vol. 5.4.1.2, pts. 1–2]* / Ed. P. De Lacy. Berlin: Akademie-Verlag, 1978. Bd. 1. S. 65–358; Bd. 2. S. 360–608.

Важным источником, позволяющим нам решить эту задачу, является комментарий Галена к диалогу «Тимей»⁷.

ВЗГЛЯДЫ ПЛАТОНА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

Как известно, Платон учился медицине у Филистиона, с которым познакомился во время своего путешествия в Великую Грецию. Филистион родился и вырос в южноиталийском городе Лукры, сделал блестящую карьеру и к моменту встречи с Платоном был личным врачом тирана Сиракуз Дионисия-младшего. Конечно, проживая на Сицилии, Филистион был знаком с учением Эмпедокла, которое оказало влияние на его представления о развитии болезней. Филистион имел репутацию ярого антигиппократика, однако суть его полемики со знаменитым косским врачом невозможно восстановить по дошедшим до нас источникам. Мы можем лишь косвенно судить о ней по фрагментам из текстов «Корпуса

⁷ Комментарий Галена к диалогу Платона «Тимей» позволяет более четко осмыслить отдельные натурфилософские взгляды Платона применительно к их значению для развития теории медицины. От первоначального обширного комментария Галена сохранились лишь отдельные фрагменты на греческом и арабском языках (см.: *De libris propriis liber // Claudii Galeni Pergameni scripta minora / Ed. G. Helmreich, J. Marquardt, I. Muller. Leipzig: Teubner, 1891. Vol. 2. S. 91–124; repr. Amsterdam: Hakkert, 1967; Festugière A.-J., Tonneau R.M. Le «Compendium Timaei» de Galien // Revue des Études Grecques. 1952. T. 65, fasc. 304–305. Janvier-juin. P. 97–118*). В греческом варианте текста — это достаточно незначительный фрагмент, объясняющий лишь часть диалога Платона «Тимей» (76d–80c) (*Galens Kommentar zu Platons Timaeos / Hrsg. v. C. J. Larrain. Stuttgart: Teubner, 1992*). Огромная значимость данного комментария заставляет по-новому посмотреть на «темные места» из платоновского «Тимея». Прежде всего, это касается антропологических и медицинских представлений Платона. Также в истории науки мы находим свидетельства того, как трактат «Тимей» Платона повлиял на философские и медицинские представления средневекового арабского Востока. Внимание средневековых арабских врачей к комментарию Галена к диалогу «Тимей» только подтверждает значимость данного сочинения для истории развития медицинского знания.

Гиппократ», где выражается несогласие со взглядами Эмпедокла⁸. В плане реконструкции истории античной медицины любопытно сравнить взгляды Платона на происхождение болезней, изложенные им в диалоге «Тимей», с точкой зрения Филистиона. Она известна по фрагменту из папируса «Anonymus Londinensis»: «Филистион из Локри полагает, что мы состоим из четырех “форм”, то есть из четырех элементов — огня, воздуха, воды, земли, каждый из которых также имеет свою собственную силу: сила огня — это жар, воздуха — холод, воды — влага, земли — сухость. По его словам, болезни зарождаются по-разному, но если говорить в целом, то речь идет о тройной причинности: из-за элементов, из-за состояния нашего тела и из-за внешних причин. Например, о заболеваниях, вызванных элементами, можно говорить, когда жар и влага в избытке или когда жар становится все меньше и слабее. Они возникают от внешних причин трех типов: 1) от ран и язв; 2) от избытка жара, холода и тому подобного или от перехода от жара к холоду или от холода к жару; 3) от изменения питания на неподходящее или вредное. Заболевания возникают из-за состояния организма. Когда, по его словам, все тело дышит хорошо и дыхание проходит беспрепятственно, из этого проистекает здоровье. Дыхание идет не только через рот и ноздри, но и по всему телу. Когда же тело плохо дышит, случаются разнообразные болезни...»⁹. Таким образом, по Филистиону, существуют заболевания трех видов, связанные с расстройством «равновесия», нарушением баланса первоэлементов в тканях человеческого тела и расстройством дыхания соответственно.

Взгляды Платона на проблемы медицины изложены в диалоге «Тимей» и касаются широкого круга вопросов — от анатомии и физиологии до единства телесного и духовного. Для правильного понимания их значения нам кажется важным изложить их в контексте интерпретации платоновской теории Галеном. С этой целью мы вводим в научный оборот и предлагаем вниманию читателей перевод сохранившихся фрагментов комментария Галена к диалогу Платона «Тимей».

⁸ *Гиппократ. О древней медицине* // Избранные книги. Пер. с греч. В.И. Руднева; ред., вступ. ст. и примеч. В.П. Карпова. М.; Л.: Биомедгиз, 1936. С. 143–170.

⁹ Цит. по: *Longrigg J. Op. cit.*; перевод Д.А. Балалыкина.

По мнению Платона, существует три вида заболеваний. Первая группа определяется нарушением равновесия между четырьмя первоэлементами — землей, воздухом, огнем и водой. Вследствие избытка или недостатка какого-либо из них в организме возникают процессы, приводящие к расстройству здоровья¹⁰. Вторую группу заболеваний Платон связывает с нарушением питания частей тела. Исходя из предположения, что кровь непосредственно формируется в печени из переваренных пищевых продуктов, Платон считает, что в ней содержатся все вещества, необходимые для жизни организма. Так, сухожилия формируются из фибрина и других субстанций свернувшейся крови, при адекватном кровоснабжении плоть вырабатывает некую вязкую жидкость, за счет которой плоть крепится к кости и которая питает костное вещество и костный мозг и т.д. Если структура питания не нарушена, то для формирования и восстановления различных тканей в крови достаточно нужного строительного материала¹¹. Нарушение питания вызывает болезнь: плоть разлагается, выбрасывая в кровь продукты гниения. Кровь изменяет цвет, становится горькой, едкой и засоленной, продукты гниения разрушают кровь и, распространяясь по венам, нарушают питание тканей и распространяют процессы гниения и разложения¹².

Гален следующим образом комментирует эту точку зрения: «Теперь же посмотрим на то, что имел в виду Платон, когда говорил: “огонь и дух (пневма) — необходимые составляющие нашей жизни”. Существуют четыре первоэлемента, из которых возникает все сущее. В большей степени материальными являются земля и вода, вода же и воздух более подвижны, особенно у живых существ. Почти всеми признается, что управляемое первоэлементами тело нуждается не только в незаметном для чувств вдыхании и выдыхании, но также должно обладать возможностью освободиться от них. Следствием этого является потребность в пище, чтобы постоянно восстанавливать недостаток веществ» (фр. комм. к 76e7–77c5).

¹⁰ Платон. Тимей, 82b; Платон. Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с др.-греч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3 С. 457–491.

¹¹ Платон. Тимей, 82c–82d.

¹² Платон. Тимей, 82e–83a.

Болезни третьей группы возникают преимущественно из-за расстройства процесса дыхания. Цель дыхания заключается в охлаждении врожденного тепла, вырабатываемого организмом. Дыхание может осуществляться как через легкие, так и через специальные поры в коже. В случае если работа легких блокируется избытком жидкости (например, мокроты), процесс дыхания меняется и происходит не совсем так, как положено. Вследствие этого искажаются естественные процессы обмена веществ, а в тех частях тела, по отношению к которым дыхательные функции недостаточны, возникают процессы гниения, вызывающие гипертермию. Характерным признаком таких болезней является чрезмерное потоотделение — именно в силу преобладания в организме чрезмерного тепла¹³.

Мы видим много совпадений между концепцией общей патологии у авторов «Корпуса Гиппократата» и рассуждениями Платона. Это касается, прежде всего, оценки болезни как количественной категории, когда в здоровом и больном организмах присутствуют одни и те же составляющие, но возникает избыток или недостаток некоторых из них. Это касается и понимания состояния «благо-смешанности» элементов, сопутствующего здоровью, и нарушения их смешения, соответствующего болезням. Наиболее ярко сходство образа мыслей Гиппократата и Платона обнаруживается при анализе болезней третьего класса, которые связаны с нарушением функции дыхания, так как процесс их развития невозможно объяснить, не прибегая к категории равновесия жидкостей, т.е. гуморальной теории Гиппократата. Конечно, Платон не анализирует эту теорию детально и описывает происхождение и свойства флегмы, крови и двух видов желчи в той степени, в какой это необходимо для понимания их возможного патологического влияния на функционирование человеческого организма. Мы видим, что в системе Платона дыхание представляет собой круговое движение, направленное на сокращение внутреннего тепла. Залогом реализации этой функции является нормальный обмен веществами между кровью, с одной стороны, и тканями плоти и костей — с другой. Соответственно, изменение крови (ее насыщение продуктами гниения) сочетается с увеличением количества патологических жидкостей в тканях и органах. Поэтому к третьей группе заболева-

¹³ Платон. Тимей, 84d–84e.

ний Платон относит не только чахотку, плеврит и поражения бронхов, но и псориаз, экзему, дизентерию и даже эпилепсию.

В классификации Платона отражается значительное влияние взглядов Эмпедокла и Филистиона. Напомним, что, согласно теории Эмпедокла, пища размельчается во рту, а затем под воздействием внутреннего тепла переваривается в желудке, разлагается на составляющие ее элементы, совокупность которых переносится в печень, где и превращается в кровь. Соответственно, в крови содержатся все вещества, необходимые для жизнедеятельности и развития тканей. Они перемещаются по телу человека с током крови и усваиваются тканями по принципу «подобное — к подобному». Если, например, в костях преобладает первоэлемент «огонь» (ведь они сухие и твердые), значит, он поступает из крови преимущественно в кости и т.д.

Платон следует за Эмпедоклом и в части представления о плоти как о вторичном образовании, происходящем от крови. Однако окончательное формулирование теории болезни можно считать собственным открытием Платона. Ф. Солмсен, и Дж. Лонгригг отмечают отсутствие достоверных свидетельств детальной разработки этого вопроса Филистионом или Эмпедоклом¹⁴.

Благодаря Платону теория четырех первоэлементов на многие века заняла господствующее положение в науке, впоследствии ее поддержали перипатетики. Не менее важно то, что Платон отказывается от всяких элементов мистики и обожествления первоэлементов, сопряженных с предположением об их формообразовании¹⁵. Четыре первоэлемента становятся просто физическими явлениями, четко соотносятся с эмпирической практикой и занимают свое место в глобальной картине мира, сотворенного Богом-Дemiургом по определенным законам.

Здесь натурфилософия Платона вновь смыкается со взглядами Гиппократов. Последний, опираясь на практику, ощутил принципиальную функциональную целесообразность устройства человеческого организма. Враг у них общий — софисты и мистики, толковавшие Эмпедокла на свой лад: природа является слепой и

¹⁴ Longrigg J. Op. cit.; Solmsen F. On Plato's Account of Respiration // Studi Italiani di Filologia Classica. 1956. Vol. 27–28. P. 544–548.

¹⁵ Lloyd G.E.R. Plato as a Natural Scientist. Journal of Hellenic Studies. 1968. Vol. 88. P. 78–92.

иррациональной силой. Платон прекрасно понимает универсальный характер рассматриваемых вопросов: в «Тимее» он считает необходимым четко обозначить место первоэлементов в общей натурфилософской системе¹⁶.

Значение первоэлементов понижается: если сначала их относили к мистическим первоначалам (с элементами обожествления, как у Эмпедокла и его последователей), то потом стали считать своего рода строительным материалом. Платон использует аналогию с буквами и слогами, из которых по соответствующим правилам складываются слова и предложения. Демиург, как архитектор, строит мир по определенному замыслу, используя необходимые материалы.

Обратим внимание на два важных компонента физики Платона: во-первых, первоэлементы могут превращаться один в другой, меняя свои сущностные характеристики; во-вторых, эти характеристики описаны языком математики. Основу представления Платона о жизнедеятельности живого организма составляет телеологический принцип — целесообразность функции, а следовательно, и анатомического устройства. Онтологической основой устройства тела человека является божественный акт творения упорядоченной материи, функционирующей по определенным законам. Важнейшей частью описания этого устройства является теория первоэлементов. Однако требовалось системное, непротиворечивое описание движения первоэлементов в организме человека. Ведь очевидно, что он растет и развивается, стареет и умирает, в его теле происходят определенные обменные процессы, а значит, существует динамика. Впоследствии эта оценка и описание движения материи в категориях закономерности будут использованы в системе Аристотеля (конечно, за исключением представлений о творении мира).

Платон решает задачу описания динамики с помощью математических аналогий. Даже функциональные процессы в организме он объясняет на языке геометрических фигур: так, элемент «огонь», существующий в форме тетраэдров и являющийся наиболее мелкой, всепроникающей частицей, как бы разрезает сцепле-

¹⁶ *Havelock E.A.* Preface to Plato. Cambridge: Harvard University Press, 1963; *Janssens E.* Platon et les sciences d'observation // *Revue de l'Université de Bruxelles*. 1949–1950. Vol. II. P. 249–268.

ния первоэлементов, на которые распадаются измельченные продукты питания в желудке.

Когда Платон говорит о первоэлементах как о математических структурах, он имеет в виду объекты, свойства которых непротиворечивы. В математических описаниях баланса первоэлементов у Платона обнаруживается влияние пифагорейцев. В реальном же физическом пространстве свойства объектов противоречивы, дискретны, враждебны друг другу и самим себе и, как следствие, энтропийны.

Во время своей поездки в Великую Грецию Платон знакомится с Архитом Тарентским — членом пифагорейского союза, выдающимся математиком и государственным деятелем (граждане Тарента семь раз подряд избирали его командующим вооруженными силами). Возможно, благодаря влиянию Архита и его круга объясняется близкое знакомство Платона с пифагорейской теорией и стремление прибегать к математическим объяснениям философских вопросов¹⁷.

Весьма плодотворной для развития медицинского знания оказалась картина творения мира, изложенная в диалоге «Тимей». Показывая, что Вселенная обнаруживает в себе ясные свидетельства целеположения всякой структуры и функции, Платон приходит к осмыслению космологии в соответствии с деятельностью высшего разума. Ф. Корнфорд описывает взаимосвязь космоса и человека у Платона: «...человеческий разум божественен [по происхождению. — Д. Б.] и... его обязанность стать как божественное путем воспроизведения в своей собственной природе красоты и гармонии, раскрывающейся в космосе»¹⁸. Впоследствии Платон раскрывает эту идею, когда говорит о трехчастном строении человеческой души и связи заболеваний души с заболеваниями тела. Указанная связь стала гносеологической основой для становления теоретико-практической медицинской системы Галена.

Здесь возникает полемика с атомистами в отношении представлений о хаотическом движении материи и взгляде на матери-

¹⁷ New Essays on Plato and Aristotle / Ed. R. Bambrough. London: Routledge, 1965; Joly H. Le Renversement platonicien. Logos, episteme, polis. Paris: J. Vrin, 1974.

¹⁸ Cornford F.M. Plato's Cosmology: the Timaeus of Plato. Hackett Publishing, 1937.

альный мир как случайный результат слепых и бесцельных механических процессов. В ряде фрагментов «Тимея» (44c, 48b, 48d и 57d) Платон дает описание физического мира во взаимосвязи процессов его функционирования. Мир возник вследствие сознательного акта упорядочивания вещества, а не в силу действия бездушного физического закона. По описанию Платона, Демиург конструирует мир, в его основе четыре первоэлемента — земля, вода, воздух, огонь. В вещественном мире они выступают как геометрически (математически) абсолютные элементы. Согласно «Тимею», они отличаются друг от друга геометрической формой¹⁹, которая отражает их сущность, но все имеют вид правильного многогранника²⁰. Многогранники, в свою очередь, сложены из простейших фигур; все тела имеют чисто математическую (идеальную) структуру. Треугольники и многогранники не обладают плотностью, тяжестью или непроницаемостью — тем, что отличает математические тела от физических в обычном смысле слова. При некоторых условиях эта внутренняя сложная структура, считает Платон, позволяет «многогранным частицам» рассыпаться и превращаться в другие первоэлементы.

Показывая, что Вселенная обнаруживает очевидные свидетельства рационального целеполагания всякой структуры и функции, Платон приходит к осмыслению космологии в соответствии с деятельностью высшего разума.

¹⁹ Из четырех первоэлементов — воздуха, огня, земли и воды — состоит Вселенная, численность и состав первоэлементов находится в вечной и неизменной гармонии. Элемент земля — это куб, огонь — тетраэдр (правильный четырехгранник — пирамида), воздух — октаэдр (правильный восьмигранник, напоминающий две сложенные основаниями пирамиды), вода — икосаэдр (правильный двадцатигранник). Кроме этих четырех объемных фигур, правильной может быть еще лишь одна — додекаэдр, составленный из 12 правильных пятиугольников, тогда как грани всех остальных — треугольные. Эта последняя геометрическая фигура символизирует пятую мировую стихию, отсутствующую на земле. В «Тимее» Платон подробно останавливается на сущностном устройстве четырех первоэлементов, обращая внимание на то, что все они составлены из треугольников, а точнее, имеют треугольные грани.

²⁰ Платон. Тимей, 53d–57d.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП
В ОПИСАНИИ ПЛАТОНОМ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА

Для описания общих принципов устройства материального мира Платон также использует математические аналогии. Они же находят применение в описании самого акта упорядочения вселенной Демиургом (Платон использует понятия «Бог», «Божественный архитектор»). С самого начала Платон подчеркивает подчиненный, вторичный характер первоэлементов, которые Демиург приводит к определенному порядку. В космологии Платона Вселенная представлена с помощью трехмерной системы координат. Соответственно, частицы каждого строительного элемента должны быть сформированы высшим разумом в определенной математической форме, тогда они смогут существовать в упорядоченном физическом мире, изменяться и взаимодействовать друг с другом целесообразно, т.е. в соответствии с полагаемыми Демиургом в основу творения законами функционирования природных тел.

С медицинской точки зрения крайне важен тезис о возможной трансформации первоэлементов, что, в свою очередь, обуславливает взгляд на человеческое тело как на динамическую систему, условно стабильную в нормальном состоянии. В завершающей части диалога «Тимей» Платон переходит от характеристики макрокосма к микрокосму, т.е. к устройству и функции человеческого тела. Для его описания Платон использует те же телеологические, аксиологические и физические принципы. И здесь мы находим существенные отличия между концепциями Эмпедокла и Платона, которые теперь уже касаются функционирования человеческого организма. Платон решительно отстаивает точку зрения, что центр разумной деятельности, высшего управления функциями тела расположен в головном мозге. С точки зрения Эмпедокла, такой центр находится в области сердца, что естественно сочетается с огромным значением крови и кровоснабжения в его системе. Эта мысль имеет ключевое значение для осмысления влияния диалога «Тимей» Платона на развитие медицины как науки²¹.

²¹ *Crombie I.M. An Examination of Plato's Doctrines. Vol. 1. Plato on Man and Society. London, 1962; De Lacy Ph. Galen's Platonism // American Journal of Philology. 1972. Vol. 93. P. 27–32.*

Платон подробно рассуждает о процессе создания Демиургом человеческого тела, описывая его с помощью ранее заданных геометрических схем. Божественный Архитектор начинает создание человеческого тела с костного мозга, для формирования которого использует первоэлементы, сложение их структур образует идеальные математические тела — треугольники. Часть сформированной ткани, которой придается сферическая форма, помещается в голову (так формируется головной мозг), другая — в позвоночник и кости (так формируются костный мозг и костная ткань). Согласно замыслу Демиурга, кости имеют разную форму: череп — шара (для окружения и защиты вещества головного мозга), позвоночник — удлиненную структуру (для безопасности спинного мозга) и т.д. Эмпедокл полагал, что позвоночник изначально был создан как неразрывная структура, а его «дробление» на отдельные суставные комплексы стало следствием травм и болезней. Согласно логике Платона, это невозможно: позвоночник изначально создан как комплекс отдельных позвонков и суставов между ними. Закономерное расхождение Платона с Эмпедоклом по этому вопросу подтверждается описанием дальнейшего процесса творения опорно-двигательного аппарата. Сотворив костный скелет, хрупкий и негибкий, Демиург создает сухожилия и плоть, чтобы позволить телу менять свое положение, а также защищаться от холода и жары. Плоть представляется как «теплая влажность», охлаждающая тело летом и согревающая его зимой, она состоит из «воды», «огня» и «земли» и подвержена процессам брожения. Отсутствие «воздуха» среди компонентов плоти может показаться отклонением от концепции четырех элементов. Тем не менее, Платон не подвергает сомнению факт образования плоти из элементов, переносимых кровью, которая, в свою очередь, состоит из элементов пищи, размельченных под действием внутреннего тепла. Следовательно, она содержит все четыре начала. Кроме того, Платон прямо говорит, что все четыре элемента есть и в составе мозга, являющегося первопричиной всех тканей²². Позднее, в работах Герофила, были получены анатомические свидетельства, показывающие исходение нервов из головного мозга. В «О доктринах Гиппократов и Платона» Гален доказывает существование центра

²² Платон. Тимей, 73bc.

разумных действий именно в головном мозге с помощью аргументов, почерпнутых из анатомических вскрытий.

У Платона разница в строении органов и тканей определяется только разной пропорцией первоэлементов. Главную роль здесь играет телеологический принцип, столь плодотворно определяющий дальнейшее развитие естествознания в целом и медицины в частности.

В диалоге «Тимей» рассуждения об анатомическом устройстве человеческого тела и акте его создания тесно связаны с учением о природе души. Платон помещал высшую, бессмертную часть души в головной мозг, хотя и не имел эмпирических свидетельств, подтверждающих правильность данного предположения. По мнению Дж. Лонгрига, Платон стремится отделить высшую, разумную, бессмертную часть души от смешения с плотью, в которой располагаются и ее низшие части²³. Это представление Платона комментирует Гален в своей работе «О зависимости свойств души от темпераментов тела»: «Итак, поскольку существуют три части души, то Платон желает показать, где они находятся. Одна из них обнаруживается в печени, другая — в сердце, а третья — в головном мозге. Причем, как кажется, Платон был убежден, что из этих частей только разумная часть бессмертна»²⁴. Из этого следует важное анатомическое замечание о роли шеи, которая физически отделяет голову от остальных частей тела с их физиологическими процессами, «загрязняющими божественное» и разумное в человеке. Это базовое представление определяет отличие системы Платона от представлений Эмпедокла, который утверждал, что душа происходит из крови. По мнению Эмпедокла, кровь служит местом сосредоточения мыслей и чувств человека. Таким образом, интеллект и общие способности зависят от пропорций смешения элементов в крови в результате переваривания пищи. Вместе с тем физиологически необходимый процесс пищеварения сопровождается наибольшим загрязнением (не все поступающие с пищей элементы полезны и усваиваются), что несовместимо с процессами высшего, духовного порядка. Для Платона важны естественные критерии, с помощью которых постигается истинная сущность

²³ Longrigg J. Op. cit.

²⁴ Гален. Сочинения / Под ред. Д.А. Балалыкина. М.: Весть, 2014–2015. Т. 1. С. 343.

вещей, а в медицине таким является вопрос о появлении жизни. Соответствующие физиологические процессы Платон также связывает с божественным началом, определяя, например, семенную жидкость как субстанцию мозга.

Идеал искомого единства — гармония и равновесие физического состояния тела, изменяемого по своей природе и в конечном счете смертного, и души, в высшей своей части, имеющей нематериальную природу. Платон демонстрирует стремление к системным рациональным обобщениям, непротиворечивой теории, отсюда и математические объяснения телеологической гармонии²⁵.

МОДЕЛЬ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗМА В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ТИМЕЙ»

Крайне интересны геометрические аналогии, с помощью которых Платон объясняет движение первоэлементов при описании процессов жизнедеятельности тела. Идеальные геометрические тела первоэлементов отличаются друг от друга не только формой, но и размером, и то и другое крайне важно для платоновской модели физиологии человеческого тела. Части тела, в структуре которых превалируют более мелкие элементы, непроницаемы для крупных. Напротив, анатомические образования, в основном состоящие из более крупных по размеру первоначал, проницаемы для идеальных тел, меньших по размеру. Мельчайшим является тетраэдр первоэлемента огня, чуть крупнее — октаэдр воздуха, соответственно, они проникают всюду: именно так реализуются универсальные функции поддержания «внутреннего тепла» и дыхания, осуществляющегося через легкие и кожу и необходимого для охлаждения. Эту способность огня и воздуха, созданную Богом для физической реализации основополагающих физиологических процессов, Платон иллюстрирует с помощью «верши» — ловушки для рыбы. Это плетеная корзина из тростника с широким отверстием в верхней части, под которым находится конус, образующий узкий внутренний вход в ловушку, попав в которую рыба уже не может выбраться на свободу.

²⁵ *Lloyd G.E.R. Op. cit.*

Организм человека механистически может быть представлен в виде верши, но особенной конструкции, состоящей из двух внутренних камер, наложенных друг на друга. Внешняя, первая сеть создается Демиургом из элементов воздуха, внутренняя — из огня, на входе в вершу создается не одна, а две воронки, причем одна из них раздвоенная. Таким образом обозначаются отверстия для попадания воздуха и пищи в организм. Раздвоение дыхательной воронки соответствует входу воздуха через нос и рот, иначе при употреблении пищи дыхание было бы невозможно.

Удлинение нижних частей двух верхних воронок означает формирование пищевода и трахеи с бронхами. Внутри большой верши находятся малые, вход в которые осуществляется через воронки: одна малая верша соответствует легким, и попасть в нее можно через трахею и бронхи, другая — желудку или, скорее всего, пищеварительной системе. Пространство между большой и малой вершами следует представлять как собственно плоть — мышечную ткань, пронизанную кровеносными сосудами.

Для лучшего осмысления изложенного фрагмента как части медицинской теории важно использовать комментарий Галена: «Напомним, что, согласно Платону, необходимо представить себе, что вся большая верша есть внешняя оболочка тела, постоянно взаимодействующая с внешним воздухом. Внутри себя она содержит два сосуда, наполненных воздухом, напоминающих малые верши [полости. — *Примеч. пер.*]. Одна из них находится в брюшной полости, а другая — в груди. Все пространство между большой и малыми вершами наполнено огненными лучами, проходящими вдоль артерий и вен, а сами полости вершей служат для движения изнутри наружу и снаружи внутрь. Поэтому Платон утверждает, что существуют два противоположных движения в двух малых вершах. Одно направлено к внешнему воздуху, а другое, соответственно, от внешнего воздуха внутрь. Затем Платон объясняет нам, каким образом реализуются эти движения и почему они не прекращаются все то время, пока тело живет. Подводя итоги своим мыслям, он утверждает, что двойное движение создаст двойное дыхание и двойное распределение питания» (фр. комм. к 78d2–79a4).

Гален также поясняет, что внутренний «огонь» (или «внутреннее тепло») является основополагающим источником энергии физиологических процессов. Даже красный цвет крови обусловлен

действием этого «огня». Необходимость постоянного питания тканей и органов человеческого тела объясняется затратами питательных веществ в процессе жизнедеятельности. Они расходуются на отражение внешних атак потоков элементов, существующих вне человеческого тела. Обратим внимание на замечание Галена о «двойном дыхании» и напомним, что в современной физиологии обмену веществ через кожу придается огромное значение.

Платон рассуждает о топографии человеческого тела, состоящего из полостей, в которых располагаются органы по степени их значимости (в соответствии с разными частями души), что позволяет определить специфическую особенность каждого и выявить закономерность их взаимодействия как целого²⁶. Платон иллюстрирует дуальность строения и устройства человеческого тела: в своем функционировании органы находятся в постоянном движении: с одной стороны, есть стремление к здоровью, а с другой, — постоянно существует угроза возникновения «беспорядка» (болезни). Дуальность устройства человеческого организма проявляется и в движениях элементов внутри сложной системы верши в виде сочетания потока и противотока, т.е. движение в противоположных направлениях (фр. комм. к 78d2–79a4). Вдоху соответствует выдох, сеть погружается внутрь и устанавливает контакты с окружающим тело пространством: процесс дыхания идет через легкие и поры в коже. Лучеобразное движение элементов огня сопровождает движение воздуха в любом направлении: необходимо равновесие, иначе главная цель дыхания — охлаждение внутреннего тепла — не будет достигнута. Сложная структура верши, когда внутри наружной сети помещены внутренние, с разным диаметром отверстий, показывает, как происходит взаимодействие различных первоэлементов. Их переход друг в друга в зависимости от величины и геометрической формы влияет на процессы жизнедеятельности организма, являя собой физическое выражение состояний здоровья или болезни.

Платон говорит, что кровь приводится в движение по системе сосудов, которую он уподобляет сети оросительных каналов: «На

²⁶ Согласимся с Дж. Лонгригом в том, что описание анатомического устройства человека по принципу «верши» приводится в тексте «Тимея» в довольно краткой форме и может трактоваться по-разному. Подробнее оценку Дж. Лонгригом диалога «Тимей» см.: *Longrigg J. Op. cit.*

примере с оросительными каналами садов Платон описывает систему вен. Он говорит о крупных венах, от которых расходятся [более мелкие], распространяясь по всему телу. Все они расположены внутри организма. Он называет их спинными (σῆτος), так как они расположены вдоль спины. Называя эти сосуды венами, Платон не ошибается, потому что, как мы знаем, древние называли артерии венами. Однако он не совсем прав, когда говорит о разделении тела этими сосудами на правую и левую части. Спинные сосуды различны, одни имеют тонкие стенки и не пульсируют, другие, наоборот, имеют стенки в пять, шесть раз толще и при этом пульсируют. Именно эти сосуды и называются артериями. Кроме того, эти спинные сосуды не располагаются слева или справа, но находятся посередине позвоночного столба, с обеих сторон которого располагаются нервы» (фр. комм. к 77c9–d3). Кровоток обеспечивается силой, вызываемой естественным движением внутреннего «огня» и пневмы. Функция кровообращения — доставлять вместе с кровью питание всем тканям и органам человеческого тела.

Важным компонентом физиологической модели Платона является функция дыхания, направленная на охлаждение внутреннего «огня». Процесс пищеварения представлен как часть комплекса физиологических функций: под влиянием внутреннего тепла в желудке происходит переваривание пищи. Физическая основа этого процесса становится ясной, если ее рассматривать как сочетание стимулирующего воздействия внутреннего тепла и механического движения мельчайших частиц огня. Та же энергия обеспечивает движение по венам крови. Дыхательная функция осуществляется по принципу круговой тяги, когда окружающий воздух, в том числе попадая в организм через поры в плоти, смещается под давлением и последовательно, передавая это принудительное воздействие, создает круговорот движения (фр. комм. к 78d2–79a4).

Платон утверждает, что легкие были созданы для охлаждения сердца, а воздух попадает внутрь прохладным и впоследствии нагревается²⁷. Гален неоднократно подчеркивает, что внутренний огонь (или внутреннее тепло) является основополагающим источником энергии всех физиологических процессов. Согласно Платону, процессы дыхания и кровообращения взаимосвязаны, основа-

²⁷ Платон. Тимей, 79d–81b.

ны на неприятии «пустоты» в устройстве объектов материального мира, что подчеркивает образ физиологической системы организма в виде системы вершей. В этих рассуждениях просматривается полемика с атомизмом, оспариваются два основных положения теории Левкиппа — Демокрита: существование бытия (атомов) и небытия (пустоты), хаотическое, непрерывное движение атомов (их базовая характеристика), вследствие которого, по мысли атомистов, возникали случайные сцепления этих частиц, складывающихся в материальные объекты. Платон противопоставляет атомизму картину материального мира, созданного Демиургом по определенному плану и функционирующего по определенным законам, описываемым с помощью принципа телеологии.

Сквозь призму общей физической теории Платон объясняет процессы роста и увядания организма человека. Зачатие младенца происходит при слиянии мужского и женского семени. Идеальные с математической точки зрения первоэлементов образуют строение тела ребенка или молодого человека. В детстве и юношестве они находятся в гармоничном соотношении друг к другу. Повреждающие факторы внешней среды (например, элементы, поступающие с пищей) структурно слабее, чем те, что составляют внутреннюю основу тканей организма молодого человека. Платон образно осмысляет процесс старения организма как изнашивание «корней треугольников», входящих в состав геометрических идеальных тел, являющихся сущностью первоэлементов: облегчается их разделение, теряется способность противостоять внешнему воздействию и сохранять баланс и постоянство внутренней среды организма (*physis* и *krasis*). Вследствие развития процессов изнашивания и старения организма душа отделяется от тела (человек умирает). Недуги тела отражаются на низших, смертных частях души, субстанционально связанных с внутренними органами, подверженными болезненным изменениям. В силу единства души (в том числе ее бессмертной и бестелесной разумной части) и тела эти процессы определенным образом влияют на деятельность мозга. Отсюда логично следует предположение о его гибели в случае наступления факта телесной смерти. Таким образом, материальное и духовное не противостоят друг другу, а находятся во взаимодействии, возникающем в силу имманентных причинно-следственных связей.

ЕДИНСТВО ДУХОВНОГО И ТЕЛЕСНОГО
КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА

В основе учения Платона об устройстве природы человека лежит представление о трехчастной природе его души. Главные функции высшей, разумной части души — интеллект и управление произвольными движениями человеческого тела. Последние сходны с движениями интеллекта и влияют на порядок элементов, принципов закономерности их движения и, как следствие, на сохранение здоровья. Свойством разумной части души является ее бессмертие, соответственно, состояние физической смерти человека описывается как разъединение бессмертной части души и тела, завершающееся смертью, которая понимается как агония, отделение высшей, бессмертной части души от плоти. Вслед за Платоном Гален утверждает, «что разум находится в головном мозге, оттуда он управляет нервами и движениями, а также пятью чувствами. Желательная часть души расположена в печени и отвечает за кровь, вены, а также обладает способностью различать вещества, которые необходимы для питания тела. Страстное начало, находящееся в сердце, следит за артериями, естественной температурой, пульсацией [крови], а также за животной частью души» (фр. комм. к 76e7–77c5). Идея Платона о трехчастной природе человеческой души оказалась исключительно плодотворной для развития медицины. Закрепившееся в историографии именование их «животной» и «растительной» (в качестве синонимов терминам «страстная» и «желательная») принципиально не случайно²⁸. Платон указывает на единство творения живого: животные и растения обладают соответствующими низшими частями души, которые великий философ считает смертными (и Гален в своем комментарии подчеркивает это утверждение). Животные обладают двумя — страстной и желательной — частями души, а растения — только одной, низшей (желательной) частью²⁹. Наличие двух частей души объясняет их сходство с человеком: вещество их структуры устроено из тех же первоэлементов и является одушевленным: таким образом, в системе Платона решается задача разделения того, что в

²⁸ *Lloyd G.E.R. Op. cit.*

²⁹ *De Lacy Ph. Op. cit.*

современной науке называется органическими и неорганическими структурами. Это подтверждается и эмпирически: весь материальный мир состоит из одних и тех же первоэлементов, но человек не может употреблять в пищу³⁰, например, фрагменты вулканической лавы или песка, а мясо животных и растения — может. Платон наделяет животных и растения низшими частями души, которые определяют возможность использования сходных веществ для питания человеческого тела. Комментируя Платона, Гален отмечает, как его предшественник «указывал, что желательная способность души в одинаковой степени присуща всем живым существам и растениям» (фр. комм. к 76e7–77c5).

Представление о единстве творения и функционирования всех живых организмов, характерное для системы Платона, существенно для истории медицины. Эти идеи впоследствии определили взгляды Галена на взаимоотношения духовного и телесного в контексте понимания их единства в здоровье и болезни. Идеал такого единства — гармония и равновесие физического состояния тела, изменяемого по своей природе и в конечном счете смертного, и души, имеющей в своей высшей части бессмертную, нематериальную природу. Единство духовного и телесного не может быть формальным, оно должно иметь субстанциональный, сущностный характер, на что указал в своем комментарии Гален: «Остается лишь указать тех, кто считает, что наша душа имеет одну сущность, вмещающую в себя три [потенциальные] способности — разумную, страстную (θυμοειδής) и желательную (ἐπιθυμητικόν)... При этом было бы разумным утверждать, что три части души на самом деле являются одной сущностью. <...> Платон указывает на отличие разумной души от бессознательных [душевных проявлений], таким образом, разум находится в состоянии борьбы с желательной и страстной частями души. Кроме того, иногда разумная часть души прибегает к помощи страстной части, чтобы противостоять желательной способности... Платон только указывает на данные виды души, но при этом не говорит о них как о единой сущности. Даже если это и так, и сущности души различны, то при этом они все равно присутствуют во внутренних органах, поэтому

³⁰ Напомним, что, согласно Платону, пища необходима человеку для того, чтобы он мог удовлетворить потребность в строительном материале, необходимом для тканей его тела.

любому из нас считать, что у нас не три души, а три свойства [одной души]» (фр. комм. к 76e7–77c5).

Историческое развитие идеи Платона о единстве духовного и телесного привело к появлению современной концепции психосоматической целостности человеческого организма. Последняя представляет собой один из краеугольных камней медицинской науки³¹. Заболевания души, по мнению Платона, не имеют сверхъестественного происхождения и объясняются наследственными дефектами строения тела или плохим воспитанием. Психосоматическая целостность имеет физическое объяснение: части души, располагающиеся в соответствующих органах, тесно связаны с ними, поэтому процессы старения и деградации плоти затрагивают и духовную жизнь человека. Воспаление ткани мозга, являющееся причиной угрожающих жизни заболеваний, опасно именно потому, что ослабевают связи между субстанцией высшей, бессмертной части трехсоставной души человека и ее вместилищем — головным мозгом. К эпилепсии Платон относится совершенно спокойно, не считает ее чем-то сверхъестественным и разделяет мнение Гиппократов по этому поводу. Как и Гиппократ, он иронизирует над названием «священная болезнь», указывая на его уместность лишь только в той степени, в какой священной субстанцией является поражаемое ею вещество головного мозга. Сакральность определяется значимостью явления, ведь телесная смерть означает акт окончательного разобщения бессмертной части души и тела. Вместе с плотью отмирают низшие части души (страстная и чувственная), привычки, взгляды человека. Интересно, что у Галена мы видим эти идеи Платона в развитии: низшие части души представляются ему субстантивно сходными с устройством тех органов, в которых они локализируются.

Недуг высшей части души Платон называет безумием³² и различает в нем сумасшествие (*mania* — патологическая заикленность) и глупость (*amathia* — тупое, апатичное невежество)³³.

³¹ Подробнее см.: Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Гален...

³² Платон использует слово «*apoia*», определяющее состояние, когда разум не осуществляет должный контроль за низшими частями души и телом.

³³ Человека, впавшего в подобное состояние, по мнению Платона, с одной стороны, нельзя винить в этом в полной мере, так как виной всему может быть наследственность или дурное воспитание, а с другой, — не

Важным положением платоновской медицины является призыв обращаться в таких случаях прежде всего к обучению, воспитанию, физическим упражнениям, применительно к таким больным, по мнению Платона, лекарственная терапия будет насильственным вмешательством, которое может привести к неадекватным результатам. Важно решить основную задачу — устранить нарушение равновесия духовного и телесного. По его мнению, прежде всего, важно восстановить исходную симметрию и пропорцию между душой и телом, и этого можно добиться посредством упражнений, направленных на достижение соразмерности как в душе, так и в теле.

Естественно, что преобладание флегмы или желчи обоих видов может приводить к закупорке каналов обмена веществ (вспомним аналогию между кровеносной и оросительной системами) не только в мозге, но и в других органах — вместилищах низших частей души. Если мозг поражен плеторой, т.е. чрезмерным, патологическим приливом жидкостей, могут наблюдаться амнезия и тупоумие (разумная часть души остается в теле, но функция ее затруднена). Если есть закупорки и нарушение баланса жидкостей в грудной клетке и области сердца, человек проявляет дерзость, неразумный гнев или трусость. Соответственно, нарушения работы печени превратят его в раздражительного и угрюмого, нарушат его здоровые чувства по отношению к еде или иным удовольствиям, вызвав, например, патологическое половое влечение.

Заключение

В европейской историографии существует традиция критиковать взгляды Платона на медицину как рудиментарные и непоследовательные по сравнению с «Корпусом Гиппократов». С этой критикой невозможно согласиться: мы видим значительное число совпадений во взглядах Платона и авторов «Корпуса». Более того, эти совпадения не удивляют нас даже с учетом оценки Филистиона, который «заработал» репутацию антигиппократика³⁴. Зададимся вопросом: в чем, собственно, должен был проявляться такой настрой? Традиционно считается, что в IV–III вв. до Р.Х. медицина была ареной сражения двух противоборствующих школ — догма-

следует и полностью освобождать от ответственности, так как он должен предпринимать усилия, чтобы «избегнуть порока».

³⁴ Longrigg J. Op. cit.

тиков и эмпириков. Попытавшись кратко суммировать характеристики этих школ, данные разными авторами, мы получаем примерно следующее. Эмпирики отрицали значение теории и вытекающих из нее принципов изучения анатомии и физиологии, превознося значимость ежедневной практики. Догматики, напротив, отстаивали необходимость системного подхода к диагностике и лечению заболеваний.

Однако значит ли это, что тот же Филистион отвергал систему Эмпедокла и взгляды Алкмеона, считая их умозрительной теорией? Для нас очевиден отрицательный ответ на этот вопрос. Кроме того, вспомним, что систему Гиппократов отличало приоритетное внимание к данным практического опыта и отвержение отвлеченных софистических теорий. Так в чем же разница? По нашему мнению, правильный ответ содержится в оценке отношения к медицине как теоретико-практической системе, накапливающей и обобщающей знания, что, в свою очередь, определяло необходимость обращаться к анатомическим вскрытиям, их отдельные описания мы встречаем уже в «Корпусе Гиппократов». Дальнейшее развитие школы догматиков-рационалистов мы видим у Герофила и Галена.

«Эклектика», «эклектичная система» — по сути, это означает несовпадение системы взглядов мыслителя, предлагающего новую глобальную теорию, с таксономическими рангами, разработанными по отношению к его предшественникам и не слишком удачливым современникам. Так, медицина Платона может показаться «эклектичной», потому что в ней сочетаются элементы представлений Эмпедокла, Диогена Аполлонийского, Алкмеона и т.д. Безусловно, можно говорить о неполноте медицинской теории Платона: она не охватывает всех проблем, связанных с решением задач, стоящих перед врачом. Вместе с тем его натурфилософская система способствовала формированию целостной картины мира врача-исследователя. Платон предложил фундаментальные положения, определившие основы теории античной рациональной медицины. Особенно плодотворной оказалась идея трехчастного устройства человеческой души и помещение ее высшей бессмертной части в головной мозг. В дальнейшем именно эта идея определила программы анатомо-физиологических исследований и позволила сформировать основы методологии медицины.

Ф. ван дер Айк

ГАЛЕН О ПРИЧИНАХ И ПРИЗНАКАХ ФИЗИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА *

Ph. van der Eijk

GALEN ON THE CAUSES AND SIGNS OF THE FEATURES OF HUMAN BODIES

Введение: об общем и частном

Гален был не только философом, но и практикующим врачом: обращаясь в своих философских исследованиях к логике и философии языка, он никогда не терял из виду актуальность таких исследований для медицинской практики. Среди его высказываний было и такое: знание философии является основополагающим требованием для хорошего врача. Но также верно и обратное утверждение: медицина должна внести свой вклад в философию, а практическое искусство медицины и опыт врача должны предоставить ценную информацию для теоретического изучения природы и знания.

* Настоящая работа основана на материалах доклада, прочитанного 21.11.2014 г. на конференции, посвященной творчеству Галена, проводившейся в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова. Автор благодарен Дмитрию Балалыкину и его коллегам за приглашение на конференцию и гостеприимство, а также за организацию перевода этой работы на русский язык. Более подробно по теме см.: *Van der Eijk P.J. Galen on the nature of human beings // Philosophical Themes in Galen / Eds. P. Adamson, R. Hansberger, J. Wilberding. London, 2014. P. 89–134. (Bulletin of the Institute of Classical Studies, Suppl. 114); Van der Eijk P.J. Galen on the assessment of bodily mixtures // The Frontiers of Ancient Science: Essays in Honor of Heinrich von Staden / Eds. B. Holmes, K.-D. Fischer. Berlin: De Gruyter, 2015.*

Эти моменты важно учитывать при рассмотрении взглядов Галена на причины и особенности человеческого тела. Как философ и философски мыслящий врач, Гален интересовался общими знаниями о человеческом теле как таковом. Как врач, он в первую очередь исследовал человеческие тела, ежедневно очевидным образом наблюдая их индивидуальные различия. Напряженность, которая возникает между всеобщим и конкретным, а также между общим и частным знанием, — это основная тема целого ряда его работ.

ОБЩАЯ ПРИРОДА ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ТЕЛ И ЧАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА КОНКРЕТНЫХ ТЕЛ

Давайте представим одного из римских пергамских пациентов Галена. Тело этого человека, прежде всего, обладало особенностями, общими для всех представителей человеческого вида. Сами эти особенности, знание и понимание их сущности и структуры, соблюдая древнюю греческую философскую и медицинскую традицию, Гален называл «человеческой природой», т.е. *общей* природой *всех* людей. Тем не менее, у каждого человека были особенности, отличающие его от других. Человеческие тела могут быть мужскими или женскими; молодыми, зрелыми или старыми; они могут иметь признаки, обусловленные физическими, географическими и климатическими условиями, в которых конкретные люди родились или выросли; могут иметь черты определенного социального происхождения, образа жизни и профессиональной деятельности; проявлять особенности, обусловленные этническими, врожденными или наследственными факторами. Кроме того, люди могут быть здоровыми или инвалидами, их общее состояние здоровья может варьировать, возможна предрасположенность к определенным заболеваниям. Таким образом, единую природу человека можно разделить на несколько подкатегорий, *типов* людей.

Но существуют еще дополнительные особенности, свойственные конкретному индивидууму. Они могут быть обусловлены жизненным опытом, генетическим строением, образом жизни, особенностями питания, событиями, которые происходили в жизни человека и повлияли на его физическое состояние. В конечном сче-

те, мы приходим к тому, что Гален иногда называл «невыразимой индивидуальностью» (*arrêtos idiotês*), уникальной особенностью конкретного человека, которая не поддается объяснению и общему описанию.

Хотя некоторые индивидуальные особенности могут быть структурными и постоянными, а другие — случайными и краткосрочными, они имеют потенциально большое значение для диагностики заболевания конкретного человека, и для принятия правильного терапевтического решения. Они могут влиять на то, как нужно действовать, чтобы справиться с ситуацией или изменить ее в лучшую сторону.

Как можно определить все эти признаки, учитывая, что их сложно выявить при помощи простого эмпирического наблюдения? И как можно определить как общие, так и частные причины проявления всех этих особенностей? Ведь все эти вопросы чрезвычайно важны для медицинской практики, как диагностической, так и лечебной! Как врач-философ Гален полагал, что знание причин заболевания и проявления индивидуальных особенностей организма было необходимо для медицинской практики не только потому, что так, скорее всего, удастся достичь большего успеха в лечении, но также и потому, что одно и то же проявление частной особенности организма может иметь разные причины. Очень важно правильно определить причины как для диагностических, так и терапевтических целей: например, установить, является ли конкретное частное проявление симптомом определенной болезни, или это индивидуальный вариант нормального устройства индивидуума. А может быть, это случайное, эфемерное явление, которое, скорее всего, исчезнет через несколько дней или недель?

РАЗНЫЕ ВИДЫ ПРИЧИН ПРОЯВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА: МАСТЕРСТВО ПРИРОДЫ

Гален выделяет различные категории причин (способы объяснения) в понимании сущности человеческого тела. Родовые, всеобщие характеристики иногда объясняются природным строением или мастерством природы, которые существуют, по мнению Галена, «согласно первоначальному плану» (*kata prôton logon*). Данный

термин относится к начальному уровню структурирования и организации человеческого тела, который закладывается в основном на эмбриональной стадии, на первых этапах жизни и в молодости. Это, так сказать, проект человека, который родится и превратится в зрелое живое существо. В данном отношении Гален использовал и другие выражения: *diaplasis* — «придание формы» или «формирование», *dunamis diplastikê* — «способность природы придавать форму», *kataskeuê* — «способность природы придавать телосложение или структуру». Эти понятия относятся к области функциональной анатомии, т.е. к изучению анатомических структур тела с учетом их функционального предназначения. Такие структуры и функции являются общими для всех человеческих существ, хотя иногда Гален высказывается по поводу незначительных анатомических различий между людьми (наиболее очевидными являются половые органы, но есть и другие, менее заметные структурные изменения). Гален упоминает функции, которые реализуются именно с помощью этих различий. Это отражает его телеологический подход к человеческому телу. И становится темой основных работ Галена по функциональной анатомии, например, «О назначении частей человеческого тела» (насколько я знаю, она переведена на русский язык) и «Анатомические процедуры». Также существует «проектирование» в области, которую мы называем физиологией, т.е. функции, способности, процессы и виды деятельности, происходящей в организме, например, усвоение питательных веществ, пищеварение, рост, размножение, пульсация, ощущение, движение, эмоции и рациональное мышление. Гален говорит, что части тела являются «инструментами» (*organa*), которые обеспечивают такие функции и содействуют их осуществлению.

СМЕШЕНИЯ

Помимо телесных структур, функций и процессов, существует еще одна идея, которая определяет то, как Гален понимает причины проявления особенностей человеческого тела, — идея смешения (*krasis*). В работе, посвященной теме смешений (*Peri kraseôn*, на латыни «De temperamentis»), он определяет природу (*phusis*) живого существа как *krasis* четырех элементарных сущностей: тепла, холо-

да, сухости и влажности¹. Этот *krasis* может различаться у разных родов и видов живых существ, между отдельными субъектами в пределах одного вида и даже в пределах одного индивида на разных этапах его физического развития или одновременно между разными частями его тела. Гален различает девять типов *krasis* тел, одно «хорошее смешение» (*eukrasia*), в которой четыре простых сущности смешаны в правильной пропорции друг к другу, и восемь «плохих смешений» (*duskrasiai*), у которых преобладает одна или две сущности. Кроме того, Гален анализирует эффективность медицинского лечения в условиях взаимодействия *krasis* тела и *krasis* материальных веществ, которые используются при сохранении, уходе за живыми организмами, а также при их лечении — таких как пищевые продукты, напитки и лекарства.

Таким образом, идея *krasis* имеет основополагающее значение для физиологии, фармакологии, диетологии и терапии. Гален считает, что *krasis* — причина многих телесных, психологических и этических особенностей людей и животных — как родовых особенностей, так и индивидуальных вариаций. Кроме того, в другом трактате Гален отмечает, что способности души зависят от *смешений*, таящихся в теле, а не от самого тела в целом. Таким образом, Гален считает, что причину и происхождение индивидуальности живого существа определяют особенности смешений внутри тела, а не частности в устройстве органов тела или внутренние вещества, такие как пневма (*pneuma*).

В каком состоянии находятся эти смешения? Гален называет эти состояния *hexeis* — «состояния» или «склонности», поэтому, видимо, они обладают определенной степенью стабильности. Тем не менее они подвержены изменениям, и на них могут оказывать влияние, например, диета и лекарства. С другой стороны, они не являются случайными, эпизодическими физиологическими состояниями, которые все время меняются, иначе было бы невозможно охарактеризовать особенности смешений внутри индивидуума или сделать вывод о них на основе каких-либо внешних физических особенностей, существующих долгое время, чем и занимался в своей работе Гален.

¹ Термин *krasis* относится не к смешению темпераментов, как часто считается, а только к простым качествам; этот термин можно перевести как «баланс» или «состав».

Как возникают эти смешения? Гален различает врожденные (*sumphutoi*) и приобретенные (*epiktêtoi*) смешения, возникающие в результате длительной адаптации. Следовательно, каждый человек рождается в определенном смешении, которое может меняться из-за определенного образа жизни (или, возможно, в результате диетического и фармакологического лечения). Характер смешения может передаваться по наследству, однако, судя по ссылкам Галена на физиологию египтян, арабов и эфиопов, имеют значение воздействия климата, особенности места обитания и окружающей среды или их сочетания.

Смешения также являются частью природного творения. Природа создает условия, чтобы смешения тела способствовали развитию соответствующих способностей и склонностей души, которые в свою очередь локализуются в частях тела. Таким образом, смешения являются не просто случайностью или механическим следствием некой причины, напротив, они — продукт природы в телеологическом смысле слова. Природа регулирует их формирование при помощи тенденций и склонностей, присутствующих в природе (*phusis*) индивидуального организма, в котором они обнаруживаются. По словам Галена, «соответствующая природа» (*oikeia phusis*) изучаемого рода или вида определяется по отношению к его типичной деятельности (*energeia*). Таким образом, Природа (с большой буквы) обеспечивает соответствие характера отдельного человека соответствовал работе или типичной деятельности (*energeia*), которую должны осуществлять люди, т.е. рациональным действиям в соответствии с принципами добродетельности.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ОТДЕЛЬНЫМИ ТЕЛАМИ

Исходя из изложенного выше, Гален выделяет группы людей и разрабатывает иерархию с разными уровнями совершенства, отражающими разные смешения. В верхней части шкалы Гален помещает так называемого мускулистого человека (*eusarkos anthrôpos*), который представляет собой физически идеальное человеческое существо и стандарт, по которому следует оценивать все другие тела (в известном пассаже Гален сравнивает его с «Каноном» Поликлета — статуей, представляющей собой мужское

тело с идеальными пропорциями). Другие смещения являются вариациями и отклонениями от этого идеального среднего.

Кроме того, Гален определяет важное различие между смещениями как таковыми и особенностями, которые являются следствиями устройства различных смещений. При этом первые имеют телеологическое объяснение, а вторые — скорее механическое. Некоторые «обязательно» проистекают из факта наличия определенного смещения, а другие возникают «случайно», как показатели, связанные с возрастом, местом и природой тела, например, вьющиеся или тонкие волосы, карие или голубые глаза и т.д.

Таким образом, Гален различает особенности человека, которые являются следствием способности природы придавать форму, и необходимые или преимущественно случайные особенности, которые являются следствием возникновения определенного смещения. Кроме того, он выделяет третью причину — образ жизни, обучение и образование.

В использовании идеи *krasis* Гален придерживается давней традиции, которая берет начало в работах Гиппократов и которую во многом обогатили Аристотель и стоики. Но все же во взглядах Галена на природу человеческого тела эта идея играет чрезвычайно важную роль, поскольку функциональная анатомия была актуальна для описания и объяснения тел в целом, а Гален предпочитал рассматривать отдельные тела и их различия между ними по телосложению, материальным веществам и функционированию в условиях изменения смещения тепла, холода, сухости и влажности.

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛ И ИХ ПРИЧИНЫ?

Существует еще одна причина, почему идея смещений была так важна для Галена: она понятна и внутренне логична, что способствует ее восприятию. Для Галена смещения являются не просто теоретическими конструкциями, это определенное непосредственно приобретаемое феноменологическое знание, что позволяет их распознать, понять и определить. Это подводит нас ко второму, эпистемологическому, вопросу — как понять особенности, свойства и состояние тела и как определить их причины? Или, говоря в более широком смысле: как понять, что происходит внутри наших

тел и тел окружающих нас людей? Какие доказательства у нас есть, чтобы обосновать диагностические утверждения о состояниях и процессах внутри тела и определить, какие из них ближе к истине или, по крайней мере, более достоверны, если возникают разногласия между противоречащими утверждениями?

Гален не был первопроходцем в изучении этих вопросов, так как они интересовали греческих и римских медиков, ученых и философов еще в V в., на ранних этапах развития греческой медицины и биологии. Анатомия, физиология и патология не были только предметом досужих домыслов (хотя и это имело место). Греческих ученых и философов интересовало эмпирическое или иное обоснование утверждений и разъяснение критериев, условий и методологических процедур для изучения и проверки предположений о ненаблюдаемых частях человеческого тела.

ВСКРЫТИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НИМ

Одним из способов узнать, что происходит внутри тела и проверить соответствующие утверждения, было, конечно, вскрытие. И действительно, греческая медицина и биология (в особенности зоологические работы Аристотеля) дают много примеров, как проводилось вскрытие, особенно тел животных, а в эллинистический период — и человеческих тел.

Тем не менее, вскрытие не могло полностью заменить практику дедуктивного рассуждения, наблюдения за видимыми особенностями, которые рассматривались в качестве признаков внутренних процессов и состояний. Причиной оказывались не только ограниченные возможности провести вскрытие, но и этические, эстетические и эпистемологические возражения против практики. Эмпирики утверждали, что вскрытие меняет состояние тела таким образом, что это может повлиять на исследуемые условия или процессы, происходящие в теле в нетронutom состоянии, и, как утверждал Гален, доказательства, полученные в результате вскрытия, иногда могут иметь несколько толкований.

Вскрытие было полезной процедурой в том смысле, что обнаруживало анатомические структуры внутри тела, но оно не подходило для лучшего понимания того, что мы называем физиологиче-

скими и патологическими процессами. Вместе с тем во времена Галена вскрытие выполнялось на животных, результаты затем экстраполировались на человека, что позволило выявить *общую* структуру и части тела; когда же речь заходила об *индивидуальных человеческих* телах и их индивидуальных различиях в строении, материальных веществах и функционировании, требовался другой подход. Этот вопрос имел наибольшее значение для медицинской практики: врач должен был иметь общие универсальные знания о структуре и функционировании человеческого тела как такового, но он также должен был уметь разбираться с конкретными пациентами, которые ежедневно приходили на прием.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ОСЯЗАНИЯ

Отчасти именно по причине, изложенной выше, были разработаны альтернативные, менее агрессивные и менее инвазивные методы. Гален утверждал, что самый простой метод, с помощью которого можно распознать характер телесных смещений, — это метод эмпирического наблюдения, особенно чувства осязания тепла и холода, а также сухости и влажности. В древней медицине, во времена Гиппократов, осязание (*haphê*) рассматривалось в качестве важного средства диагностики, особенно после того, как пульс приобрел большое значение в качестве диагностического показателя в поздней классической и эллинистической медицине (во многом благодаря Праксагору и Герофилу). Гален также обратился к этой важной области медицинской диагностики и систематизировал ее. Были разработаны продуманные теории и классификации различных видов пульсов, последние распознавались благодаря чрезвычайно сложному и вариабельному чувству осязания. Существовала философская традиция размышления об осязании, она складывалась еще до Сократа. Ее главным апологетом являлся Аристотель, который подчеркнул важную роль осязания в познании человека и утвердил тесную связь между человеческим интеллектом и исключительно точным чувством осязания. По сравнению с животными люди имеют самое сложное и хорошо дифференцированное чувство осязания, а наибольшим умом среди людей, по мнению Аристотеля, отличаются те, кто обладает наиболее тонким чувством осязания.

Гален развивал идеи о важности чувства осязания, особенно чувствительности внутренней стороны руки человека. Также он сделал совершенно удивительные предположения о способности помнить тактильные ощущения на протяжении нескольких лет после того, как они были пережиты. Для того чтобы развить эту способность, говорил он, нужно долго и трудно учиться, соблюдать строгую дисциплину. Гален дал подробные инструкции о том, как развить чувство осязания (например, сходить в римские бани и испытать максимальные тепло и холод) и избежать ошибок в определении посредством осязания смещений живых тел и их частей.

В учении Галена о точности осязания наиболее удивительно его равнодушие к проблеме субъективности. В этом он не одинок, так как здесь мы касаемся более общего вопроса — вопроса об объективном измерении: в этом плане древние мыслители действовали принципиально иначе, чем мы сегодня, даже если допустить, что они имели более утонченные осязательные способности (и аналогичные замечания могут быть сделаны в отношении других чувств). Гален признает, что в ряде случаев одного осязания недостаточно, а процесс дедуктивного или теоретического рассуждения необходим для дополнения, направления или даже замены тактильного наблюдения.

ПОНИМАНИЕ ТЕЛА

Гален ссылается на идею о том, что тело говорит на языке жестов, который необходимо прочесть и растолковать. Представление тела в качестве носителя смысла или значения, дающего сигналы (*sêmeia*, *tekmêria*), доступные для восприятия, которые наблюдатель (врач или пациент) должен прочесть и растолковать, присутствует во многих медицинских текстах. Данные тексты содержат информацию о внешних, наблюдаемых симптомах (силу их проявления врач должен учитывать при постановке диагноза состояния пациента или в прогнозе), а также информацию о возможностях по внешним признакам составить заключение о том, что происходит внутри тела.

Эта идея вызвала ряд дополнительных вопросов. Как следует толковать признаки тела? И как проверить это толкование? В кон-

це концов, составление вывода на основе признаков — это не просто процесс непосредственного эмпирического наблюдения. Возможны разногласия в ответе на вопрос, что именно представляет собой признак. Какое явление, или какое сочетание явлений, или какое событие, или какую частоту событий следует выбрать и классифицировать как признак. Значимость явления может быть спорной, и некоторые явления можно расценивать как признаки только при определенных обстоятельствах. Более того, даже подлинные, неоспоримые признаки иногда можно рассматривать как многозначные. Итак, возможно ли конкретные интерпретирующие утверждения о том, что происходит внутри тела, обосновать и сравнить с другими, альтернативными толкованиями?

Греческие медики, в том числе и Гален, были хорошо осведомлены в этих вопросах. Он часто утверждал, что мы можем идентифицировать внутренние физиологические и патологические состояния и процессы в теле, учитывая внешние признаки и симптомы (*sêmeia*), имеющиеся в данном случае. Кроме того, Гален заострял внимание на том, что при использовании признаков необходимо соблюдать строгие эпистемологические правила. Не все внешние особенности можно использовать в качестве признаков или показателей; необходимо знать, какие особенности являются существенными и свойственными, будет ли соответствие между признаком и тем, что он выражает, обязательным, применяется ли признак в большинстве случаев или только изредка. Для того чтобы правильно толковать признаки, необходимо знать причины и условия их проявления. Гален настаивает на том, что необходимо выяснить, является ли конкретная наблюдаемая особенность тела врожденной или приобретенной, так как это помогает правильно истолковать ее. Гален обсуждает большое число наблюдаемых телесных особенностей, которые могут служить показателями изменения внутренних смещений в телах, например, волосатость и облысение, форму отдельных частей тела (например, глаз, ушей, носа) и качество плоти. Среди таких особенностей мы также обнаружили так называемую физиогномическую характеристику, и, конечно, Гален ссылается на практику «физиогномистов». Однако вопреки их практике Гален толкует эти телесные особенности не как доказательства характера и психологического нрава, а как показатели внутренних физических состояний и процессов, которые происходят внутри тела, т.е. физиологические причины данных

особенностей. Далее мы находим у Галена предостережение о том, как опасно составлять ложные выводы о целом теле, учитывая только особенности его частей, также не следует судить о некоторых частях тела, беря за основу особенности, которые касаются других частей. Он неоднократно замечает, что даже в пределах человеческого тела смешения могут меняться от одной части тела к другой.

Не только дедуктивные рассуждения, но и эмпирические наблюдения иногда следует сопровождать теоретическими соображениями об условиях, в которых они проводились, особенно в отношении причин наблюдаемых явлений. Это *diorismoi* — «различия», или «квалификации», или «характеристики», которые часто упоминает Гален. Они относятся к характеристикам условий, в которых формируется утверждение или заявление. Обобщающее заявление, например, «флегма холодная и влажная», нуждается в уточнении вида влажности, а заявление «мак охлаждает» нуждается в конкретизации условий, при которых это происходит. Гален говорит о *diorismoi* также в отношении эмпирического обследования, испытания или исследования (*peira* или *empeiria*), где термин относится к характеристикам или соображениям, которые врач или исследователь должен учитывать для правильного обследования тела пациента или для определения конкретного способа лечения и, конечно, для правильного толкования результатов таких исследований.

Выводы

Гален перечисляет ряд эпистемологических процессов, с помощью которых врач может обследовать пациента и получить знания о внутренних состояниях и их причинах, но их обсуждение выходит далеко за рамки данной работы. Представленного материала достаточно, чтобы показать, что телеологический подход Галена к человеческим телам и описание, пояснение их особенностей с помощью его теории смешения — это не просто теоретическое, умозрительное заключение: он занимался эмпирической оценкой смешений в телах. Так он объяснял то, что называл *gnōrismata*, — соответствующие показатели, на основе которых можно определить и оценить смешения тела, и критерии, по величине которых эту оценку можно подтвердить или опровергнуть.

Таким образом, работа Галена представляет собой тщательно разработанный отчет о том, что мы можем назвать проявлением внутренних состояний тела, как их использовать и правильно толковать. Иными словами, речь идет о том, как понимать тело.

Не ставя перед собой задачу представить свою теорию как догму, которую просто необходимо принять, Гален отклоняется от своего пути, чтобы объяснить, как определить смещения в телах. Методы, которые использует Гален, — это изысканное сочетание эмпирического наблюдения и теоретического рассуждения. Но их недостаточно: эмпирическое наблюдение само по себе не в состоянии рассказать нам всю правду, его необходимо поддерживать теоретическими соображениями и «квалификацией» (*diorismoi*). То же касается и теоретических рассуждений, которые требуется проверить эмпирически. В основе работы Галена лежит твердое убеждение в том, что требуется знать причины явлений и не следует делать поспешных выводов, путая часть и целое; в основе его теории является фундаментальное предположение, о том, что четыре простых сущности составляют человеческое тело и Вселенную в целом. Человек, как вид, играет центральную роль в том, что Гален называет «все сущее», эти утверждения позиционируются как само собой разумеющееся и не ставятся под сомнение.

Т. ТИЛЕМАН

ЧУДО И ЕСТЕСТВЕННАЯ ПРИЧИНА У ГАЛЕНА*

T. TIELEMAN

MIRACLE AND NATURAL CAUSE IN GALEN

Введение

В своих объемных трудах Гален из Пергама (129 – ок. 213) часто рассказывает о методах лечения, которые он применял к самым разным пациентам. В автобиографическом труде «Прогностика» мы находим большое количество таких отчетов, и все они являют собой образцы живого повествования. Гален использует их, чтобы проиллюстрировать конкретный аспект клинической медицины, показать свои навыки практикующего врача или осуществить и то и другое одновременно. Все они демонстрируют, что автор понимает медицину прежде всего как искусство или профессию (τέχνη), для чего нужно правильно использовать разум (λόγος) и опыт (ἐμπειρία). Он решительно отвергал все предположения, которые делали восхищенная общественность и коллеги-соперники, о том, что он всего достиг с помощью магии, заклинаний или других немедицинских средств. Гален считал, что если люди удивляются, то только из-за незнания искусства. Придерживаясь этой позиции, он представлял себя как приверженца традиции греческой «рациональной» медицины, которая начинается с теорий и практики, описанных в самых древних трактатах «Корпу-

* Статья опубликована в сборнике «Studies of the Bible and Its Reception» (2013. Vol. 2. Miracles Revisited. P. 101–113).

са Гиппократ»». Однако, как показали некоторые из этих трактатов, было бы неверно проводить четкое разделение между светской и религиозной медициной. У Галена наука также совмещается с религиозным мировоззрением: он приписывает особую роль богу-врачевателю Асклепию. В родном городе Галена Пергаме находился главный храм культа Асклепия. С этим богом связывались не только решающие моменты в жизни и карьере Галена, но и его решения как практикующего врача.

Далее мы проанализируем труды Галена с целью ответить на несколько связанных вопросов: какую именно роль играют в них религиозные убеждения? Как Гален обосновывал их в контексте своей философии и науки? Можем ли мы говорить о «чудесных исцелениях», обращаясь к практике Галена и, если да, то в каком смысле? Сначала мы тщательно рассмотрим то, что можно назвать космологическим контекстом медицинской практики Галена, т.е. его видение естественного мира и место, которое занимает в нем божественное, в том числе ту четкую границу, которую проводил Гален между своей точкой зрения и еврейскими и христианскими верованиями (II). Понятие божественного творения также имеет отношение к понятию терапии (III). Далее мы рассмотрим несколько соответствующих отрывков, где Асклепий вмешивается в жизнь Галена и его медицинские практики (IV), после этого будут сделаны выводы (V).

Космологический контекст

Прежде чем обратиться к изучению медицины, Гален изучал философию, с тех пор он совмещал эти области знания. В своем труде «О том, что лучший врач — еще и философ» Гален объясняет, как медицина и философия взаимодействуют с точки зрения трех основных частей философии, а именно естественной философии, логики и этики, ведь опытный врач обязан освоить все три. В более амбициозной работе «Об учениях Гиппократов и Платона» (в 9 книгах) он проецирует в прошлое традицию философии, совмещенной с медициной, и указывает Гиппократов и Платона в качестве ее основателей, — своеобразный экзегетический прием с целью показать, что два столпа науки, упомянутые в названии, были не только правы, но и придерживались одного мнения по поводу наиболее важных аспектов. Восхищение Галена Платоном отражает растущую популярность платонизма во II в., который, по-

видимому, зародился в родной для него Малой Азии. Однако Гален не принадлежал к платонической школе или какой-либо другой философской школе, предпочитая занимать независимую позицию, благодаря этому он мог учитывать точки зрения разных направлений философии. В то же время Гален воздерживается от высказываний по некоторым вопросам, потому что расценивает их как не подлежащие разрешению ввиду отсутствия эмпирических доказательств. Принять определенную позицию в отношении одного из них означает получить клеймо догматической спекуляции. Отличия между философскими школами касались именно вопросов спекулятивного характера, последние становились и поводом к тому, чтобы школы находились по разные стороны баррикад. Как любит подчеркивать Гален, именно эти вопросы бесполезны для морального или научного прогресса. Приверженцы противоборствующих школ, однако, скорее предадут свою страну, чем откажутся от догм собственной школы. Их отношение является исключительно сектантским и зиждется на авторитете, а не на научном доказательстве и непредвзятом изучении природы. Поэтому Гален объявляет себя сторонником того, что он называет «школой природы». Благодаря такой позиции он отличается от большинства философов того времени. Как справедливо заметил Майкл Фреде, тем самым Гален стремился преодолеть разделение между медицинскими школами и, в частности, между рационалистами и эмпириками, чьи воззрения Гален предпочел в качестве основы своей позиции по философским вопросам. Это заставило его выработать методологию, в которой разум и опыт работают в тандеме, причем таким образом, что не остается места для догматических спекуляций с их характерной приверженностью авторитету.

Вплоть до конца своих дней Гален продолжал объяснять свои взгляды или свое нежелание принимать какую-либо точку зрения по определенным вопросам. Один из его последних трактатов «О моем собственном мнении», полный греческий текст которого был обнаружен не так давно, посвящен тому, с какими постулатами он хочет, чтобы ассоциировалось его имя, а с какими — нет. Во второй главе Гален обобщает свое теологическое мировоззрение таким образом, что оно удачно подходит для наших целей:

- (1) «Я заявляю, что не знаю, была ли создана вселенная и существует ли что-либо вне нее или нет. И поскольку я говорю, что у меня нет знаний о вещах такого рода, очевидно, что я не

знаю о том, что представляет собой Создатель (δημιουργόν) всего во вселенной, обладает ли он плотью или бестелесен и где он пребывает. Поэтому я также заявляю, что испытываю сомнения в отношении богов, как говорил Протагор, и что я не знаю, каковы они по своей природе. Однако я знаю, что они существуют, благодаря их деяниям, ведь они создали анатомию всех живых существ и их предсказания выражены в значимых высказываниях, знаках или снах. Бог, которого почитали в моем родном городе Пергаме [Асклепий], открывал свою силу и провидение множество раз, а один раз сделал это, вылепив меня. Плавая по морю, я познал не только силу, но и провидение Диоскуров. Однако я полагаю, что человеку отнюдь не вредно не иметь знаний о природе богов. Я решил почитать их в соответствии со старым обычаем и с советом Сократа следовать приказам Аполлона. Вот что касается моего отношения к религиозным вопросам»¹.

Первое предложение относится к физическим аспектам, в отношении которых школы расходились во взглядах, а именно по вопросу о том, вечен ли космос или имеет начало, и по вопросу об экстракосмической пустоте. Это неразрешимые, вечные вопросы. Как говорит нам Гален во втором предложении, к вопросам такого типа относится и вопрос о природе Бога. Упоминание божественного «Ремесленника» или «Создателя» (или «Демииурга», δημιουργός) здесь явно вызывает в памяти диалог Платона «Тимей». Приверженцы Платона и другие также имели разные точки зрения по вопросу, следует ли понимать изложенное о сотворении буквально или в качестве дидактического инструмента для изложения структуры и вечных процессов космоса (сама по себе идея Бога, решившего в какой-то момент создать мир, была сомнительной, хотя Платон приводит объяснение, что благой Бог хотел, чтобы кто-то другой разделил с ним его благость, кто-то другой, кто, в отличие от богов традиционной мифологии, был свободен от зависти²). Сейчас для наших целей следует отметить, что Гален может говорить о божественном создателе, не касаясь вопроса о том, имеет ли космос начало или нет. Таким образом, творение может относиться к тому, что Бог управляет космосом и поддерживает его, действуя в качестве движущей первопричины.

¹ О моем собственном мнении, гл. 2 (ed. V. Boudon-Millot, A. Pietrobelli).

² Plato, Timaeus 29e.

Гален полагал, что допустимы два утверждения о богах: они существуют; они заботятся о мире и о людях. Подтверждение их существования может быть непосредственно выведено из их деяний: чудесный замысел нашел отражение во всех живых существах, и имело место их вмешательство в жизнь человека так, как было упомянуто выше. Очевидно, что эти моменты удовлетворяют требованию эмпирической проверяемости, а значит, Гален чувствовал, что способен сформулировать свою позицию по этому вопросу. Провидение богов принимается на том же основании.

Гален вспоминал свой личный опыт: некогда он получил спасительную помощь от Асклепия и от Диоскуров, когда ему грозила опасность в море. Эти два мнения представляются довольно традиционными и распространенными. Не менее традиционно он утверждал, что гораздо полезнее знать, что боги существуют и обладают даром провидения, чем знать, в чем заключается их природа. То, что мы можем знать, является также тем, что нам нужно знать, — еще один знак божественного провидения. Гален сделал вывод — интеллектуально выдержанный, ранее его же приводил Сократ, — что он соблюдает обычаи предков (в случае Галена, по всей видимости, это относится к культу Асклепия в частности) и почитает Бога наилучшим образом, какой только доступен для него. О том, в чем это будет заключаться, упоминалось немногим ранее посредством отсылки к анатомии живых существ. В знаменитом отрывке из работы «О пользе частей тела» он говорит о практике вскрытия, результаты которого изложены в этом трактате, как об «истинном благочестии», поскольку оно показывает чудесные деяния Бога. Как таковое, оно более полезно, чем принесение богатых жертв по обычаю. Проникновение в тайны природы подарит анатому и его аудитории множество поводов для удивления и благоговения. Таков будет результат попытки понять рациональность природы, а не принятия чего-либо как тайны. Рациональность Создания и его Творца выражается в первую очередь в их целесообразности. Следует отметить, что Гален использует версию того, что в наше время стали называть «телеологический довод».

В этом отрывке заслуживает внимания еще один аспект. В самом деле, можно сказать, что Гален довольно резко, без единого комментария переходит от понятия божественного Творца к упоминанию множества богов, среди которых ему особенно дорог

Асклепий. Было бы опрометчиво делать вывод о том, что автор непоследователен в этом вопросе, или о том, что в тексте что-то неверно. Здесь мы имеем дело с довольно типичным примером совместимости идеи всеобъемлющего божества с его множественными проявлениями, которые можно интерпретировать с точки зрения традиционного политеистического пантеона, таким образом Гален демонстрирует свое отношение к Асклепию, Диоскурам, Аполлону и традиционной религии. Действительно, Платон также призвал к подобному примирению. В диалоге «Тимей» Демиург, создав мир, поручает «младшим богам» гомеровского пантеона создать живых существ, чтобы населить его³. Здесь же младшие боги выступают в качестве инструментов или агентов верховного бога. Для Галена Асклепий имел особое значение не только потому, что его почитали предки, он объединял его семью и родной город, но, возможно, и потому, что в то время, изредка его даже идентифицировали с Зевсом. В таком свете Асклепий становится верховным божеством, способным даровать исцеление и распространять жизнь.

Провидение Бога выражается в том, что он сотворил мир как целый, прекрасный и содержательный конструкт. Данное мировоззрение очень тесно связано с «Тимеем» Платона. Его одобрили и дополнили Аристотель и стоики, которые тоже считали мир артефактом, а Бога или Природу — художником или ремесленником. Таким образом, в поддержку Галена выступила крупная уважаемая коалиция. Все более решительно он отвергает мнение, что мир является результатом взаимодействия исключительно материальных и случайных факторов, так считали эпикурейцы или другие атомисты, например, ученый-медик Асклепиад из Вифинии (расцвет его деятельности приходился на первую половину I в. до н.э.). К традиции прекрасного замысла Гален подходил со своим опытом анатома. Он восхищался и развивал точку зрения, принятую Аристотелем в его труде «О частях животных», а также в обширном труде «О пользе частей тела». В следующем отрывке идет речь о чудесах, явленных в процессе божественного вмешательства, с помощью чего Бог устанавливает законы природы. Несмотря на то, что отрывок достаточно длинный, представляется целесообразным привести его целиком. После описания чудесного замысла на при-

³ Timaeus 40d–41d.

мере ресниц, которые не растут в отличие от волос на других частях тела, Гален продолжает:

(2) «И тогда наш Демиург приказал только этим волоскам [ресницам] всегда сохранять ту же длину, и они сохраняют ее, как им было приказано, потому ли, что боятся распоряжений своего хозяина, или потому, что испытывают благоговейный трепет перед Богом, который отдал этот приказ, или же сами полагают, что лучше поступать таким образом? Разве это не способ обращения Моисея с Природой, и не выше ли он того, что предлагает Эпикур? Лучше всего, конечно же, не следовать ни по одному из этих путей, а придерживаться, как Моисей, принципа Демиурга как принципа (или причины, ἀρχήν) сотворения всех созданных вещей, в то же время добавляя к нему материальный принцип. Ведь наш Демиург создал их так, чтобы они постоянно сохраняли постоянную длину, ибо так лучше всего. Когда он решил, что следует создать их таким образом [а именно имеющими постоянную длину и количество], он установил под одной их частью твердое тело, похожее на хрящ, а под другой частью — плотную кожу, прикрепленную к хрящу посредством бровей. И все же, конечно, ему не было достаточно только пожелать, чтобы они стали такими; потому что если бы он пожелал создать человека из камня в одно мгновение, это было бы невозможным даже для него. И именно по этому вопросу наше мнение и мнение Платона и других греков, которые используют правильный метод в науке, расходится с той позицией, которую занимает Моисей. С точки зрения последнего, Богу достаточно просто пожелать упорядочить сущее, и оно мгновенно окажется упорядоченным; ибо Моисей верит, что все возможно при помощи Бога, даже если последний захочет создать быка или лошадь из пепла. Мы, однако, не согласны с этим; мы утверждаем, что определенные вещи невозможны по природе и что Бог даже не пытается сделать такое, а выбирает лучшее из возможного⁴.

В настоящей статье, ограниченной по объему, невозможно отдать должное этой блестящей серии умозаключений. Среди прочего, она ясно дает ощутить — и это очень интригующе — контраст между греческим философским взглядом Галена, с одной стороны, и иудейскими и христианскими верованиями в то, что касается силы Бога-творца, с другой стороны. Как повествуется в

⁴ De usu partium XI, гл. 14 = Vol. II, p. 158–60 Helmreich. Перевод Вальцера с изменениями.

первой главе Бытия, взгляд Моисея на творение превосходит воззрения эпикурейцев, поскольку добавляет к материальной причине движущую — Бога. Моисей, однако, рассматривает материал, используемый Богом, как то, что не имеет значения; для него «все возможно при помощи Бога», который, следовательно, может создать все из всего. Именно это и не может принять Гален. Согласно учению Платона в «Тимее», Бог выбирает лучшую из возможностей, отсюда и проистекает его провидение и мудрость. Однако Бог ограничен тем, что невозможно по природе. Материал, из которого Богу приходится создавать мир, устанавливает ограничения и тем самым открывает природу Его силы. Этот факт подтверждается всеми примерами несовершенства в мире, где превалирует красота и замысел. Кроме того, согласно этой модели, если Бог выбрал лучшую из возможностей, он не может и не будет отходить от своего выбора, что объясняет регулярность естественных процессов, а именно космоса как организованного порядка.

В следующем отрывке мы находим то, что можно назвать применением данного принципа в терапии:

(3) «Некоторые организмы с самого рождения столь слабы, что не могут достичь возраста шестидесяти лет, даже если бы сам Асклепий врачевал их»⁵.

Здесь божественный целитель не может пойти против ограничений, присущих слабому человеческому материалу, если можно так сказать. Это, конечно, не вопрос создания человека, но скорее вопрос восстановления до состояния здоровья, то есть исходного или оптимального состояния, при наличии которого жизнь была бы более продолжительной. Несмотря на то что Гален не приводит различие между своей позицией и позицией иудеев и христиан в этих вопросах, следует обратить внимание на соответствующие отсылки в отрывке из «О пользе частей тела», чтобы также осознать отличие и «чудесного» исцеления. В действительности, имеется и другой отрывок из арабского источника, где Гален, похоже, ссылается на христианские истории о чудесах:

(4) «Большинство людей не в состоянии следовать какому-либо доказательному аргументу последовательно; значит, они нуждаются в аллегориях и пользе, извлеченной из них, — и он

⁵ О сохранении здоровья 1,12,15 = CMG V, 4, 2, p. 29: K.VI, 63.

[Гален] видит поощрения и наказания в загробной жизни, согласно притчам, так же как мы теперь видим, что люди, называемые христианами, взяли свою веру из аллегорий [и чудес] и все же иногда действуют таким же образом [как те, кто философствует]. Ибо их презрение к смерти [и к ее продолжению] очевидно для нас каждый день, как и их воздержание от супружества. Ибо в их число входят мужчины, а также и женщины, которые воздерживаются от супружества всю свою жизнь; и в их число также входят лица, которые достигли совершенства, не уступающего подлинным философам в самодисциплине и самоконтроле в вопросах еды и питья и в фанатичном стремлении к справедливости»⁶.

Если приписывание его «Краткому описанию “Государства” Платона» верно, Гален, возможно, дал свои замечания о христианской непоколебимости перед лицом смерти в разделе, описывающем эсхатологический миф об Эре, который завершает всю работу Платона. Это также история о загробной жизни, где души умерших ожидают поощрения и наказания. В данном контексте Гален, возможно, хотел объяснить, почему Платон решил завершить свой труд мифом, или даже обсуждал использование им мифов в целом. Во всяком случае, ясно, что суть заключается в сильном воздействии таких историй на некоторых людей. Это можно проиллюстрировать на примере презрения к смерти и таких добродетелей, как умеренность, продемонстрированная христианами. Но он ни в коей мере не считает, что их истории могли быть правдой. Такого рода истории следует принимать без доказательств, другими словами, опираясь на авторитет тех, кто их составил, например, авторитет Моисея в случае «Бытия». Для людей, не способных к научной аргументации, этот факт, однако, не снижает эффект стимула для их нравственного развития.

Лечение как (вос-)создание

Можно предположить, что тема разумного замысла, являющаяся основной в работе «De usu partium» Галена, не совсем соответствует тому, что он видел в процессе лечения пациентов. Речь идет об ошибках природы. В свете этого анатомия и лечение, кажется, далеки друг от друга. Но было бы неверным полагать, что

⁶ См.: Summary of Plato's Republic, as quoted by Abu'l-Fida', Universal Chronicle. P. 108 Fleischer. Перевод Вальцера, 1949.

позиция Галена каким-то удивительным образом толкуется по-разному. Даже приведенного нами отрывка из «О пользе частей тела» (текст 2; и ср. текст 3) достаточно, чтобы вполне уверенно заявлять, какую линию поведения избрал бы Гален, касаясь вопроса зла или несовершенства. Он никогда не утверждал, что мир должен быть совершенным, но лишь то, что ему следует быть лучшим из возможных. В действительности, несовершенства свидетельствуют о том, что сила Бога ограничена. Она ограничивается либо фактором, определяемым философской традицией (за исключением эпикуреизма), как материя, либо, в любом случае, неким пределом в процессе оказания влияния (как впоследствии утверждал Плотин). Платон в «Тимее» представил первую альтернативу: Демиургом, который, будучи исполнен благости, трудится не покладая рук, чтобы подчинить существовавшую ранее «ошибочную причину», которая включает в себя хаотичное движение и противостоит его требованию принять форму и порядок⁷. В «Тимее» имеется также раздел о болезнях, которым Гален посвятил отдельный комментарий (и это был не единственный раз, когда он писал об этом диалоге Платона). Как предполагает наш текст (1), Гален, по всей видимости, рассматривал творческую деятельность Бога не только как единственное событие, вследствие которого зародился космос, но и как постоянный процесс; в самом деле, как мы уже заметили, Гален допускает возможность, что только последнее соответствует действительности. Тем временем Бог продолжает упорядочивать чувственный мир. Его влияние проявляется в упорядоченном функционировании мира, включая жизнь животных и людей: их зарождение, рождение и развитие. Было бы справедливо предположить, что Гален с его мировоззрением мог также рассматривать процесс выздоровления живых существ, когда происходит восстановление нормального функционирования, как проявление помощи Бога, ниспосланного свыше участия. Поскольку врач оказывает содействие в процессе лечения, появляется возможность рассматривать его в качестве инструмента или продолжения ниспосланной свыше божьей заботы. В действительности, данное понятие поддерживается утверждением Платона в «Тимее» о том, что упорядоченные космические процессы существуют для того, чтобы мы их копировали в своей жизни. Гален, как

⁷ Timaeus 47e–63a.

правило, считал себя инструментом в руках Бога, а свое лечение — продолжением божьего целительного воздействия, предположение об этом также можно сделать на основании отрывка, где автор с одобрением приводит два утверждения великого ученого и врача Герофила Халкидонского из Александрии (первая половина III в. до н.э.): «Сами по себе лекарства *per se* ничего из себя не представляют, если нет кого-то [хорошего врача], кто мог бы правильно применить их»; лекарства — это словно руки богов, ибо «они [лекарства] творят великие вещи, если их использует человек, который прошел подготовку в рамках рационалистического метода и вместе с этим умен от природы». Гален подчеркивает, что оба утверждения справедливы одновременно.

Гален и Асклепий: провидение и индивидуум

Как мы уже отметили, Гален объединяет идею всеобъемлющего божественного Создателя и идею множества богов, в том числе Асклепия, с которыми, как он утверждает, у него установлены особые отношения. По той же причине автор увязывает платоническую философскую религию с традиционной. В данном разделе мы сосредоточимся на роли Асклепия в жизни Галена и, опосредованно, в жизни его пациентов. Для начала приведем ссылку Галена на то, что его исцелил Асклепий (см. текст 1). В его работе есть еще два отрывка, которые повествуют об этом. В первом упоминается о том, как Марк Аврелий освободил Галена от участия в военной кампании, которую император готовил против германцев. Гален лишь недавно был принят в группу придворных врачей, но он преуспел в достижении своей цели:

(5) «[Император] занялся кампанией против германцев, считая, что она имеет настолько важное значение, что я должен его сопровождать. Но мне удалось убедить его отпустить меня, когда я сказал ему, что бог моих предков Асклепий приказывает противоположное, его слугой (*θεραπευτής*) я объявил себя с того дня, как он спас меня от смертельной болезни, а именно от абсцесса. Из уважения к богу он велел мне ждать его возвращения»⁸.

После этого Галену доверили ухаживать за сыном императора

⁸ De libris propriis XIX, p. 18–19 K = Galeni Scripta Minora (далее — SM) 11, p. 99.

Коммодом (сложно сказать, какой вариант был хуже). Не на всех просьба Галена оказала такое же впечатление, как на императора: по всей видимости, конкуренты на профессиональном поприще обрушили на Галена обвинения в трусости. Как бы то ни было, ссылка на исцеление Асклепием, вероятно, относится к тому же случаю, который упоминался в тексте (1). Кроме того, мы видим, что Гален однозначно называет себя служителем Бога. Хотя представляется заманчивым утверждать, что это относится к каким-либо официальным функциям, вероятно, по возвращению домой, в Пергам, невозможно точно сказать, какой случай имеется в виду, если он вообще имел место.

Второй отрывок, тоже относящийся к исцелению Асклепием, гласит:

(6) «Два ясных сновидения привели меня к артерии между большим и указательным пальцами правой руки, и я позволил крови течь, пока она не остановилась сама по себе, как говорилось в снах...»⁹.

Таким образом, Асклепий вмешался, чтобы указать Галену точное место, где нужно сделать надрез для кровопускания. Лечение, как таковое, соответствует медицинскому подходу Галена. Он вступил в контакт с богом, и тот послал ему сон. Хотя Гален использовал и другие виды прорицания, подобные упомянутым в тексте (1), сон, кажется, имел наибольшее значение. Как правило, Гален утверждал, что сновидения были ясны, иными словами, они не требовали никаких разъяснений специалиста. Более того, похоже, что сны были случайными. Таким же образом Асклепий также вынудил Галена начать карьеру врача, послав сны его отцу:

(7) «Когда мне было шестнадцать, моему отцу ясно привиделось, что следует отправить меня обучаться медицине наряду с философией¹⁰. [Евдем] также слышал, что когда мой отец познакомил меня с философией, он находился под воздействием недвусмысленных сновидений, велевших ему обучить меня медицине тщательно, а не просто в качестве увлечения»¹¹.

Мы исследовали и другие отрывки, где описаны случаи, когда

⁹ Как лечить людей посредством кровопускания 23, XI, p. 314 K.

¹⁰ De ordine librorum suorum 4, SM, p. 88.

¹¹ Прогностика 2, 12 Наттон.

Гален получал в сновидениях подсказки, рекомендации по выбору лечения, а в одном из случаев — описание анатомии глаза, по поводу которой у него имелось множество сомнений. Скорее всего, у Галена была некая психологическая потребность ощутить поддержку бога, чтобы принять некоторые решения. Кроме того, меры, предложенные Асклепием, отвечают медицинскому подходу Галена. В то же время Гален воздерживается от критики предписаний, полученных от Асклепия в контексте храмовой медицины и противоречащих здравому смыслу. В данном случае его позицию можно назвать скорее примирительной:

(8) «Другой богатый человек, не уроженец, но из внутренней части Фракии, прибыл в Пергам, поскольку так ему было указано во сне. Во сне ему явился бог и указал, что ему следует пить каждый день лекарство, полученное из гадюк, и мазать им тело снаружи. Заболевание [слоновая болезнь] спустя несколько дней превратилось в проказу; а это заболевание, в свою очередь, было вылечено [Галеном и другими врачами] посредством лекарственных средств, указанных богом»¹².

Здесь мы видим, как Гален признает то, что бог говорил в сновидениях, которые он послал одному из его пациентов. С точки зрения медицины Галена, снова в предписаниях нет ничего необычного. Их частью является методика обращения неизлечимого заболевания в излечимое. Сравните следующий отрывок о порочащем предположении Антигена, одного из оппонентов Галена:

(9) «Антиген <...> был раздражен высказыванием Евдема о том, что я справедливо заслужил не просто похвалу, но восхищение от каждого, и он клеветнически заявил, что мои прогнозы происходят не из медицины, но из предсказаний. Когда кто-нибудь спрашивал его, что он подразумевал под предсказаниями, иногда он говорил о наблюдениях за полетом птиц, иногда о жертвоприношениях, иногда о случайностях или гороскопах...»¹³.

Непосредственно в данном контексте Гален утверждает, что успешное исцеление Евдема объясняется только его познаниями в

¹² Outline of Empiricism 10. P. 78 Deichgräber; cp.: Simpl. med. temp. et fac. 11, 1,1, XII, p. 313 ff. K.

¹³ Прогностика 3.6–7, p. 84.1–10 Наттон; перевод Наттона с некоторыми изменениями.

медицине. Его возражение в ответ на предположение о предсказаниях, сделанное Антигеном, не означает, что он отрицает это предположение во всех его проявлениях и при любых обстоятельствах. Гален видит сны, ощущает предчувствия и получает знаки как предсказания будущего: он не отрицает их результативность от случая к случаю (см. также текст 1). Гален решительно отвергает упование исключительно на них и их применение в неблагоприятных целях. Сказанное Антигеном было клеветой, поскольку означало, что Гален полагался только на предсказания.

Заключение

Цитаты в предыдущем разделе показывают нам, что Гален верил в чудесное излечение на уровне индивидуума, в отличие от лечения на космическом уровне (в том числе и на уровне видов), которое рассматривалось в разделах I и II. Однако отрывки, приведенные во всех разделах, объединяет то, что бог(и) и природа относятся к одной и той же непрерывной реальности, в которой существуют универсальные правила. Бог не идет против Природы, поскольку он не пойдет против собственного творения, то есть против самого себя. Его деяния согласуются или даже являются частью исследуемых естественных причин, их объясняет натурфилософия и основанная на ней система медицины Галена. Таким образом, мы имеем дело с переобученным Асклепием, вмешательства которого вполне соответствуют медицине Галена. Аналогичным образом важные сны, которые посланы в отдельных случаях, не являются чудесами, поскольку не нарушают естественного хода вещей. Они не приходят из другой, «сверхъестественной» реальности, где господствует совершенно другой набор законов или принципов. Вместо этого они приходят с высшего уровня одного и того же континуума. Как таковые, они являются проявлениями божественной силы, простирающейся к человеческим умам, восприимчивым к ней. Для Галена опыт чего-то удивительного означает неосведомленность человека, который испытывает нечто подобное, об истинных причинах. У тех, кто благодаря искусству медицины владеет знаниями, вместо изумления возникает восхищение.

А. ДЕБРЮ

МЕДИЦИНА И МОРАЛЬ

ИДЕЯ «СТАТЬ ЛУЧШЕ»
У ГАЛЕНА И МАРКА АВРЕЛИЯ*

A. DEBRU

MÉDECINE ET MORALE

“DEVENIR MEILLEUR”
CHEZ GALIEN ET MARC AURÈLE

«Стать лучше» — это главная идея морали, родившейся не только как философский идеал, но и как образ действий, который подразумевает определенное поведение, поступки и изменение каждого человека в соответствии с этим идеалом. Данный аспект в античной философии подчеркивал Пьер Адо, для которого философия, в особенности эллинистического и римского периода, — это способ жить, своего рода «предложение каждому человеку изменить самого себя»¹.

Как же мы можем представить моральную проблему в области древней медицины? Это кажется парадоксальным, ведь медицина стремится к благу — здоровью тела. Тем не менее сильная и древняя философская традиция обнаруживает связь, установившуюся между медициной и философией морали, которая занимается вопросами души. Прежде всего, точкой их пересечения является режим питания. Автор трактата, посвященного учению Гиппократ

* Статья была опубликована в сборнике «La Médecine grecque antique. Actes du 15e colloque de la Villa Kérylos à Beaulieu-sur-Mer» (Paris, 2004. P. 125–133).

¹ Hadot P. Exercices spirituels et philosophie antique. Paris, 2002. P. 304.

«О режиме», указывает на свою приверженность «диететической» философской традиции, он же пишет, что «душа вследствие режима может становиться лучше или хуже»². В эллинистический и римский периоды «забота о себе» во многих философских школах, особенно у стоиков, трактуется как нечто более конкретное. Люди осваивают медитацию и физические упражнения, благодаря этому они учатся управлять своими страстями и внутренне трансформируются³. Как представитель медицинского сообщества, Гален занимал особое место, поскольку, помимо своей теории о строении души и страстях, особенно подробно описанной в труде «*De placitis Hippocratis et Platonis*», он также раскрывает мысль о необходимости и способах самосовершенствования. Более конкретная работа, посвященная данному вопросу, — трактат «*De proprium animi cuius libet peccatorum dignotione et curatione*»⁴. В первую очередь в нем говорится о страстях: с точки зрения Галена, они являются источниками заблуждений, поэтому сначала нужно научиться овладевать первыми, чтобы избежать вторых. В этом он отходит от теории Хрисиппа из Сол⁵. Без сомнения, об умении владеть страстями

² *Hippocrate. Regime I*, 36 (6, 522, 17–18 L; 34, 22–23 Joly). О Галене см.: *Moraux P. Der Aristotelismus bei den Griechen II*, Berlin, 1984. S. 795–797 (Erziehung und Diätetik). О сравнении моральной и социальной идеологии и питания см.: *Romano E. La dietetica di Galeno // Studi su Galeno. Scienza, filosofia, retorica e filologi / Ed. D. Manetti. Florence, 2000. P. 31–44.*

³ *Rabbow P. Seelenführung. Methodik der Exerzitien in der Antike*, München, 1954. О двух формах аскезы, физической и моральной, см.: *Goulet-Caze M.O. L'ascèse cynique. Un commentaire de Diogene Laërce VI*, 70–71, Paris, 1986. P. 185–188. Выражение «забота о себе» относится к названию книги Мишеля Фуко, посвященной упражнениям или «практикам для себя» в античном мире (*Histoire de la sexualité. T. III. Paris, 1984*).

⁴ В «*De libris propriis*» Гален говорит о нем, как о двух книгах. Первая, которой мы занимаемся, озаглавлена «*De proprium animi cuiuslibet peccatorum dignotione et curatione*», цитата из издания Кюна (V, 1–57). Марк Аврелий цитируется по изданию: *Haines (Loeb Classical Library)*.

⁵ О теории страстей у Галена см.: *Debru A. Passions et connaissance chez Galien // Les passions antiques et medievales / Eds. B. Besnier, P.-F. Moreau et L. Renault. Paris: PUF, 2003. P. 153–160; Tieleman T. Galen's Psychology // Galien et la philosophie / Ed. J. Barnes, J. Jouanna. Vandoeuvres; Geneve, 2003. P. 131–161. (Entretiens de la Fondation Hardt, 49).*

писали не только стоики. В остальном Гален для своего двойного трактата берет в качестве ориентира труд эпикурейца под названием «О контроле своих собственных страстей». В любом случае, предписание не должно быть абстрактным, его следует сопроводить практическими советами.

По мнению Галена, человеку, который стремится состояться в жизни, вне зависимости от возраста и психического состояния «не следует забывать о том, что нужно становиться лучше (*beltion* — греч.)». Таким образом, он наставляет нас, призывая непременно «совершенствовать свою душу»⁶. На самом деле, главная цель — «стать благородным человеком». Трансформация (становление), таким образом, всегда связана с моральным идеалом⁷. Как мы уже отмечали, тот же идеал привлекал его современника, императора Марка Аврелия. Оба отсылают нас к одинаковым ценностям, утверждают, что цель, которую нужно достичь, представляет собой благо, используют одну и ту же терминологию в отношении моральной «красоты» и «уродства»: «... следует все время помнить об уродстве души у тех, кто находится в гневе, и о красоте тех, кто лишен его», — пишет Гален, выбравший персонажа Терсита, как уродливое тело, недостойное стать вместилищем души⁸.

Сопоставление «Мысли для самого себя» Марка Аврелия и небольшого трактата Галена по медицине «О диагностике и способах лечения душевных страстей» требует, таким образом, более тщательного рассмотрения⁹.

С точки зрения формы, оба труда изобилуют поучениями, наказами, наставлениями, которые следуют одно за другим, что характерно для риторики проповеди, нацеленной на результат. Риторические приемы Марка Аврелия более радикальны, иногда резки: «вспомни об этом», «Прав ли ты?», «Ругай себя, душа моя!»,

⁶ *Galien* 4, V, 14, 12; *Kühn* 15, 2–3.

⁷ Об идеале *kaloskagathos*, ср.: *Марк Аврелий* (ed. *Haines*) 8, 10. Гален настаивает на трансформации, которую влечет за собой этот идеал: «тот, кто хочет стать благородным человеком, должен все время об этом помнить...» (V, 5, 10); *Ibid.* V, 12, 8–9; 13, 12; 23, 8–9; 25, 12–13 *Kühn*.

⁸ *Galien* 4, V, 15, 5–7.

⁹ Фр. перевод: *Galien, L'Ame et ses passions*. Paris: Belles Lettres, 1995.

«буффонада, война, трусость, оцепенение, рабство»¹⁰. Обращаясь к персонажу, Гален использует категоричные наставления, но более снисходительные: «...пусть дверь твоего дома будет всегда открыта», «не думай, что», «учти то, что я сказал». Резкий характер этих заявлений объясняется их общей целью «пробудить» душу. В действительности, для постепенного движения к добродетели первое условие — это бдительность, «постоянное присутствие духа, непрерывное осознание самого себя, неизменное напряжение духа»¹¹. Философ-эпикурец Антоний написал об этом целую книгу «О наблюдении за своими собственными страстями»¹². Хотя Гален употреблял слово «наблюдение» (*éphedrie*) только в связи с книгой Антония¹³, тема отслеживания все время присутствует в его работах: для того чтобы развиваться, следует ни на минуту не ослаблять своего внимания.

Стремление к осознанности и контролю выражается глаголами, в которых присутствует понятие «мысль» (*noeo* — греч. «постижение»), при этом у обоих авторов есть свои предпочтения¹⁴. Марк Аврелий особенно старательно избегает любых упоминаний о *pronoia*, ей он оставляет наблюдение за Провидением или богами, в этом состоит его отличие от Галена. У обоих авторов наблюдение такого толка имеет один и тот же объект: оно, прежде всего, рас-

¹⁰ Марк Аврелий (ed. Haines) 10, 9.

¹¹ О внимании (*prosokè*) у Эпиктета, ср.: Goulet-Caze M.O. Op. cit. (n. 3). P. 189, n. 137. О наблюдении в общем: Hadot P. Op. cit. (n. 1). P. 84 sq.

¹² Об этом Антонии нам ничего точно неизвестно. Согласно Р. Гулэ (Goulet R. Dictionnaire des philosophes antiques I. 1989. P. 258), он, вероятно, написал свою книгу против Галена, что заставило последнего написать свой трактат. Он также является адресатом *Péri sfugmôn*.

¹³ Ж. Пижо предлагает перевод для *ephedria* (наблюдение) «приближенное наблюдение» (Nouvelle introduction a la traduction fr. par van der Elst // Traite des passions de l'ame et de ses erreurs. 1993). Гален, который употребляет данный термин только в связи с работой Антония, сам предпочитает *paraphulattein* и *paraphulakè* (V, 2, 1; 11, 13; 31, 12 Kühn).

¹⁴ Гален отдает предпочтение *pronoein*, что включает в себя предвидение, наблюдение и предусмотрительность (V, 15, 5; 8; 20, 10; 15 Kühn). Марк Аврелий использует данный термин только в отношении Провидения, предпочтительно богов; у него мы часто встречаем сложные слова *ennoein*, *epinoein*, *metanoein* (8, 10, 3). Глагол *prosekein* и существительное *prosokè* также более частотны у Марка Аврелия (см., напр., Haines 7, 58, 1).

пространяется на самого человека. Так, одному своему другу-критянину, склонному к гневу, но твердо решившему стать лучше, Гален преподавал урок морали и дал несколько советов, которым тот четко следовал, пока не исправился, «контролируя самого себя...»¹⁵.

С другой стороны, стремление стать лучше подразумевает постоянное усилие. Так же как Марк Аврелий говорит о «постоянном внимании», Гален не отделяет готовность следовать поставленной цели от практической реализации: «Если ты упорно двигаешься вперед, сопротивляясь страсти», «если ты продолжаешь наблюдать за самим собой, как тот, кто выбрал долгую учебу», «будет столь постыдно отказаться от усилий только из-за того, что для этого нужно много времени»¹⁶. Для морального совершенствования возраст не имеет значения, поскольку нет границы для заботы о своем здоровье, нет ее и для заботы о душе: «...каждый из нас должен заниматься этим практически всю жизнь»¹⁷.

Тем не менее «занятие самим собой» не даст результатов, если не соблюдать два условия. Первое — необходимость самопознания, познания себя самого. Оно может быть выражено в вопросительных или критических размышлениях. Вопросительная форма часто встречается у Марка Аврелия: «...чему я заставляю служить свою душу в этот момент? В любом случае, задавать самому себе этот вопрос...»¹⁸. У Галена чаще встречаются критические рассуждения о внутренней сложности самопознания. Не стесняясь своих автобиографичных воспоминаний, он признается, что ему потребовалось время на понимание этой сложности: «...все, что я, будучи подростком, считал объектом пустых восхвалений, впоследствии стало казаться мне достойным похвалы»¹⁹. Причина состоит в том, что пребывать в процессе познания совсем не просто. Ведь оно начинается с негативных моментов, с признания незнания, «которое присуще тому, кто хочет стать благородным, о том, что он, безус-

¹⁵ *Galien* 4, V, 20, 14 *Kühn*. В большинстве остальных случаев размышление сопровождается глаголом.

¹⁶ *Ibid.* 4, V, 20–21 *Kühn*.

¹⁷ *Ibid.* V, 14, 10 *Kühn*.

¹⁸ *Марк Аврелий* (ed. *Haines*) 5, 11, 1.

¹⁹ *Galien* 2, V, 4, 10 *Kühn*.

ловно, не знает большую часть своих собственных ошибок»²⁰. Отсюда следует утверждение, что незнания себя нельзя избежать, оно является неотъемлемым свойством. Об этом неведении говорится в басне Эзопа «Две сумы». Но истинная причина этой сложности — более общая. Она является следствием неведения из-за любви, в данном случае — от любви к самому себе. Гален здесь цитирует Платона: так же как тот, кто любит, не ведает, каков объект его любви, любовь к себе не дает человеку разобраться в самом себе. В связи с этим любовь к себе несовместима с познанием себя.

Как только эти сложности осознаны, возникает второе условие продвижения вперед — придерживаться какого-то пути или метода. Первый термин (*odos* — греч. «дорога», «путь») присутствует у Марка Аврелия, но также часто встречается у Галена²¹. В продолжение предыдущего этапа Гален предлагает своему читателю найти собственный путь для осознания своих ошибок. Однако с некой снисходительностью, весьма далекой от скромности императора-философа, он предлагает собственный опыт: и в этом случае, в качестве проводника, «как мне удалось обнаружить их все, я вполне способен вам рассказать»²². Этот метод, по сути, состоит в использовании принципов (*dogmata* — греч. «догмат»). Марк Аврелий часто ссылается на использование принципов²³. Например, если сформулировать кратко, «стыдись самого себя». В свою очередь, Гален говорит о том, что всякий, кто хочет совершенствоваться, «должен много и долго тренироваться в соблюдении каждого принципа, которого мы должны придерживаться, для того чтобы стать благородным человеком»²⁴. Они «колкие» («тот, кто был заражен истинными принципами...»)²⁵. Также они абсолютны: они применяются всегда, мы не должны никогда уклоняться от них.

²⁰ Id. 2, V, 5, 10–12 Kühn.

²¹ Один раз у Марка Аврелия (6, 22, 3), шесть раз в трактате Галена, который заканчивается именно этим термином (V, 5, 15; 7, 4; 7, 7; 35, 8; 55, 3; 57, 2 Kühn). Поль Моро говорит о «методе этического мышления» (*Methodik der ethischen Denkens*) по поводу размышлений Галена над ошибками души (*Moraux P. Op. cit. P. 803–808*).

²² Galien 2, V, 5, 2–3 Kühn.

²³ Тринадцать случаев употребления *dogmata* у Марка Аврелия.

²⁴ Galien 5, V, 25, 12 Kühn.

²⁵ Марк Аврелий (ed. Haines) 10, 34.

Прежде всего, чтобы принципы не остались на бумаге, они должны быть «под рукой», к ним следует постоянно возвращаться, вспоминать о них. Сообразно учению Эпиктета, Марк Аврелий повторяет: «чаще размышляй» — или еще: «помни об общей сущности»²⁶. Гален также советует «помнить о том, что есть благо»²⁷. Вспоминать — это первое правило, которое дается на конкретном примере в виде ежедневного упражнения: «следует каждый день, каждый час помнить о том, что лучше считать себя входящим в число благородных людей»²⁸. Проверять сознание нужно утром и вечером: «как только ты встал с постели, перед тем как приступить к своим ежедневным задачам, следует сначала проанализировать, лучше ли жить поработенным своими же страстями или во всем слушать рассудок»²⁹, а также «об этом следует вспоминать каждый день, если возможно, не один раз в день или, если возможности нет, в любом случае на рассвете, перед началом любых действий, и вечером перед тем, как отправиться ко сну». Далее он снова ставит себя в пример: «Знай, что я сам завел привычку два раза в день сначала читать, а затем произносить вслух наказания, приписываемые Пифагору (*carmen augeum*)»³⁰.

Также существует еще одно упражнение, практически столь же важное, как и вспоминание, которое заключается в том, чтобы относиться к «самому себе как к другому»³¹ или, другими словами, обращаться к самому себе от лица другого. Таким образом, следует исходить из чужих суждений. Будучи императором, Марк Аврелий принимает это правило: «Если кто-то может меня убедить и доказать мне, что я думаю или действую плохо, я буду счастлив исправиться»³². У Галена принцип использования другого, «наставника» становится еще более фундаментальным: другого следует выбирать внимательно, проверять и испытывать, чтобы быть уве-

²⁶ Id. 5, 23, 1; 5, 24, 1. Призыв к вспоминанию встречается у него очень часто (2, 4; 8, 15; 8, 29 и т.д.).

²⁷ Id. 5, 25 (Р. 38, п. 9): итак, следует *вспомнить* урок о том, чтобы не нуждаться в посторонней помощи (против ненасытности).

²⁸ Galien, 5, V, 24, 16 Kühn.

²⁹ Ibid. V, 24, 9–11 Kühn.

³⁰ Ibid. 6, V, 30, 12–18 Kühn.

³¹ Из-за использования заголовка книги П. Рикера.

³² Марк Аврелий (ed. Haines) 6, 21, 1.

ренным в его искренности, — немного похоже на отца Галена, который испытывал своих будущих преподавателей. «Поэтому, если ты услышишь, что кого-то в твоём городе многие хвалят за то, что тот никому не льстит... сходи к нему и суди по своему собственному опыту, является ли он таким, как о нём говорят», поскольку следует выбирать того, кто абсолютно искренен. Опишем некоторые отрицательные признаки: «...если ты сразу узнаешь, что он бежит...», затем «если ты увидишь, как он приветствует тех людей...». Приводятся и положительные признаки: «...с другой стороны, он... и если ты узнаешь, что он также... если... или же...»³³. Это ещё один способ, отличать хорошее свидетельство от плохого. Во всем этом оба современника близки друг другу.

Все же у нас не получится минимизировать отличия моральных учений Марка Аврелия и Галена. Даже если области весьма схожи, цели и задачи у них разные.

В философском плане, рассуждения Марка Аврелия, какими бы хаотичными они ни казались, можно свести к нескольким основным темам. Согласно Пьеру Адо, одна из них — это принятие того, что не зависит от нас, например, болезни или судьбы, и согласие с укладом вселенной. Вторая будет касаться действия, которое не может существовать без цели, но его следует совершать в интересах человеческого общества. Третья относится к суждению, что зло не содержится в самих вещах, но в представлениях (*phantasia*) о них, которые мы создаем³⁴. Для сравнения: ни одной из этих тем Гален не придавал большого значения, хотя и затрагивал их. Например, не идет речи ни о смерти и мимолетности, ни о принятии мирового порядка, ни тем более о болезнях, как о не имеющих значения или неизбежных сущностях. Следовательно, необходимо «контролировать свои желания, чтобы желать и принимать лишь то, что случается», это утверждение весьма далеко от задач медицины, у которой нет морали, с которой можно было бы смириться. Исходя из этого, Гален не оставил места размышлению о мировом укладе, эфемерности и угасании, одному из самых эффективных способов освобождения. Мы также не встречаем рассуждений на тему целостности / всеобщности

³³ Galien 3, V, 8, 7 sq.

³⁴ Мотив «представления» / «выражения», часто встречающийся у Марка Аврелия, который использует термин *phantasia* более 60 раз, редко появляется в этой теме у Галена (2 раза).

космоса. Беспокойство о душе, конечно, присутствует, но восприятие конкретного тела не согласуется с размышлениями о космосе и презрением к телу.

Тем не менее, философия морали Галена отличается тем, что он делает акцент на важности познания в рамках морального развития.

Без сомнения, лексика, касающаяся познания и даже уверенности, встречается у Марка Аврелия³⁵. Однако у Галена это огромный пласт, который также сопровождается совокупностью подробно описанных когнитивных понятий и методов. Даже в названии книги медицинский термин «диагностика», связанный с традиционным понятием страстей, встречающимся у стоиков, дополняет когнитивную рамку моральной идеей. В отношении познания себя также встречаются слова: испытание, умозаключение (*logismos*), выражение, ошибка, доказательство и подтверждение (*peira*)³⁶. Что касается методов, нужно уйти от сложности всеобщего познания, чтобы увидеть препятствия в области самой морали: легче познать большие вещи, гораздо сложнее понять маленькие. Именно поэтому умеренные расстройства души гораздо сложнее обнаружить, чем серьезные. Нужно много тренироваться, чтобы замечать нюансы морали, как, например, хороший анатом много учится, чтобы работать с малыми анатомическими структурами (формами). Только ученые могут обладать совершенным знанием о себе, все остальные имеют лишь приблизительное понятие; «некоторые — в большей степени, некоторые — в меньшей». Галену эта область была знакома, он позволял себе неожиданные вкрапления, например, известные математические примеры («для борьбы со страстями тренируйся в соответствии с предложенными мной вариантами, вспоминай их и размышляй о них все время, и проверяй, прав ли я, до тех пор пока ты не будешь в этом уверен, как в том, что дважды два будет четыре»)³⁷, или же серьезные заявления, например, об очевидности феноменов, если известно, что они повторяются каждый день.

³⁵ Кроме того, у Марка Аврелия насчитывается около двадцати употреблений терминов, образованных от корня *gnô-* (*gnôrimon*, *gnôrizô* и т.д.).

³⁶ Ссылка на «доказательство», например, *Galien* 3, V, 8, 9 *Kühn*: «судите по этому доказательству (или “испытанию”), если...»; проверку можно рассмотреть «глубже».

³⁷ *Galien* 8, V, 45, 1–6 *Kühn*.

Еще одно отличие касается самого понятия «упражнение», которое Гален употребляет весьма конкретно по сравнению с Марком Аврелием³⁸. Во всех трудах Галена мы находим три основные области, обращаясь к которым, автор говорит об упражнениях: физические упражнения, упражнения в умении и психические упражнения. Первые относятся к спортсменам или же к «упражнениям для здоровья» (*askèsis*) в понимании Гиппократ³⁹, о том же упоминает Гален в своем «Комментарии». По значению с физическими упражнениями сходны «упражнения в умении», то есть в медицине они начинаются с упражнений для рук, как, например, рекомендовано в «Комментарии к “О врачебном кабинете”»⁴⁰. Связь между двумя типами упражнений особенно хорошо описана Галеном в работе «De placitis Hippocratis et Platonis». Он настаивает на основополагающей важности практики в любом умении, прежде всего в музыке или занятиях спортом, это требование также распространяется на риторов, которым приходится упражняться каждый день, как только возникнет подходящая ситуация. По его словам, упражнения необходимы и в философии, чтобы научиться распознавать похожее от непохожего. В любом случае, они должны предупреждать, развивать, переходить от простого к сложному и совершаться постоянно⁴¹. Этот гимн упражнению подкреплен также несколькими личными замечаниями,

³⁸ Мы возьмем пример однокоренных слов с *askein* и *askèsis*, которые Гален употребляет раз двадцать в этом трактате против двух раз у Марка Аврелия (I, 7, 6 и V, 5, 18). Что касается других терминов: *gumnazein* — очень продуктивный корень у Галена — он не встречается в этом трактате, но он использует корень *meletan* три раза: V, 5, 8; 25, 14; 45, 5, Марк Аврелий — один раз (XII, 3, 20).

³⁹ Сформулировано в «Эпидемиях» (VI, 4, 18).

⁴⁰ XVIII В, 771, 6–7 Kühn. Здесь он комментирует совет Гиппократ накладывать повязку двумя руками и тренироваться сначала одной, потом другой по отдельности.

⁴¹ Galenus. De Placitis 9, 2 (V, 742–743 Kühn. P. 550, 9–14 De Lacy): «Общий принцип без тренировки на многочисленных конкретных случаях не может создать практикующего специалиста (*technitès*) в том или ином умении. Важность практики можно наблюдать на примере других умений: в некоторых ее значение столь огромно, что это помешает реализации такого умения, тогда как общим принципом можно полностью овладеть за год, если не практиковаться на протяжении всей жизни».

в которых Гален рассказывает о том, что после философии он целиком погрузился в изучение медицины и «практики», причем и тому и другому на деле, а не на словах⁴². Во всех этих случаях упражнения, которые обучают распознавать, различать или диагностировать, завершают познание и позволяют использовать его. Никакой врач не сможет обнаружить что бы то ни было, если он не научится выявлять разницу (например, отличать нормальный пульс и лихорадочное состояние) с помощью упражнений: «тренируйся распознавать» — это лейтмотив умственного и практического развития врача.

Если обратиться к тому, что Гален говорит в своем трактате о душевных страстях, то «психические упражнения» также требуют тренировки, той же «аскезы», что и два других. Контроль над собой, выявление своих ошибок, признание, управление разумом, мыслями и поведением на протяжении всей жизни представляют собой лишь еще одну область применения общего понятия «упражнение».

Итак, Гален, несомненно, разделял со своим современником Марком Аврелием общую философскую и моральную культуру, общий взгляд на понятие «благородный человек», схожие мысли о науке и моральной жизни, одну и ту же область знаний, профессиональной практики и поведения. Это единство не является совершенным, остаются неточности (например, в отношении души). Некоторые из них временны, другие структурны и неустранимы. Тем не менее, из этого сравнения совершенно явно следует, что в эту эпоху, особенно судя по переходному понятию «упражнение», вопрос «заботы о себе» актуален, и им занимается как медицина, так и философия.

⁴² В кн.: *De methodo medendi* 9, 4 (X, 609, 6–11 Kühn).

P. РОЗЕН

**ФИЛОЛОГИЯ И РИТОРИКА
КАТАСТРОФЫ
В «DE INDOLENTIA» ГАЛЕНА***

R. ROSEN

**PHILOLOGY AND THE RHETORIC
OF CATASTROPHE
IN GALEN'S «DE INDOLENTIA»**

В разделах 3–6 «О преодолении горя» («De indolentia») Гален перечисляет потери, которые он понес в результате великого пожара в Риме в 192 г.¹. Описание Галена, содержащееся в этом разделе, — это *высший пилотаж* риторического искусства в миниатюре. Он начинает с того, что дистанцируется от тех вещей, потерю которых большинство людей непременно посчитало бы большим ущербом с учетом материальной ценности, то есть от своего серебра и золота, а также от своих «долговых расписок», вернуть которые ему, вероятно, уже не удастся. Друга удивляет

* Статья была опубликована в сборнике «Galen's De indolentia. Essays on a Newly Discovered Letter» (Tübingen, 2014. P. 159–173).

¹ Если не указано иное, я цитирую труд Вероники Будон-Милло и Жака Жуанна (написанный при участии Антуана Пьетробелли): *Boudon-Millot V., Jouanna J. Galien: Ne pas se chagriner*. Paris: Les Belles Lettres, 2010. Английские переводы «De indolentia» взяты (с редкими незначительными изменениями) из сочинения «Avoiding distress», перевод которого выполнен Вивианом Наттоном, — см. в кн.: *Nutton V. Galen: Psychological Works* / Ed. P.N. Singer. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 43–106.

способность Галена преуменьшать потери таких вещей, и, поступая так, автор косвенно побуждает своих читателей изумиться его способности². Как понял его друг, еще более удивительной была способность Галена перенести иную потерю, потерю «еще большего количества вещей, хранившихся там» (4), среди которых были лекарства, медицинские инструменты, книги, а также противоядия и лечебная корица в невообразимых количествах («больше, чем можно найти во всех магазинах, вместе взятых»). Такой высокопарной кульминацией Гален надеялся рассеять последние сомнения читателей относительно того, что его больше заботила медицинская практика, нежели погоня за богатством и собственностью. Это тем более удивительно, что, по собственному утверждению, Гален не был расстроен даже потерей этой медицинской экипировки.

Фактически количество вещей, которых лишился Гален, заставило бы нас удивленно поднять брови — среди них нет ничего особенно необычного: большинство из того, что он перечисляет, скорее всего, имел любой врач, обладающий его положением и известностью. По-видимому, Гален действительно потратил необычно много времени на перечисление и описание разного рода книг, которые потерял в огне, и некоторые аспекты его перечисления заслуживают дальнейшего исследования. Как оказалось, почти треть трактата (особенно фрагменты 12–36, с другими ссылками, разбросанными в разных местах трактата) так или иначе посвящена его книгам и сочинениям, равно как и книгам, хранящимся в расположенных по соседству дворцовых библиотеках; подробный рассказ дает представление о том, насколько болезненной была для

² См. также: *Galen. Aff. Dig. 10* (K 5.54 = *Wilko De Boer. De proprietum animi cuiuslibet affectuum dignotione et curatione. De animi cuiuslibet peccatorum dignotione et curatione, De atra bile* [Corpus Medicorum Graecorum, далее — CMG, 5. 4. 11; Leipzig — Berlin: Teubner, 1937], 36. 2–7 = *Iosepha Magnaldi. Claudii Galeni Pergameni Peri ψυχής παθών καὶ ἀμαρτημάτων*. Rome: Tipys Officinae Polygraphicae, 1999], 62), где Гален рассказывает историю о том, как знакомый сибарит обвинил его в том, что он «не человек» (ἀνάνθρωπος), потому что Гален всегда выглядел слишком жизнерадостным (φαιδρός). Этот анекдот относился к характеру Галена вообще, а не только к его способности преодолевать конкретные травмы, но он приписывает Галену изрядное стремление к скрытому самовосхвалению, из-за чего его можно считать необычайно морально устойчивым.

него утрата³. В настоящей статье мы покажем, что рассказ Галена о его книгах в конечном итоге (преднамеренно) идет вразрез с целью утешиться после такой потери⁴ и что сосредоточение на значительности их утраты сводит на нет его заявления о достижении психологического равновесия. Наоборот, значительный пафос, с которым он говорит обо всей деятельности, связанной с образованием и публикациями на протяжении всей работы, бередит рану, нанесенную потерей столь многих инструментов научного исследования. Как мы увидим, сама логика совета Галена, как избежать депрессии, вызванной утратой *материального имущества*, похоже, *опровергает* положение, которое он пытается доказать в разделе своей работы, касающемся его книг и научной деятельности. В конечном счете, мы докажем, что риторически трактат более убедителен в качестве краткой заметки об огромной важности образования для «филантропического» направления медицины на самом высоком уровне, нежели как практическое руководство как «избежать страдания».

³ Касательно топографии и археологии римских библиотек и хранилищ, которыми должен был пользоваться Гален, см.: *Nicholls M.C. Galen and Libraries in the 'Peri Alupias' // Journal of Roman Studies. 2011. Vol. 101. P. 123–142. Ср.: Tucci P.L. Flavian Libraries in the City of Rome // Ancient Libraries / Ed. J. König, K. Oikonomopoulou, G. Woolf. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 277–311, и в том же томе: Zadorojnyi A.V. Libraries and *paideia* in the Second Sophistic: Plutarch and Galen // Ibid. P. 389–400.*

⁴ На предмет вопроса о трактате, как по работе *consolation*, см.: *Boudon-Millot V., Jouanna J., Pietrobelli A. Op. cit. P. IX; Kotzia P. Galen, περί ἀλυπίας: Title, Genre and Two Cruces // Studi sul 'De indolentia' di Galeno / Ed. D. Manetti. Pisa — Roma: Fabrizio Serra, 2012 (Biblioteca di "Galenos": Contributi alla ricerca sui testi medici antichi, 4). P. 69–91 [особенно, P. 69–70]. Будон-Милло и Жуанна, так же, как и Котзиа, отмечают, что «О преодолении горя» является не совсем правильной *consolatio*, из-за того, что она была написана не для того, чтобы утешить кого-то другого в его горе (*Kotzia P. Op. cit. P. 76*), хотя это замечание является, возможно, слишком жестким. Работа представляет собой описание метода того, что мы могли бы назвать «самоутешением» и, в силу этого, большинство советов, которым следует он сам, он мог бы с равным успехом дать другим людям, если бы он утешал их, а не себя. См.: *Nutton V. Op. cit. P. 51*: «он напоминает другие трактаты... направленные на то, чтобы принести утешение или дать совет другим о том, что им следует делать, сталкиваясь с трудностями в их жизни».*

Конкретный совет, как избежать или избавиться от ментальной *λῆλη*, Гален отложил до второй части работы, до разделов 38–48, предположительно для того, чтобы сначала подробно объяснить масштабы своих утрат и подготовить читателя, тогда последний был бы поражен способностью Галена справляться с такой ситуацией. Собственно, Гален предложил совет, который не отличается особой мудростью и граничит с банальностью. Основная идея состоит в том, что нужно вырабатывать способность не слишком привязываться к материальному имуществу. В качестве иллюстрации он приводит в этом разделе несколько поучительных историй об Аристиппе Киренском, который был (что небесспорно) последователем Сократа и основателем киренской школы⁵. В одной из этих историй рассказывается о том, как Аристипп только что лишился одного из трех полей, которыми владел. Один из друзей попытался посочувствовать ему, но, согласно Галену (42–46), Аристипп со смехом сказал: «Почему ты сочувствуешь мне из-за того, что у меня два поля, когда у тебя нет ни одного? Или я должен сочувствовать тебе?». Это четко показывает, что следует не сосредотачиваться на утраченном, а думать о том, как тем, кто унаследовал от отца три поля, невыносимо будет смотреть на других с тридцатью.

Гален смеялся над многими людьми, которые были недовольны тем, что имеют, и постоянно жаждали большего, считая себя «бедными» по сравнению с другими, у кого больше имущества (43). Автор делал вывод, что люди не должны горевать из-за потери имущества, если у них хоть *что-то* осталось. Этот вывод не особенно примечателен, но он добавляет подробности (45), которые показательны и будут кстати, когда мы вернемся к тому, как он сам относился к потере своих книг:

44. Но если кто-то смотрит постоянно не на количество полей, которое есть у кого-то еще, а только на то количество полей, которое нужно, чтобы покрыть его расходы, он беззаботно перенесет утрату излишка. 45. Но если кто-то, у кого только одно поле, теряет его, он оказывается разоренным и поэтому будет обоснованно (*εἰκότως*) охвачен горем.

⁵ См.: Diog. Laert. 2. 65–87. Cp.: Caujolle-Zaslowsky F. Aristote de Cyrene // Dictionnaire des philosophes antiques / Dictionnaire des philosophes antiques / Sous la dir. R. Goulet. T. I. Paris: CNRS éditions. 1994. P. 370–375, а также труд: Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 115–116.

«Так что для меня не было ничего замечательного в том, чтобы вообще не горевать из-за потери своего имущества, поскольку оставшегося было более чем достаточно» (46)⁶, — подвел итог Гален. Этот совет не является ни новым, ни уникальным. История Аристиппа была хорошо известна и часто приводилась в доказательство того же самого положения⁷, но Гален признает, что горе обосновано, если утрата сокрушительна и оставляет человека в полной нищете.

К своей характеристике ἀλυτία Гален добавляет еще одну исторически окрашенную деталь. Замечания, сделанные им во фрагментах 54–55, ясно показывают, что каждый, кто жил при Коммоде и имел такое положение, как Гален, не мог не тревожиться за свою собственность:

54. Вы сами... убеждены, что преступления, совершенные Коммодом в течение нескольких лет, страшнее, чем любые другие за всю историю. Так что когда я ежедневно видел, как все это происходило, я тренировал свое воображение, чтобы подготовиться к полной потере всего, что я имел. У меня было желание пожалеть себя, я также представлял, что меня сошлют на необитаемый остров, как других невинных жертв. Когда кто-то ожидает высылки на необитаемый остров и полной потери всего, что имел, он готовится к тому, чтобы перенести это, и, если он теряет только часть, он не будет сокрушаться, поскольку сохранил остальное.

Интересно и имеет значение то, что Гален не принимает концепцию стоиков о том, что истинно мудрый человек может возвыситься над болью и страданием, равно как и не защищает эпикурейцев в поисках ἀταραξία (68) — состояния, в котором человека совершенно не будут тревожить какие-либо проблемы или положение дел вообще⁸. В этой маленькой зарисовке мы видим, как Гален пытается подготовиться к худшему, представляет (ἐγύμνασα) карти-

⁶ Или, читая это предложение в качестве вопроса, как Будон-Милло и Жуанна: «И стало быть, почему же для меня это должно быть чем-то значительным, если меня совершенно не огорчила потеря моего имущества?» См. далее: *Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 128.*

⁷ На предмет версий этой истории в арабской традиции см.: *Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 118–119.*

⁸ См.: *Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 55; Nutton V. Op. cit. P. 95, n. 108.*

ны (φαντασία) величайшего бедствия (ἀπώλειαν), т.е. представляет, как он потерял *всю* собственность и был изгнан. Гален упоминал (52), что о таком методе подготовки к трудным временам говорится в речи Тесея в пьесе Еврипида⁹. Конкретные слова Тесея в этом эпизоде являются, по-видимому, скорее попыткой справиться с шоком от непредвиденной неудачи, чем настоящим средством от ἀλλοτρία. Как утверждает сам Гален, он пытается представить любую из возможных бед, чтобы если что-нибудь такое когда-нибудь случится, «оно не могло бы побеспокоить (δράκῃ) мою душу в силу своей новизны». Таким образом, смысловой акцент делается на *новизне* такой неудачи, а не на самой беде. Если всегда представлять себе беды, то, когда они случаются, человек может легче перенести несчастье, но это не значит, что он не почувствует боли.

Не вполне ясно, насколько внимательно читал Гален фрагмент из Еврипида, но его собственный метод подготовки к беде подобным образом, по-видимому, не предлагает абсолютно прямого пути к ἀλλοτρία. Мы вполне могли бы спросить, например, когда по такому сценарию наступит момент, когда человек может утверждать, что он «не страдает»? Если бы император действительно конфисковал все имущество Галена и изгнал бы его на необитаемый остров, тот, по собственному признанию, безмерно страдал бы. Поскольку Гален приучал себя к мысли, что такое *может* случиться с ним в любой момент, он способен был выдержать множество других невзгод, кроме полного изгнания и полной нищеты, не страдая по-настоящему. Подобно Тесею Еврипида, Гален тоже избежал бы *шока* от неожиданной неудачи благодаря моральной подготовке, но он не представлял, что способен избегать страдания, возникающего при полной нищете и потере всего. Интересно также, каким будет состояние ума в течение всего того времени, пока человек подготавливается к худшему. Страх и тревога, которые, судя по намекам Галена, на протяжении всего правления Коммода, ощущали даже те, кто владел имуществом и пользовался всеми свободами, определенно являются формой психологической λύπη, и Гален также намекает, что невозможно подготовиться к тому, чтобы стать ἄλυστος, если бы немыслимое действительно случилось бы с ним. Если сказать вкратце, изгнание при Коммодe вызвало бы тот же эффект «оправданного» или «закономерного»

⁹ Фр. 814 Mette = фр. 964 Nauck.

λύπη, который он описывает в истории о человеке, потерявшем свое единственное поле (45).

Действительно, в последующих разделах (58–68) Гален, по-видимому, пытается сформировать собственную позицию относительно того, что он понимает под ἀλυτία. В подтверждение он приводит пример своего отца¹⁰, который вел жизнь μετριοπάθεια, а не ἀπάθεια и не эпикурейского ἀταραξία (62):

62 ...Но он никогда не восхвалял тех, кто презирает такие удовольствия [секс в этом примере] и тех, кто просто удовлетворен тем, что их душа никогда не болит и не страдает, заявляя, что добро по своей природе что-то большее и лучшее, нежели это, и не ограничивается просто свободой от боли и страдания.

И наконец, он подытоживает: «Некоторые люди считают, что оставаться спокойным — это что-то хорошее, хотя я знаю, что ни я, ни кто-то другой, ни животное этого не поддерживают» (68)¹¹. Если свободу от ἄλγος, λύπη, и ὀχλήσις не следует рассматривать как что-то хорошее или, по крайней мере, как состояние ума, к которому всегда следует стремиться в жизни, не совсем ясно, почему Гален с такой гордостью заявлял, что потеря собственности из-за пожара абсолютно не повлияла на него. Одно дело, если он просто хотел показать, что никогда не следует придавать слишком большого значения собственной неудаче и предаваться горю до полного истощения. Однако в трактате, особенно в ранних его разделах, Гален во многом представлен как человек, который избавлен от *любого* душевного страдания, что все характеристики ἀλυτία, которые нам встречаются в центральных разделах, только вносят путаницу. В частности, то, что он усиленно поддерживает не ἀλυτία, не приближает ли его к эпикурейцам, против которых он также выступает¹²?

¹⁰ Гален долго, и с большим уважением, говорит о влиянии, которое на него оказал отец: Aff. Dig. 3 (K 5.9 = CMG 5.4.1.1 8.3–7). См.: Rosen R. M. Galen, Satire and the Compulsion to Instruct // Hippocrates and Medical Education / Ed. M. Horstmanshoff. Leiden: Brill, 2010), 338–9; Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 149–152, а также: Nutton V. Op. cit. P. 63–64.

¹¹ Довод против эпикурейского ὀχλήσις («свободы от огорчения»). Как он указывает в завершение фразы: «...мы пришли к этому в нескольких наших трактатах, особенно в «Против Эпикура» (или «Об Эпикуре»). См.: Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 162–165.

¹² Наттон (Nutton V. Op. cit. P. 95, п. 108) разъясняет мысль Галена: «Хотя текст снова неясен, Гален, оказывается, доказывает, что такой без-

На всем протяжении «О преодолении горя» встречаются признаки того, что работа была написана неофициально и несколько второпях¹³. Безусловно, создается впечатление, что некоторые вопросы Гален задавал себе в процессе написания работы. Таким образом, вполне можно объяснить, почему он понимает, что должен дистанцироваться от убеждения в том, что «ни один из мудрецов никогда не страдает» (69–70). Он раскрывает свои карты, когда демонстрирует бóльшую компетентность в этом вопросе, чем можно было ожидать по первым разделам, со всей их бравадой о легендарной демонстрации Галеном ἀλολία после великого пожара (71–72):

71. ...Меня не волнует потеря имущества, если я не лишился его всего и не был выслан на необитаемый остров, [или?] физическая боль, и у меня нет легкомысленного отношения к тому, что меня могли поместить внутрь быка Фалариса.

72. Из равновесия меня могла бы вывести гибель моей родины или наказание, которое понес мой друг от тирана, и другие подобные вещи, и я молюсь богам, чтобы ничего такого никогда не случилось со мной. Поскольку до сих пор ничего такого со мной не случилось, вы никогда не видели меня расстроенным.

Это, конечно, вариация соображения, которое он высказывал в одном из предыдущих разделов, когда упоминал о страхе испытать именно такую судьбу при Коммодe. И снова Гален видит некие пределы, и, когда речь заходит об утрате имущества и о его способности терпеть физическую боль, он признает, что любой нормальный человек был бы сильно расстроен любой из неудач, которые он упоминает в отрывке, приведенном выше. Гален при-

заботной жизни, защищаемой эпикурейцами, можно достичь только бездействием, но деятельность все же является естественной и необходимой частью жизни всех людей и животных, и, следовательно, позиция эпикурейцев отрицает то, что делает жизнь жизнью». Но Гален, по-видимому, сам не вполне способен следовать тому, что он проповедует здесь; см. далее.

¹³ Во фрагменте 77 он, к примеру, повторяет цитату из Еврипида, только что приведенную им во фрагменте 52. См.: *Lami A. Il nuovo Galeno e il fr. 964 di Euripide // Galenos: Rivista di filologia dei testi medici antichi*. Pisa; Roma, 2009. Vol. 3. P. 11–19. Вслед за Лами Наттон (*Nutton V. Op. cit.*, n. 114) видит это повторение, как «признак относительной неофициальности и поспешного составления этого трактата».

водит эти примеры как крайние случаи, как будто чтобы показать, что он, конечно, отстаивает ἀλλοτρία, но достаточно реалистичен, чтобы признать, что ни один вменяемый человек не будет радоваться, если его сожгут заживо в бронзовом быке. В конечном итоге следует быть благоразумным в отношении самоподготовки с целью стать ἄλλοτос.

На протяжении всей работы и конкретно в разделе 65 Гален заявлял о том, что он просто не придавал большого значения «досугу, инструментам, лекарствам, книгам, репутации и богатствам» (μικρὰ πάντα) или не воспринимал их всерьез (<πῶς ἄν> ἄξια σπουδῆς ὑπολάβοιμι). Тем не менее этот раздел подводит нас к заключению, что Гален чувствовал необходимость всего перечисленного для достойной и счастливой жизни и что человек был бы безусловно расстроен, если бы потерял доступ к *любой* вещи из перечня. Гален утверждает, что придерживался ἀλλοτρία на протяжении жизни и у него случались равнозначные утраты. Здесь нет противоречия, так как, по-видимому, ни в одном из этих случаев Гален не оставался немущим. Он упоминает потерю «почти всех своих рабов» во время наступления чумы на Рим (1), так же как «три или четыре других случая», когда он понес сходные потери. В каждом случае можно сделать вывод, что Гален мог достаточно легко восполнить утраченное, купив новых рабов или приобретя новое имущество на средства, которые оставались в его распоряжении.

Итак, можно было бы ожидать, что Гален продемонстрирует ту же самую позицию и в случае с утратой книг, поскольку они тоже имущество и их легко заменить. Действительно, в своей обычной манере Гален включает книги в список утраченных предметов, к которому он избегал слишком часто обращаться (напр., разделы 10, 50, 65). Интересно, насколько откровенен Гален в своем описании того, как он отреагировал на утрату книг, тем более что он часто привлекает внимание читателя к тому, насколько удивительно, что ему удалось избежать отчаяния. Более того, чем детальнее описывает Гален значимость утраченных книг — не только своей библиотеки других авторов, но и большого количества собственных работ, среди которых были копии его опубликованных работ и неопубликованные недописанные работы, — тем яснее, что для него эти книги *не* относятся к материальному имуществу, которое можно заменить, как, например, рабов или даже редкие лекарства. Истинным было бы утверждение о том, что у

него было много других книг, которые не были утрачены в огне (он держал некоторые книги в своем доме в Кампании и, предположительно, часть библиотеки в своей резиденции в Риме (20–23)), и о том, что по крайней мере некоторые из погибших во время пожара томов он мог бы просто купить. Нет никакого сомнения, что у него были деньги на это, и потому он не придает особого значения потерям и рекомендует читателю поступать так же.

Однако многие из книг, которые Гален указывает среди своих потерь, в действительности нельзя было купить ни за какие деньги, и это обстоятельство становится настоящим *лейтмотивом* всей работы. Действительно, смысл трактата, по-видимому, состоит в том, чтобы подчеркнуть, *насколько большими* были потери и *насколько трагичными* счел бы их любой нормальный человек. Гален *утверждает*, что не расстроился из-за имущественных потерь и что его потери были так значительны, что его *ἄλμια* являла собой «превосходный пример благородства и некоторого приближения к величию души»:

50. ...но не быть расстроенным потерей всех своих лекарств, всех своих книг и, кроме того, рецептов основных лекарств, так же как и трудов по ним, которые я подготовил к публикации наряду со многими другими трактатами, будучи взятым по отдельности, каждый предмет выявил бы огромные усилия, которые я с радостью прикладывал на протяжении всей жизни, — все это уже является превосходным примером благородства и некоторого приближения к величию души (μεγαλοψυχία)¹⁴.

Здесь мы, по-видимому, сталкиваемся с примером того, что современный психотерапевт мог бы назвать переносом: Гален рассказывает другу о своих невообразимых потерях, как пример собственного самоконтроля, но его соображение может быть доказано, только если друг опосредованно переживет истинную глубину его утраты. Рассказ Галена, без сомнения, наводит на предположение, что потери, на самом деле, *были* для него очень мучительными. Что еще может он подразумевать, когда использует слово

¹⁴ Сложная фраза; детальный синтаксический анализ греческого текста см.: Boudon-Millot V., Jouanna J. Op. cit. P. 135. О стоических источниках использования здесь Галеном термина «величие души» (μεγαλοψυχία) см.: Nutton V. Op. cit. P. 62.

δεινότατον для описания полного уничтожения дворцовых библиотек и утраты уникальных манускриптов и даже, возможно, экземпляров с авторскими автографами (12)? Разделы 12–14, на самом деле, представляют собой длинный перечень причин того, почему потеря книг была истинно колоссальным событием (трагическая риторика Галена выделена курсивом):

12. ...и вы даже не осознали того, что *самая ужасная вещь* (δεινότατον) в потере книг заключается в том, что *нет надежды* (μηδὲ ἐλπίδα) на то, что уцелели хоть какие-нибудь экземпляры, поскольку все дворцовые библиотеки были уничтожены огнем в тот день. 13. Потому что *нет возможности найти не только раритеты и работы, которых не было больше нигде* (οὔτε οὖν ὅσα σπάνια καὶ ἀλ(λ)αχόθι μηδαμῶθεν κείμενα δυνατόν ἐστιν εὑρεῖν), но и копии обычных работ, которые ценились за четкость текста, например, работы Каллина, Аттика, Педуция и даже Аристарха, в том числе два экземпляра Гомера, а также Платона Панетия, и множество других работ того же рода; среди этих трудов хранились экземпляры, написанные самими авторами или скопированные для них. Было также много экземпляров с автографами древних филологов, ораторов, врачей и философов. 14. *Помимо этих книг, столь многочисленных и таких важных, я также лишился в тот день* (ἐπὶ τοῦτοις οὖν τοιοῦτοις καὶ τοσοῦτοις ἀπώλεσα κατὰ τὴν αὐτὴν ἡμέραν ὅσα...) экземпляров многих книг, которые были неясны в результате ошибок переписывания, но после исправления я переписал их, создав практически новое издание.

Возможно, здесь Гален просто говорит, что после пожара сначала он был расстроен, как любой на его месте, а потом быстро применил свой философский подход к ἀλυτία, чтобы преодолеть горе¹⁵. Для того чтобы доказать свое утверждение наиболее убедительно

¹⁵ «Его собственные предпочтения... лежат в платоновско-аристотелевском акценте на обуздании своих эмоций через сочетание природного таланта, привыкания и образования» (Nutton V. Op. cit. P. 63). Гален обходит молчанием в своем рассказе, в *каждое* ли мгновение, после того, как он впервые услышал новости о своих утратах, он не чувствовал угнетенности. Не кажется педантичным задаться вопросом, не пережил ли он сначала при этих новостях серьезное страдание, а затем не *применил* ли в полную силу свою подготовку и метод самопомощи, чтобы преодолеть это страдание, или же он настолько выверил свое поведение за годы ἡσκησις, что мог претендовать на то, что просто никогда не страдал.

тельно, ему нужно убедить своего адресата (и своих читателей) в том, что утрата его книг, в частности, была «действительно плохим событием», настоящим бедствием. Если бы действительно можно было избежать расстройства после такой потери, это, возможно, было бы признаком «благородства» и «величия души», но слова, используемые Галеном для описания потери, настолько выразительны, что появляется соблазн сделать заключение о том, что, мягко выражаясь, его претензии на невозмутимость несколько неискренни.

Эта неискренность, кажется, особенно выражена в его решении максимально подробно описать потерю своих грамматических работ по аттическому греческому языку (в особенности посвященных «Старой комедии») и своей коллекции фармакологических рецептов. Посмотрите, например, как он начинает и заканчивает эти разделы. Если сам Гален может притязать на безмятежность по поводу потери всех работ по «Старой комедии», то его адресат, вероятно, не может, что Гален отмечает с чувством внутреннего превосходства:

20. Тебе, возможно, покажется особенно печальной (ἴσως δὲ (σ)ε λυπ(ήσ)ει...) судьба моей работы, посвященной словам аттического греческого и повседневного языка, которая, как ты знаешь, состояла из двух частей, одна из которых опиралась на «Старую комедию», а другая — на писателей-прозаиков. Но, по стечению обстоятельств, копии второй части уже были переправлены в Кампанию, и если бы хранящиеся в Риме работы сгорели бы двумя месяцами позже, мы бы уже отослали копии всех наших работ в Кампанию.

Хочет ли Гален на самом деле, чтобы его друг *не* расстраивался при мысли о подобных потерях, или же, наоборот, с характерным хладнокровием желает поделиться своими чувствами, вызывая в памяти образ множества свитков, превращающихся в пепел? В риторическом смысле это кажется маловероятным, поскольку это лишь уменьшит тяжесть потерь, о которой Гален хочет рассказать своему адресату, притом что у него не будет оснований рассчитывать на признание своего психологического достижения. Длинное и подробное описание утраченных работ о «Старой комедии» в отрывках 20–30, кажется, направлено на то, чтобы его друзья максимально остро ощутили чужую боль, чтобы все читатели в результате были поражены последним штрихом в конце отрывка

30 — коротким предложением из четырех слов: «Но ничто из этого меня не печалит» (*ἀλλ' οὐδὲ ταῦτα ἐλύπησάν*).

Как будто всего изложенного было недостаточно, чтобы уверить его читателей *и* в том, насколько действительно тягостными были его потери, *и* в том, насколько удивительна способность Галена совладать с ними, автор продолжает — с риторическими отсылками к образу ярмарочного зазывалы — и, пытаясь превзойти свой рассказ о грамматических работах, дает еще более жалостливое описание своей книги рецептов:

31. *И что с того, скажете вы, может ли быть что-то хуже того, что я только что описал, что может вызвать расстройство (τί ποτε οὖν, φήσεις, ἐπὶ μείζον ἀπάντων τῶν εἰρημένων ἐστὶν ὁ λυπεῖν (ἂν) δύναιτο)?* Что ж, я расскажу вам. Я был убежден, что обладал самым значительным собранием лекарственных рецептов во всем римском мире, некоторые появились у меня случайно, другие я добавил самостоятельно.

В последующих отрывках (32–37) следует весьма подробный рассказ о различных источниках его собрания рецептов: богатый коллекционер «домашних» рецептов, который аккуратно собирал свои рецепты в «двух книгах-раскладках в пергаментной переплетной крышке», в результате они оказались в руках Галена; после смерти от чумы в Риме друга и школьного товарища Тевтраса Галену достались две его большие коллекции рецептов (коллекция, которую он сам получил от врача по имени Эвмен). Все эти работы были также уничтожены огнем, эту потерю Гален называет «еще более серьезной» (*μείζον ἀπάντων τῶν εἰρημένων... ὁ λυπεῖν (ἂν) δύναιτο*), чем потеря работ о «Старой комедии»:

37. Огонь уничтожил не только все эти пергаменты — я все еще думал, что это не было великой потерей, — но и мой трактат о составе лекарств, который я сам тщательно подготовил и в котором я описал, как можно приготовить самые важные лекарства.

К этому моменту Гален излагал свой рассказ о большом несчастье с таким упорством, что становится трудно поверить, когда они пишет: «Я все еще думал, что это не было великой потерей». Точная фраза Галена — *καὶ γὰρ καὶ τοῦτο ἐπὶ μικρὸν ἐνόμιζον* («и даже это я считал незначительным»), в действительности, кажется, противоречит тому посылу, который он старается донести до нас: как раз *по причине того*, что потеря этих книг оказалась, на самом

деле, *крайне тяжелой*, его утверждение о собственной способности пережить то горе, которое вызвала бы подобная потеря у обычного человека, еще более удивительно. Возможно, нечестно обвинять Галена в том, что он скрывает свое настоящее эмоциональное состояние после пожара, однако объем риторики, который он использовал в разделе о своих книгах, все же дает повод предположить, что его терзали противоречия по поводу травмы от их потери, невзирая на какой бы то ни было успех, которого он достиг, минимизировав воздействие печального события на свое душевное состояние.

На самом деле, поразительное количество подробностей, которое Гален тратит на описание своих работ о «Старой комедии» и разговорном аттическом языке, в дальнейшем служит для подтверждения идеи о том, что потеря данных свитков была особенно серьезной для него. Почему же, говоря простыми словами, Гален все равно продолжает пространно рассуждать о тексте произведения, которое, по крайней мере на первый взгляд, не имеет очевидной связи с его медицинскими или философскими интересами? Он заводит разговор об этих работах в начале отрывка 20, приводя их в качестве примера потерь, которые должны были впечатлить (или, точнее, расстроить) его собеседника, поэтому стоит рассказать о том, что в содержании этих работ заставило Галена распространяться столь подробно. Гален уже не первый раз говорит о своем труде о греческой комедии, он упоминает об этом также в своем произведении «*De libris propriis*», в самом конце в небольшом разделе, где перечисляет свои грамматические работы (К 19.48 = ВМ 173.5–15 [раздел 20]), в которых ссылается на «три тома о «Бытовых выражениях (*ὀνόματα*) у Евполида»»; пять томов о «Бытовых выражениях у Аристофана»; два тома о «Бытовых выражениях у Кратина»; один том «Примеры специфических слов у авторов комедий», «Полезно ли чтение античной комедии для студентов...» Будон-Милло дает свой комментарий к этому отрывку: интерес Галена к аттической комедии не должен вызывать удивления, поскольку он весьма часто использует лексику комедий в своих работах для объяснения современного использования¹⁶. Тем не

¹⁶ Boudon-Millot V. Galien: Introduction generale. Sur l'ordre de ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent medecin est aussi philosophe. Budé; Paris: Les Belles Lettres, 2007. P. 233. См. также: Staden

менее «О преодолении горя» *предлагает нам гораздо больше подробностей об этих немедицинских работах и позволяет предположить, что Гален идиосинкразически увлечен ими.*

Когда начался пожар, Гален был далеко от Рима, в Кампании (где у него, вероятно, был загородный дом), оттуда он пишет своему другу в разделах 20–23 (процитированных выше) о том, как он намеревался сделать копии всех своих книг и отправить их в Кампанию. Только копии книг об аттической прозе (48 из них) были сделаны вовремя, а книги о «Старой комедии» были полностью уничтожены:

23. ...Судьба заманила меня в ловушку, уничтожив, наряду с другими моими книгами, самые важные мои труды о лексике всей «Старой комедии», **24a** о которой, как вы знаете, Дидим уже проводил исследование, как о бытовых словах, так и о тех, что требуют объяснения, в пятидесяти книгах, из которых я сделал краткий очерк в 6000 строк.

Далее в отрывке дается удивительно подробное описание в поддержку пользы филологического труда подобного рода, прежде всего для медицинского исследования:

24b. Подобный метод, кажется, был важен для ораторов и грамматистов или же, в целом, для любого, кто, возможно, захотел бы использовать аттическую идиому, **25.** или слова, значение которых связано с практическими вопросами (*πρόγμωτα* *χρήσιμα*), как, например, вопрос, который недавно возник в Риме, когда уважаемый врач заявил, что крупы (*χόνδρος*) еще не использовались во времена Гиппократов и что вот именно поэтому в труде «Диета при острых заболеваниях» («Regimen in acute diseases») он рекомендует именно ячневую жидкую кашу (*πλιθόνη*) среди всех других злаковых; поскольку если крупы (*χόνδρος*) были бы известны грекам, он бы не выбрал ничего другого взамен.

26. Но крупы (*χόνδρος*) упоминаются, в частности, в «Режиме для здоровья», который одни приписывают ему, а другие — Филистиону или Аристону, которые являлись древними врачами и которые специально упоминались у авторов «Старой комедии». Такие слова, как *αβυδοκόμης* (informer's-haircut) или

H., von. Gattung und Gedächtnis: Galen über Wahrheit und Lehrdichtung // Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike / Hrsg. W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper. Tübingen: Gunter Narr, 1998. S. 81–82.

αβυρτάκη (leek sauce) <и>¹⁷. 27. все прочее, что оставалось непонятным для аудитории, определяется в нашем трактате — и предугадывалось в изложении Дидима — в следующем порядке: полба, нут, горошек, крупы и другие зерновые культуры, овощи и фрукты позднего лета, вина, сделанные из выжимки винограда, с добавлением воды или без нее, кустарники, фрукты, растения, животные, приборы, оборудование, инструменты и все прочее из повседневной жизни, а также их названия.

Заинтересованность Галена в сравнительном языкознании такого рода не противоречит интеллектуальным тенденциям его времени¹⁸, но филологическая деталь в этом отрывке кажется, на первый взгляд, любопытной риторической стратегией для автора, который пытается убедить своих читателей в том, насколько значительна потеря его книг. Последнее предложение (27) могло быть написано с оттенком иронии, вероятно с намеком на бесконечные перечисления продуктов и прочих предметов повседневной жизни, которые мы часто находим у авторов «Старой комедии»¹⁹. Мы могли бы мы спросить, почему Гален был убежден, что настолько важно дать в этом отрывке исчерпывающее разъяснение филологической работы о комедийных поэтах? Ответ на этот вопрос становится ясным, когда мы понимаем, что данный отрывок, который может показаться нам немного педантичным, отражает некоторые убеждения Галена о том, каким образом нужно заниматься наукой. Таковы методологические вопросы, которые начинаются с использования языка в целом, а затем разделяются на конкретные вопросы, касающиеся истории, авторитета текста и логики. Когда Гален

¹⁷ Здесь Наттон отталкивается от Будон-Милло и Жуанна, которые внесли уточнения в сбивающий с толку греческий и свели все к списку из двух комедийных поэтов — Аристомена и Аристофана (дискуссия: Boudon-Millot V., Jouanna J. Galien. P. 87–88). Наттон поддерживает предположение: *Polemis I. ΔΙΟΡΘΩΤΙΚΑ ΣΤΟ ΠΕΡΙ ΑΛΥΤΠΙΑΣ ΤΟΥ ΓΑΛΗΝΟΥ // Επιστημονική Επετηρίς της φιλοσοφικής σχολής του Πανεπιστημίου Αθηνών*. 2011 / 12. 43. P. 3–4, о том, что два нетипичных греческих слова, сохранившихся в рукописи, и начинающиеся с альфы, упоминаемые здесь Галеном как вид лемм, он включил бы в свои лексикографические произведения. См.: *Nutton V. Op. cit.* P. 86, n. 57.

¹⁸¹ *Staden H., von. Op. cit.*, особенно S. 67–78.

¹⁹ См.: *Wilkins J. The Boastful Chef: The Discourse of Food in Ancient Greek Comedy*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 45–47, 85.

перечисляет аттические комедийные коллоквиализмы, пример пользы филологических изысканий, который он приводит, скромнен, однако для него были важны более глобальные вопросы, и их едва ли можно было сравнивать с аттическими модными тенденциями, популярными среди мыслителей его эпохи²⁰.

По мере разъяснения отрывка Гален хочет показать, что хорошее знание современной аттической речи V в. может помочь в решении вопросов относительно подлинности текстов Гиппократата. Поскольку Гален почитал Гиппократата больше остальных авторов, писавших о медицине, установление подлинности текстов Гиппократата всегда имело для него большое значение. В истории, описанной в отрывке выше, Гален, очевидно, намекает на утверждение римского врача о том, что «De Victus Ratione» Гиппократата не является подлинной работой, поскольку в ней используется термин, который не был известен грекам в эпоху Гиппократата (χόνδρος, крупы)²¹. Гален «опровергает» его утверждение, отметив, что данный термин мог быть найден в «Старой комедии», или, по крайней мере, как мы могли бы сказать, опровергает лингвистический аргумент своего оппонента свидетельствами из других текстов того времени. Подобные доводы незначительны, но они важны для Галена, поскольку являются вкладом в достижение более масштабной цели ακρίβεια — научной точности, которую он непрерывно отстаивает во всех своих произведениях, его заинтересованность в ακρίβεια преимущественно начинается с языка и возможности со-

²⁰ О презрении Галена в отношении стилистических фетишей многих мыслителей периода второй софистики, см.: Morison B. Language // The Cambridge Companion to Galen / Ed. R.J. Hankinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 144–145.

²¹ Приблизительно такая же история, рассказанная Галеном в его комментарии: In Hippocratis de Acutorum Morborum Victu (*Helmreich G.* In Hippocratis De victu acutorum commentaria IV [CMG 5.9.1; Leipzig and Berlin: Teubner, 1914]. P. 134–135). См.: Boudon-Millot V. Un traite perdu de Galien miraculeusement retrouve, Le Sur l'inutilite de se chagriner: texte grec et traduction franfaise // La science medicale antique. Nouveaux regards. Etudes reunies en l'honneur de J. Jouanna / Ed. V. Boudon-Millot, A. Guardasole, C. Magdelaine. Paris: Beauchesne, 2008. P. 110, n. 264, и дальнейшее обсуждение: Boudon-Millot V., Jouanna J. Galien. P. 86. По какой-то причине Гален здесь ссылается на «Режим для здоровья», когда он, кажется, имел в виду просто «Режим». См.: Nutton V. Op. cit. P. 86, n. 56.

общать и оценивать логический довод²². Известны заголовки 21 трактата Галена на лингвистические темы, и хотя почти все они утеряны, наряду со свидетельствами из других сочинений это отражает глубокую приверженность языкознанию как основе всех прочих научных и философских дискуссий. Лингвистика Галена, однако, всегда практична: он ценил чистоту выражения выше стиля и не испытывал неловкости по поводу использования просторечия или разговорного языка — языка полиса (πολιτικός), если с его помощью можно было общаться с другими врачами, пациентами или читателями произведений.

Непритязательное отношение Галена к повседневной речи можно увидеть в комментарии, который он написал об Аристофане в трактате «De nominibus medicis» (существует только в арабском переводе)²³, где он отметил, что язык Аристофана должен был быть доступным для широкой публики, чтобы его пьесы имели успех в театре. Следовательно, если слова, которые использовал Аристофан, также могут встречаться у Гиппократов, то они могут показаться нам неясными, однако на самом деле они были распространены в то время, так как поэты, писавшие комедии, не пользовались бы популярностью, если бы использовали в своих текстах неясные слова. Более того, если эти слова были обычными для комедии, то их значение может быть установлено четко и определенно, а это, в свою очередь, может пролить свет на узус Гиппократов. Пример из «О преодолении горя» показывает, насколько аргумент

²² Из обширной библиографии о логическом методе и научном предприятии Галена, см., например: *Hankinson R.J. Galen on the foundations of science // Galeno: Obra, Pensamento e Influencia / Ed. J.A. Lopez Feres. Madrid: Universidad Nacional de Educacion a Distancia 1991. P. 15–29; Hankinson R.J. Galen's philosophical eclecticism // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (далее — ANRW). 1992. Vol. 36, N 5. P. 3571–3589; Hankinson R.J. Galen's concept of scientific progress // ANRW. 1994. Vol. 37, N 2. P. 1775–1789; также, в общем: Staden H., von. Op. cit. Гален характеризует свою приверженность своему же логическому методу обычной страстью: Ресс. Dig. 2 (K 5.62 = De Boer 43.12–44.20 = Magnaldi 70), где он описывает строгий порядок для «тех, кто хочет освободиться от совершения ошибок», что в конечном счете приведет его к вопросам счастья.*

²³ *Med. Nam. 31–32 (Meyerhof M., Schacht J. Galen: Über die medizinischen Namen, Arabisch und Deutsch. Berlin: Walter de Gruyter, 1931); см.: Nutton V. Op. cit. P. 84, n. 45.*

об «обыденности» был важен для Галена: это было полезно не только для того, чтобы лишить ауры таинственности медицинскую терминологию V в., но также определить подлинность трактатов Гиппократов, когда современный лингвистический узус помогает разрешить этот вопрос. С точки зрения Галена, чем лучше мы понимаем язык аттической комедии, тем ближе наш разговор к греческому эпохи Гиппократов и тем лучше мы можем понять самого мастера. Особенно интересно в этой формулировке то, что Гален концептуализирует стиль Гиппократов. Уверенно приравняв его к такому популярному жанру, как старая комедия, которая ставит своей целью привлечь на свою сторону все общество, а не только образованную или грамотную элиту, Гален косвенно признает, что Гиппократ, таким образом, тоже был популистом определенного рода, поскольку его работы должны были распространять медицинские знания на благо всего человечества. Именно это Гален и имеет в виду, когда в «Об учениях Гиппократов и Платона» 9.5.6 [K 5.763] он говорит, что действительно великие врачи (в том числе Гиппократ) лечат людей по причине *φιανθρωπία*, а не ради дохода или славы.

Некоторые практикуют медицинское искусство ради денежной выгоды, некоторые — ради льгот, которые предоставляет им законодательство, некоторые *из любви к ближнему* (*διὰ φιανθρωπίαν*), другие — опять же ради славы и чести, которыми облечена профессия. Соответственно, будучи ремесленниками от медицины, все они будут называться врачами, но, поскольку они действуют из разных побуждений, одни будут называться человеколюбцами (*φιανθρωπος*), другие — честолюбцами, третьи — славолубцами, последние — стяжателями. Целью врача является не слава или выгода, как писал Менодот Эмпирик; это является целью Менодота, а не Диокла, и не Гиппократов или Эмпедокла... которые лечили людей *ради любви к человечеству* (*διὰ φιανθρωπίαν*)²⁴.

²⁴ *De Lacy P. Galen: On the Doctrines of Hippocrates and Plato: 3 vols. Berlin: Akademie, 1980–1984. P. 2.565; CMG 5.4.1.2; Здесь Гален обращается к этико-философскому тропу *φιανθρωπία* как величайшей добродетели, который мы можем отследить до Aeschylus PV 11, и его также можно обнаружить в корпусе Гиппократов. См., например: Праес. 6: «Я побуждаю тебя не слишком отходить от своей человечности, а сле-*

Литературный стиль Гиппократов, в свою очередь, отражает филантропический стиль его практики — приближенный к действительности, четкий и терапевтически эффективный.

Поскольку Гален провел филологическое исследование «Старой комедии», в конечном счете, с целью облегчить понимание Гиппократов, потеря этих работ явилась настоящим ударом для Галена, который стремился улучшить и увеличить охват медицинских знаний посредством более точного толкования текстов Гиппократов. Тот факт, что он характеризует печальное событие как тривиальное явление, не способное вызвать психических расстройств, едва ли соответствует филантропической самооценке, которую Гален, как правило, приписывает себе; чем больше энергии он посвящает описанию именно этой потери, тем больше создается впечатление, что он на самом деле стремится высказать противоположное мнение: эта ситуация *действительно* печальна. Потерю комментариев к «Старой комедии» едва ли можно сравнить с пребыванием внутри быка Фаларида — факт, который, как мы уже отмечали ранее, Гален расценивает как основание для истинного страдания, — но в то же время, поскольку эти свитки были незаменимы, Галену не на что опереться, чтобы смягчить удар от их потери, как он мог поступить в других случаях, которые он приводил для описания материальной потери²⁵. Гален хотел, чтобы читатель верил его словам о том, что потеря всех этих трудов не огорчает его, но, выбрав именно работы о «Старой комедии» для

доть за тем, хорошим ли финансовым состоянием располагает твой пациент, или нет... Ведь если присутствует *любовь к человечеству*, будет любовь и к искусству (медицины)» (παρακελεύομαι δέ μὴ ἀπανθρώπην εἰσάγειν, ἀλλ' ἀποβλέπειν ἔς γε περίου- σήν καὶ οὐσίην... ἥν γὰρ παρῇ φιλοφροσύνῃ, πάρεστι καὶ φιλοτεχνίῃ). См. также соответствующие замечания у Гиппократов (Ргаес. 5), где автор приводит перечень добродетелей, присущих мудрому врачу, и первой из них идет ἀφιλαγγοῦρι (избегание алчности), а также внушительный перечень грехов, которых следует избегать.

²⁵ Конечно, Гален мог бы попытаться переписать уникальные тексты, которые были утрачены, но его эта идея не привлекает, и он не предлагает ее в качестве источника утешения. И, возможно, упоминания о таком варианте в работе отсутствуют, потому что возможность восстановления нивелирует риторическое преимущество, полученное в результате расписывания невосполнимости текстов.

такого детального разбора, он скорее создает впечатление, что огорчение как раз *имело место*. Его риторическая стратегия представляется предельно ясной: чем более серьезной покажется потеря с его слов, тем больше все будут поражены его способностью оставаться эмоционально спокойным в такой ситуации. Вполне ясно, что он хотел, чтобы хотя бы *кто-то* огорчился из-за его потери, иначе бы он не взял на себя труд убеждать нас и своего друга в том, сколь ужасна она была на самом деле. Читатели должны сами решить, верить Галену или нет, когда он утверждает, что преодолел расстройство по поводу утраты своих комментариев, но в любом случае он не преминул отметить, что это была важная работа и что его особый вклад в нее столь же значителен, сколь и его способность преодолевать эту утрату с невозмутимостью.

Было бы преувеличением, если не сказать досужими домыслами, обвинять Галена, что он вводил читателя в заблуждение относительно своих «настоящих» чувств в отношении этого трактата, но мы видели, как эффективно риторические навыки позволили ему логически выстроить несколько положений, которые порой будто бы противоречат друг другу, по крайней мере в соответствии с внутренней логикой трактата. Последний переход, однако, может привести нас к правильному пониманию тона этих различий. В разделе 58–68, в котором Гален отмечает влияние отца на свое моральное и интеллектуальное образование («каждый раз, когда я вспоминаю его, я чувствую, что душа моя улучшилась»), Гален говорит (61), что он, как и его отец, также «расценивал человеческие дела как малостоящие», а потом делает следующее любопытное замечание:

67. Если вы внимательно прочтете, что я написал о каждой из этих вещей (*sc.* «досуг, инструменты, лекарства, книги, репутация и богатство», см. фрагмент 65), то вы поймете, что я не просто выразил свое мнение об этих тривиальных вещах, но и привел логические доказательства. И, клянусь Богом, я *занимаюсь этим не с ревностным энтузиазмом* (μετά σπουδῆς) или как *чем-то выдающимся, это для меня скорее нечто вроде хобби* (ἐν παιδιᾷ μοι(ῖρα)).

Что на самом деле имеет в виду Гален, когда говорит, что не писал «О преодолении горя» μετά σπουδῆς, а, скорее, ἐν παιδιᾷ μοι(ῖρα)? Перевод Наттона предполагает, что Гален не хотел показаться слишком резким или навязчивым в своем отвержении чело-

веческих дел и материальных вещей и что его совет, приведенный в трактате, следует воспринимать как своего рода игру и не погружаться слишком глубоко в систематические размышления. Перевод Будон-Милло и Жуанна подразумевает еще больший контраст между серьезным и шутивным: «Однако, клянусь богами, это вовсе не серьезно и не значит, что я совершил что-то великое, составив их, я делал это скорее *ради развлечения*»²⁶. Будон-Милло и Жуанна объясняют, что такой контраст должен подчеркнуть тон трактата и служит хорошей иллюстрацией к его «отвержению человеческих дел, которые он расценивает как незначительные»²⁷. Гален как будто ожидает, что кто-то спросит его, почему, если он так мало переживает о своих потерях, он в первую очередь сочинил трактат об этом. Гален будто бы попал в логический тупик: он хочет отвергнуть свою потерю как незначительную, однако печальное событие вдохновило его написать изощренный трактат о ней. Если автор не может утверждать, что его утрата достойна «серьезной» работы, ему только и остается объяснить «О преодолении горя» как упражнение «шутки ради»²⁸.

Большинство ученых подразумевают, что, расценивая работу как «форму игры», Гален говорит о ней как серьезно-комической в сократовском смысле²⁹, когда в шутивной литературной форме передается серьезное содержание. Среди множества литературных приемов, которые мы связываем с сократовской игрой, есть, конечно же, ирония, и представляется вполне вероятным, что Гален хочет, чтобы его читатели во многом иронический тон этой работы именно в этом смысле. Подобно Сократу, известному своими заявлениями, в которых доверчивость часто служит обоснованию философской позиции, Гален сначала заявляет, что он не чувствовал огорчения из-за своей утраты в огне (он представляет ее как практически *αδύνατον* в глазах большинства людей, на фоне того имущества, что он потерял), а затем последовательно показывает на

²⁶ Boudon-Millot V., Jouanna J. Galien. P. 21.

²⁷ Boudon-Millot V., Jouanna J. Galien. P. 161.

²⁸ Фраза *ἐν παιδιᾷ μοι(ρα)*, вероятно, означает что-то вроде «ради игры»; см.: Boudon-Millot V., Jouanna J. Galien. P. 161.

²⁹ Как Иван Гарофало (Ivan Garofalo) и Алессандро Лами (Alessandro Lami) в их издании текста: Galeno: L' 'anima e il dolore. De indolentia, De propriis placitis. Milan: Biblioteca Universale Rizzoli, 2012. P. 43. Они переводят фразу *ἄλλ' ἐν παιδιᾷ μοι(ρα)* как «ma come per scherzo».

примерах, почему ни один нормальный человек *не должен* быть избавлен от расстройства в таких обстоятельствах. Способность Галена спокойно и легко писать о такой утрате, с одной стороны, является, конечно же, свидетельством его умения добиваться *αλυτία* в определенной степени. Однако детальное перечисление его утрат наряду с комментариями о том, какое значение они имели для него и для всего человечества, становится все более комическим и ироническим на фоне постоянных заявлений о полном спокойствии. Именно к этому шутивому аспекту трактата Гален делает отсылку (67), и именно в этом, я полагаю, его риторическая стратегия предстает во всем своем блеске. В конце концов, читатель может восхищаться психологическим подвигом *αλυτία* Галена, но фактическое достоинство его труда заключается в рассказе о потерях, их степени и тяжести. Здесь Гален показывает не только свою нравственность, но в то же время и свои столь же замечательные достижения как эрудита, филолога и гуманитария³⁰.

³⁰ Благодарю Вивиана Наттона и П.Н. Сингера за их полезные замечания в отношении ранней редакции настоящей статьи.

Г. ФЕРНГРЕН

ГАЛЕН И ХРИСТИАНЕ РИМА*

G. FERNGREN

GALEN AND THE CHRISTIANS OF ROME

Отношение римского врача Галена к раннему христианству привлекает внимание исследователей его наследия с 1949 г., когда Р. Вальцер впервые затронул ее в своем небольшом исследовании¹. В дальнейшем к данной теме обращались Ф. Кудлиен (1981), Р. Вилькен (1984), С. Джиро (1990), Дж. Х. Блюм (1993–1994), В. Наттон (2001), Т. Тиелеман (2005) и Ф. ван дер Эйк (2014)². Как известно, Гален позволял себе критические замечания в адрес со-

* Настоящая статья была опубликована в журнале «История медицины» (2015. Т. 2. № 3. С. 325–332).

¹ *Walzer R.* Galen on Jews and Christians. Oxford, 1949.

² *Kudlien F.* Galen's Religious Belief // *Nutton V.* Galen: Problems and Prospects. London, 1981. P. 117–130; *Wilken R.L.* The Christians as the Roman Saw Them. New Haven, 1984. P. 68–93; *Gero S.* Galen on Jews and Christians: A Reappraisal of the Arabic Evidence // *Orientalia Christiana*. 1990. Vol. 56. P. 371–411; *Blum J.H.* Galen and the Judeo-Christian Tradition: Reflections on Galen's attitude toward critical examination // *Koroth*. 1993–1994. Vol. 10. P. 115–134; *Nutton V.* God, Galen and the Depaganization of Ancient Medicine // *Religion and Medicine in the Middle Ages* / Ed. P. Biller, J. Ziegler. York, 2001. P. 17–32; *Tieleman T.* Galen and Genesis // *The Creation of Heaven and Earth: Re-interpretations of Genesis 1 in the Context of Judaism, Ancient Philosophy, Christianity, and Modern Physics*. Leiden and Boston 2005, P. 125–145; *Van der Eijk P.* Galen and early Christians on the role of the divine in the causation and treatment of health and disease // *Early Christianity*. 2014. Vol. 5. P. 337–370.

временников-христиан, а они в свою очередь относились к нему с недоверием. Потребовалось несколько столетий, прежде чем Гален как автор трудов приобрел авторитет у христиан и интерес к его работам начал расти³. Можно утверждать, что Гален дал христианам неоднозначную оценку. Именно его высказывания о христианах изменили негативное мнение образованных римлян о новом движении, которым во времена Галена было христианство. Некоторые христиане серьезно восприняли критику христианского фидеизма, содержащуюся в работах Галена, и нашли в них стимул к философским размышлениям.

Гален был знаком и с иудеями, и с христианами, в некоторых своих философских и медицинских работах ссылаясь на их убеждения, нравственные принципы и теологические доктрины. Он был первым известным языческим автором, который относился к христианству как к философии, а не как к секте, в этом состояло его отличие от таких авторов, как Фронтон, Марк Аврелий, Луциан и Цельс. Гален поднял христианство до уровня философского направления, употребляя по отношению к нему термин «школа». Гален взял на себя труд изучить теологические убеждения христиан и сравнил их с положениями догматических философских школ, например, стоицизма и эпикурейства. Представители последних ценили приверженность своей философской системе или их основателю выше правды, поэтому Гален относился к ним критически и утверждал, что истинное знание основано не на некритическом догматизме, а на результатах, полученных путем научных доказательств, основанных на результатах опыта⁴.

Гален восхищалось презрением христиан к смерти, способность ограничивать свои естественные потребности, стремление к справедливости — по сути, все те добродетели, которые восхваляли философы. Он считал, что христиане не уступали языческим философам в морально-нравственном отношении. Тем не менее, по его мнению, им не хватало практической мудрости (*phronesis*), ко-

³ См. работу В. Наттона: *Nutton V. Op. cit.* P. 17–19. Ср. с другой работой этого же автора: *Nutton V. Ancient Medicine / 2nd ed.* Abingdon, U.K. 2013. P. 291–298.

⁴ Мнение Уолцера о том, что Гален почерпнул знания о бытии у Посидония, больше не является общепринятым. См.: *Tieleman T. Op. cit.* P. 140–142.

торая бы обеспечивала рациональную основу для этих добродетелей⁵. Гален был философом-моралистом, он защищал христиан, проповедующих те же добродетели, которым учили философы. Данный факт свидетельствует о том, что его знания основаны не на предположениях, а на личном знакомстве с постулатами христианской веры и соответствующими нормами поведения. Философская теология, которой следовал Гален, отражала античные идеи, противоречившие идеям иудеев и христиан. В известном отрывке из трактата «О назначении частей человеческого тела» («De usu partium»), который был написан в Риме в 169–176 гг., Гален разграничивал свои взгляды на божественное провидение и взгляды иудеев и христиан, которые он рассматривал как единое направление. Представление о Боге как о небесном Творце Гален заимствовал не из иудейско-христианских источников, а из «Тимея» Платона, оно являлось аргументом в пользу творения мира по определенному замыслу⁶. Гален критиковал Моисея за то, что он трактовал сотворение мира как творение из ничего и отстаивал сотворение природы по воле своенравного и непредсказуемого божества⁷. Согласно терминологии Аристотеля, для Моисея сотворение мира было «движущей», но «не материальной» причиной: Бог иудеев сказал, и мир начал свое существование. Библейский рассказ противоречил представлениям греческих философов, которые считали, что Создатель сотворил материю из материала, который был в его распоряжении⁸. Согласно представлениям греков, Создатель не находился выше небес, на него распространялись

⁵ Dodds E.R. Pagan and Christian in an Age of Anxiety. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 120–121.

⁶ Для Галена «природа» и «создатель» — синонимы слову «Бог». Из его текстов следует, что Бог «добрый» и «мудрый». Однако в силу отсутствия эмпирических подтверждений он не мог сделать вывод о том, является ли Бог «телесным» или трансцендентальным. См.: Tieleman T. Op. cit. P. 129.

⁷ De usu partium 11.14.

⁸ В своих исследованиях G. Schuttermayr (1973) и G. May (1978) доказали, что учение о *creatio ex nihilo* было позднейшей формулировкой, которая получила распространение среди христиан во II в., и стало предметом спора между христианами и язычниками, которые были сторонниками творения из уже существующей материи. См.: Tieleman T. Op. cit. P. 126–127; Wilken R.L. Op. cit. P. 88–89, 93.

законы природы. Для Галена, как и для большинства греческих философов, Бог был частью Природы или самой Природой, управляющей Вселенной, Бог творил по законам, которые можно постичь с помощью разума⁹. Практически все греческие философы отвергали концепцию трансцендентного божества, сотворившего мир из ничего.

В отличие от учения христиан и иудеев, учение Галена исходило из рационального начала (*logismos*), а не основывалось исключительно на вере (*pistis*) и априори принимаемой власти Бога. Здесь мы возвращаемся к уже знакомому нам различию между христианами и иудеями, с одной стороны, и греческими мыслителями — с другой. Это различие оскорбляло рационалистическое восприятие язычников, отвергавших христианское предпочтение веры, а не разума¹⁰. У Галена есть несколько упоминаний о «школе Моисея и Христа», которые, по его мнению, говорили о «недемонстрируемых законах»¹¹. Так выражали свое недовольство Гален и его современник Цельс, еще один языческий автор — критик христианства. Недовольство было связано с тем, что христиане не могут аргументировать основные положения своего учения. С точки зрения Галена, в своих рассуждениях христиане достигли уровня философии, но они сделали это отнюдь не благодаря логическим умозаключениям, так как вернулись к притчам (рассказам о поощрениях и наказаниях в загробной жизни), мифам и поэзии¹². Тем не менее Гален относился к христианству с большим вниманием, чем Цельс, который рассматривал его как тайный культ, граничащий с суеверием. Цельс, в свою очередь, отмечал, что христиане не за-

⁹ Jouanna J. Galen's Concept of Nature // Jouanna J. Greek Medicine from Hippocrates to Galen. Leiden, 2012. P. 287–311. «Согласно положениям этой философии, божественный принцип действует не вопреки, а согласно законам природы, не путем божественного вмешательства, а через природные структуры и механизмы. Любое обращение к различным мнениям и практикам, игнорирующим эти рациональные, “природные” принципы, рассматривались / воспринимались как неприемлемые» (Van der Eijk P. Op. cit. P. 356). Материя ограничивает круг того, что может быть создано богом или природой, о чем свидетельствует существование болезней (Ibid. P. 368).

¹⁰ Dodds E.R. Op. cit. P. 120–121.

¹¹ De pulsuum differentiis 3.3; см.: 2.4; см. также: Hipp., De anatome.

¹² Walzer R. Op. cit. P. 58–59.

дают вопросов, считают юродство достоинством и полагаются лишь на веру (*pistis*)¹³.

По мнению профессора В. Наттона, Гален упрекал христиан в том, что у них нет рациональной философии, и из-за этого современники-христиане не стремились больше узнать об идеях Галена. Они считали профессию врача языческой, а спекулятивную философию Галена и Гиппократата — опасной для христианской теологии. Как отмечает В. Наттон, «неоднозначное отношение к языческой медицине на уровне обыденного восприятия способствует возникновению определенного скептического отношения к врачам на более высоком, теоретическом уровне»¹⁴. Тем не менее некоторые христиане не испытывали недоверия к Галену, ознакомились с его многочисленными медицинскими и философскими трактатами и оценили их. Так, Климент Александрийский (ок. 160 – ок. 215), по-видимому, был знаком с его трудами¹⁵. Р. Грант представил доказательства того, что Ориген прочел несколько медицинских и философских трактатов Галена, прямое указание на этот факт исследователь нашел в работах самого Оригена¹⁶, который писал приблизительно в 240 г. н.э., когда после смерти Галена прошло меньше четверти века. Ориген, по-видимому, имел в виду утверждение Галена о том, что каждая часть тела создана для определенной цели («О назначении частей человеческого тела»)¹⁷. Через сто лет Блаженный Иероним, который, вероятно, также был знаком с работами Галена, охотно цитировал их¹⁸. Еще позже Немесий Эмесский (ок. 390 г.) в христианской антропологии «О природе человека» ссылается на работы Галена и других выдающихся

¹³ Ap. Origen. *Contra Celsum* 1. 9, 6:11. См.: Walzer R. *Op. cit.* P. 53.

¹⁴ Nutton V. *Op. cit.* P. 22.

¹⁵ Haavrd M. Galenus Christianus? The doctrine of demonstration in *Stromata* VIII and the question of its source// *Vigiliae Christianae*. 2011. Vol. 65. P. 343–375.

¹⁶ Grant R. Paul, Galen and Origen // *Journal of Theological Studies*. 1983. Vol. 34. P. 533–536.

¹⁷ *Philocalia* fr. 2.2. Грант также указывает на возможные заимствования из «*De Libris Propriis*» и «*De Ordine Librorum Suorum*» (Grant R. *Op. cit.* P. 535–536).

¹⁸ Pease A.S. Medical Allusions in the Works of St. Jerome // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1914. Vol. 25. P. 81–82 (цитируется Lübeck).

античных врачей¹⁹. Немногочисленные доказательства свидетельствуют о том, что христиане, которые жили немногим позже Галена (относились к следующему поколению) и были знакомы с его работами, вряд ли враждебно относились к нему, хотя и не разделяли его теологии. Скорее всего, Гален был для них авторитетным автором²⁰.

Один отрывок из работы «Малый лабиринт» (II в.), авторство которой Лайтфут приписывал апологету Ипполиту (умер ок. 235 г. н.э., а значит, возможно, современник Галена), рассматривался как доказательство того, что ранние христиане считали влияние Галена вредным²¹. Во время правления папы Виктора, первого латиноязычного римского епископа (189–198 гг.), группа римских христиан в Малой Азии во главе с кожевником Феодотом Византийским попыталась представить христианское учение в философских категориях, чтобы сделать его более понятным образованным язычникам. Считалось, что христиане восхищались Галеном, который для них, по словам Ипполита, стал «почти объектом поклонения». Они также изучали геометрию Евклида и почитали Аристотеля и Теофраста. Скорее всего, они находились под влиянием философских, а не медицинских взглядов Галена. Согласно объемной цитате у Евсевия, Феодот приехал в Рим из Византии в 190 г. По-видимому, он был не очень образован. Р.Л. Фокс отмечает, что во II в. и рядовые христиане часто проводили богословские дискуссии на высоком уровне²². Феодот попытался пересмотреть ортодоксальное учение о воплощении, отвергнутое греческим философским дуализмом. На основе отредактированного текста Луки (1:35) он утверждал, что Иисус был простым человеком, который вел праведную жизнь, и в награду за это при крещении на него снизошел святой дух в виде голубя. За неортодоксальное христологическое учение Феодот и его последователи были отлучены от церкви Папой Римским Виктором. Таким образом, Феодота можно назвать основателем ереси, позже известной как адопционизм, или

¹⁹ Sharples R.W., Van der Eijk P.J. On the Nature of Man. Liverpool 2008. P. 11–14, 23–25.

²⁰ Ср.: Walzer R. Op. cit. P. 77, 68–69; Gero S. Op. cit. P. 411.

²¹ Eusebius. Eccles. Hist. 5. 28. 9–14. См. также: Hippolytus. Haeresis 7. 35, 10. 23; Epiphanius. Panarion 54.

²² Lane R. Op. cit. P. 330.

динамический монарханизм²³. Хотя позднее часть римской публики поддержала его взгляды, но приверженцы составляли меньшинство, и ведущие богословы (кроме Павла Самосатского, епископа Антиохийского, точка зрения которого была подвергнута осуждению в 268 г.) не разделяли такие взгляды.

Гален был знаком с библейским текстом книги Бытия, принимал христианскую мораль — все это позволяет предположить, что он встречался с христианами в Риме после 161–162 гг. н.э., когда был врачом императора. Известно, что христиане, или их сторонники, жили при дворе во время правления Коммода (180–192 гг. н.э.) и императоров Северов (193–235 гг. н.э.). Возможно, с кем-то из этих христиан и встречался Гален. Среди них были женщины²⁴, например, Марсия, ставшая любовницей императора Коммода, или кормилица первого сына Септимия Вассиана (родился в 188 г. в Лугдуне)²⁵. Юлия Мамея, мать императора Александра Севера (взошел на трон в 222 г. н.э., после смерти Галена), фактически правила империей. Ориген описал ее как «самую верующую женщину»: она слушала лекции Оригена в Александрии и предоставляла ему охрану, когда вызывала во дворец для обсуждения религиозных вопросов²⁶. Юлия Мамея оказала явное влияние на своего сына-язычника: наряду со статуями Орфея и Аполлония Тианского Александр Север поместил в своей часовне статуи Авраама и Иисуса, что свидетельствовало о наступлении века политеистического синкретизма и терпимости во время правления императоров Северов, которые, по словам А. Дерби Нока, поощряли «богословие единства и взаимопонимания». После смерти Александра Севера при дворе появилась христианка Отацилия Север, жена императора Филиппа Араба (244–249 н.э.). Она вела переписку с Оригеном и, по-видимому, повлияла на своего мужа-императора, который благосклонно относился к христианству.

²³ Об адопционизме см.: *Kelly J.D.N.* Early Christian Doctrines. Fifth edition. New York, 1978. P. 115–119.

²⁴ *Birley A.* Septimius Severus. The African Emperor. London, 1971. P. 124–125, 133–134, 209–210. О роли женщин-христианок в языческом обществе и их влиянии на мужей-язычников см.: *Stark R.* The Rise of Christianity. New York, 1997. P. 95–128.

²⁵ *Tertullian.* Ad Scap. 4.6.

²⁶ *Frend W.H.C.* The Rise of Christianity. Philadelphia, 1984. P. 272–273.

Можно предположить, что Гален участвовал в обсуждении философских доктрин новой религии с христианами, находившимися при дворе римского императора, или, возможно, с язычниками, которые были приняты в литературном салоне Юлии Домны, жены императора Септимия Севера (193–211 н.э.), или ее сестры Юлии Мессы и племянницы Юлии Мамеи (матери и дочери)²⁷. Философские идеи часто обсуждались в кругах, близких к этим талантливым женщинам, которые привлекали не только Галена, но и писателя-софиста Филострата и юриста Ульпиана²⁸. Нок утверждает, что династия Северов не проявляла интереса не только к христианству, но и к любым восточным религиям²⁹. Семья была родом из Эмеса, выдающегося религиозного центра в Сирии, и активно поддерживала сирийские тайные культы. Юлия Домна продемонстрировала особый интерес к ведущим религиозным деятелям: например, заказала Филострату биографию Аполлония Тианского, знаменитого странствующего философа-аскета и чудотворца, которого один из писателей того времени сравнил с Христом.

Мы не располагаем данными, которые бы позволили утверждать, что существует явная связь между взглядами Галена и христиан, почитавших его. Можно предположить, что его сочинения стали философской основой для христианских богословских идей, которые были отвергнуты римскими христианами не потому, что отражали точку зрения известного языческого врача и философа, а потому, что искажали основу христианской веры — идею воплощения Иисуса Христа. Согласно Евсевию, папу Виктора заинтересовала адопционистская теология, которая представляла собой неортодоксальную богословскую доктрину. Термин «адопционизм» применялся к учению Феодота, которое сводилось к тому, что Иисус был «простым человеком» (*psilos anthropos*), который в силу своих нравственных качеств был принят Богом как Его Божест-

²⁷ О литературном кружке Юлии Домны см.: *Frend W.H.C.* Op. cit. P. 272; *Birley A.* Op. cit. P. 241.

²⁸ Геро считает, что Гален мог даже обсуждать с Марком Аврелием готовность христиан умереть за свою веру, это восхищало Галена, тогда как император видел в этом явное упрямство. См.: *Meditations* 11.3; *Gero S.* Op. cit. P. 407, n. 110.

²⁹ *Nock A.D.* *Conversion: The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo.* London: Oxford, 1933. P. 128–129.

венный Сын. Феодот не разделял традиционное христианское представление о том, что Иисус был вечным Сыном Божиим и вторым лицом Троицы. Согласно его мнению, усыновление однозначно сделало его сыном Бога, но в то же время позволило остаться человеком.

Существует немного доказательств того, что христиане, современники Галена, считали, что его труды представляют угрозу христианству³⁰. По словам В. Наттона, краткие замечания Галена о христианах, разбросанные по разным сочинениям, вряд ли можно назвать «резкими суждениями об интеллектуальных ошибках христиан»³¹. Действительно, в труде «О назначении частей человеческого тела» краткая оценка, данная иудеям и христианам (Гален не делает различия между их убеждениями), не является однозначной³². Он считает, что христианские добродетели представляют своего рода популярный стоицизм, который как в учении, так и на практике поощрял поведение (аскезу, моральную дисциплину), которое он уважал как философ. На самом деле, он уважал христиан за философские добродетели, которые, по его мнению, могли сделать лучшего врача еще и философом³³. Таким образом, лучший врач должен быть «сдержан, справедлив и устойчив к соблазнам удовольствия и денег; он должен воплощать все различные характеристики добродетельной жизни, которые по своей природе являются независимыми». Для Галена отличительной особенностью такой добродетельной жизни была филантропия (*philanthropia*), которая проявлялась прежде всего в заботе о бед-

³⁰ Gero S. Op. cit. P. 384–385 и далее.

³¹ Nutton V. Op. cit. P. 19.

³² Ван дер Эйк отмечает, что Гален склонен критиковать авторов, с которыми по сути согласен, особенно в тех случаях, когда они довольно уязвимы и где для него существует опасность быть связанным с некоторыми их ошибками и слабыми сторонами. Возможно, он затрагивает иудео-христианскую доктрину о всемогуществе Бога, поскольку видит в ней как слабые положения, которые находятся под защитой церкви, так и привлекательные черты (Gero S. Op. cit. P. 353–354).

³³ См. краткий трактат Галена «О том, что лучший врач — еще и философ» (Galen Opera Omnia. Quod Optimus Medicus sit quoque Philosophus / Rec. C.G. Kühn. Leipzig, 1819. Т. 1. P. 53–63). Трактат был переведен на английский язык: Brain P. Galen on the Ideal of the Physician // South African Medical Journal. 1977. Vol. 52. P. 936–938.

ных³⁴. В то же время каждый раз, когда Гален участвовал в спорах с представителями философских школ Александрии, Пергама или Рима, он отвергал философию христиан по причинам, которые должны были быть известны им. Действительно, отдельные познания Галена в области христианской теологии, вероятно, были почерпнуты в практических дискуссиях с христианами, а не из книг. В философии Галена было нечто, что сделало его труды привлекательными для Феодота и его последователей. Однако маловероятно, что это было обусловлено только его статусом известного врача или даже языческого философа.

Гален несколько раз поясняет, что он отвергал знания, которые основаны на божественном откровении³⁵. Гален, как и большинство греческих философов, полагал, что знания следует приобретать путем рациональной демонстрации, а не обращением к божественной силе. В богословии Моисея божественная сила была неограниченной, и для Бога не было ничего невозможного, поскольку Он был трансцендентным существом. Иудеи придерживались точки зрения, согласно которой Бог создал Вселенную, руководствуясь своим волеизъявлением, а не рациональным выбором, предполагавшим выбор наилучшего варианта из имеющихся возможных. Кроме того, как утверждал Моисей, Бог создал мир из ничего, а это противоречило представлению греческих мыслителей о том, что ничто не происходит из ничего (*nihilo ex nihilo fit*)³⁶. Бог не может сделать ничего, что противоречит природе или разуму. В эпоху классического Средневековья это различие спровоцировало активные интеллектуальные и волюнтаристские дискуссии относительно причинно-следственной связи действий Бога в природе, противопоставление рациональности Бога и его всемогущества³⁷.

Несмотря на различия между ранним христианским и греческим пониманием деятельности Бога, Гален неоднозначно оцени-

³⁴ Walzer R. New Light on Galen's Moral Philosophy (from a Recently Discovered Arabic Source) // *Classical Quarterly*. 1949. Vol. 43. P. 82. О филантропии как добродетели в языческом обществе см.: Amundsen D.W., Ferngren G. Philanthropy in Medicine: Some Historical Perspectives // *Beneficence and Health Care* / Ed. E.E. Shelp. Dordrecht, 1982. P. 1–31.

³⁵ Walzer R. Galen on Jews and Christians. P. 19.

³⁶ Walzer R. Galen on Jews and Christians. P. 25–27.

³⁷ Henry J. Causation // *Science and Religion: A Historical Introduction* / Ed. G. Ferngren. Baltimore 2002. P. 130–142.

вал христиан. Он восхищался их стремлением к философским добродетелям, считал, что в этом отношении они не уступают философам, и даже называл философами, хотя христиане полагались на веру, а не на разум. По-видимому, признание Галеном положительных моментов в христианском учении восприняли Феодот и его последователи: они начали изучать философию Галена в то время, когда многие из их единоверцев не доверяли философии, считая ее элементом язычества. Христиане, которые решили выступить в качестве философов, обнаружили, что их метод отличался от метода языческих философов, а сами они могли подвергнуться осуждению своих собратьев-христиан. Конечно, Феодот и его последователи не были единственными христианами, включившими элементы философии в свое богословие. Существовала школа христианских апологетов (от Аристиды, Афинагора и Юстина Мученика в первой половине II в. до Климента и Оригена в первой половине III в.), которая, создала доктрину разума (*logos*). Ей могли противопоставить свои аргументы образованные противники. Это было связано со значительным риском, что подтверждает мученичество Юстина (165 г. н.э.): некий соперничавший философ-циник предъявил Юстину обвинение в том, что он христианин. Апологеты второй половины II в. начали создавать интеллектуальную среду для христианской философии. Климент Александрийский и Ориген — оба способные философы — создали апологию, которая была воспринята их языческими противниками. Юлия Мамея, мать императора Александра Севера, посещала лекции Оригена и приглашала его ко двору, а значит, среди лиц, с которыми она общалась, были христиане, и последнее увеличивало значение ее круга в высшем обществе. Действительно, все больше христиан претендовало на звание философа. К III в. н.э. часть образованных римлян перестала рассматривать христианство как простое суеверие (*superstitio*)³⁸. С того момента, как некоторые христианские интеллектуалы были признаны философами, они получили высокое положение в обществе. Когда христианские ин-

³⁸ Как отмечает Доддс, апологеты Афинагор и Ориген признали необходимость использования *logismos*, чтобы повысить авторитет Библии, в то время как в III в. н.э. языческие философы, особенно неоплатоники, все больше стремились подменить аргументацию ссылкой на авторитетный источник (Dodds E.R. Op. cit. P. 121–123).

теллектуалы перестали быть простыми фидеистами и занялись исследованиями для получения доказательств, которые явились бы подтверждением их веры, с ними стали считаться (по крайней мере, некоторые из их оппонентов) как с людьми, которые заслуживают уважения, поскольку представили обоснованный подход к обучению и добродетельной жизни³⁹.

Таким образом, осуждение Феодота и его последователей Папой Римским Виктором не следует рассматривать как пример раннего христианского антиинтеллектуализма или враждебности христиан к греческой философии. Со временем апологеты регулярно заимствовали идеи греческой философии для подкрепления своих богословских аргументов и опровержения языческих идей. Феодота осудили прежде всего за его неортодоксальные убеждения. Когда в последнее десятилетие II в. Гален находился в Риме, при дворе императора, развернулась полемика Римской церкви и адопционизма. Это была одна из ранних неортодоксальных теологий, которая бросила вызов западной христианской церкви и подверглась резкой критике части духовенства. Адопционизм подменял центральную доктрину христианства о воплощении (Иисус был Богом) представлением об Иисусе как о простом человеке.

В данной полемике, несомненно, сыграли свою роль усилия Феодота по созданию философского подхода к христианской спекулятивной теологии. Многие христиане раскритиковали его, Ипполит разразился насмешками в его адрес. Однако в трудах современников Ипполита полемика с Феодотом не являлась основным вопросом. Гален действительно пользовался уважением некоторых высокообразованных христиан, на них повлияла его критика тех представителей христианской религии, которые выдвигали аргументы, руководствуясь исключительно верой, а не разумом. Образованные христиане увидели в его философии положения, которые могли стать основой для их адопцианистского христианства, и, в свою очередь, подверглись критике единоверцев за свои новаторские взгляды. Можно только строить предположения относительно того, была бы оппозиция Римского епископа столь же сильной,

³⁹ Подробнее об этом см.: *Dodds E.R.* Op. cit. P. 121–12. Об уважении, которым пользовались философские школы, см.: *Wilken R.L.* Op. cit. P. 79–80. О том, что ранние апологеты рассматривали христианство как философию, см.: *Melito*, fr. 7; *Justin Martyr. Dialogue with Trypho*, 8.

если бы Феодот попытался защищать ортодоксальные взгляды с философской точки зрения. Возможно, критика Галена отчасти обусловила то, что христиане проявляли больше готовности использовать греческие философские категории в апологетическом рассуждении. Гален определил слабую сторону фидеизма, поэтому интеллектуальная элита Римской империи не стала серьезно рассматривать аргументы этого учения. Поддерживая попытки христиан использовать философский подход в своих целях, Гален сделал возможным участие Феодота и его последователей в дискуссиях с языческими философами. Несмотря на неудачу, Феодот был одним из первых, кто заговорил о необходимости формирования подхода к христианской философии, и в этом определенную роль сыграл Гален. Можно предположить, что критика Галена в адрес христиан II в. побудила некоторых из них попытаться устранить указанные им недостатки, используя язык философии, а не распространяя неортодоксальное богословие. Таким образом, христиане продемонстрировали, что способны учиться у своих оппонентов. Возможно, критика Галена в адрес ранних христиан требует дальнейшего изучения⁴⁰.

⁴⁰ Ср.: *Wilken, R.L.* Op. cit. P. 93.

ОБ АВТОРАХ

Вивриан Наттон — доктор философии, профессор кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). Почетный преподаватель Университетского Колледжа Лондона. Награжден медалями Почетного легиона (1987, 1997, 2006). Член Британской академии, Международной Академии истории науки, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (ныне Национальная академия наук Германии), Почтенного общества аптекарей (Великобритания), Международного общества историков медицины, член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности (Франция), почетный член Королевского колледжа врачей, Селвин колледжа (Великобритания), член-корреспондент Немецкого общества медицины, науки и техники, Международной академии истории медицины. Автор более 300 научных работ.

Джеймс Лонгриг — преподаватель античной философии и науки в Университете Ньюкасла (Великобритания). Исследователь (стипендиальная программа Карла Ньюэлла Джексона) античной филологии (Гарвардский университет, США), старший научный сотрудник Института Варбурга (Великобритания), приглашенный профессор Института гуманитарных наук, Висконсинского университета в Мадисоне (США), дважды стипендиат Wellcome по истории медицины, независимый исследователь по истории науки, Вулфсон Колледж, Оксфордский университет (Великобритания). Автор книги «Древнегреческая рациональная медицина» («Greek Rational Medicine»), изданной в издательстве Routledge в 1993 г. Автор более 100 научных работ.

Дмитрий Алексеевич Балалыкин — профессор, доктор медицинских наук, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории медицины, истории Отечества и культурологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), председатель Локального этического комитета ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Универси-

тет), главный редактор журнала «История Медицины», заместитель Председателя Российского Общества Историков Медицины (РОИМ), член Международного общества историков медицины (национальный делегат от Российской Федерации), член Ассоциации научных редакторов и издателей, член Экспертного совета ВАК Министерства образования и науки РФ по медико-профилактическим наукам. Автор более 200 научных работ.

Филип ван дер Айк — доктор философии, профессор античности и истории науки Университета Гумбольдта (Германия), советник по стратегическим исследованиям и приглашенный исследователь, профессор греческого языка в Университете Ньюкасла (Великобритания). В 1994 г. получил премию «Wellcome Trust University Award» в области истории античной медицины. Совместно с коллегами из Ньюкасла и университета Дарема основал «Северный центр изучения истории медицины» (2003). Сотрудничал с Институтом перспективных исследований в Принстоне (США). Автор более 200 научных работ.

Тён Тилеман — доктор философии, доцент кафедры античной философии философского факультета Утрехтского университета (Нидерланды). Член Нидерландского общества Античности, Голландской ассоциации Античности, консультативного совета международных исследований античной этики и политической философии (Издательство Академия, Германия), комитета по качественным показателям в области исследований Античности, почетный член центра изучения Древней философии и классической традиции Новосибирского государственного университета (Россия). Автор более 100 научных работ.

Армель Дебрю — почетный профессор истории медицины Университета Париж Декарт (Франция), Советник Департамента по этике (Университет Париж Суд, Франция). Лауреат премии «Société des Etudes Grecques», премии Французской Академии медицины. Член лаборатории CNRS (Франция). Автор более 50 научных работ.

Ральф Розен — доктор филологических наук (античная филология), профессор античной филологии. Сооснователь Центра исследований античности в Пенсильванском университете (США) и бисенале «Коллоквиум по античным ценностям», организованного Пенсильванским университетом и университетом Лейдена (2000–2011). Внештатный директор

Американской филологической ассоциации (2013–2015), президент Общества античной медицины и фармации (2012–2014). Автор более 100 научных работ.

Гари Фернгрэн — доктор философии, профессор школы истории, философии и религии Университета штата Орегон (США), профессор кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). Лауреат национальных и международных премий: «Richard M. Bressler Senior Faculty Teaching», «Éclat Faculty Recognition», «Elizabeth P. Ritchie». Советник Международного общества истории медицины, Американской ассоциации истории медицины, член Американского общества Ослера, Общества древней медицины, Ассоциации древних историков (США, Канада), редакционной коллегии журнала «История медицины» (Россия), Международного консультативного совета «Журнала медицинской биографии» (Великобритания), Международного консультативного совета «Журнала Международного общества по истории исламской медицины» (Турция), Международного консультативного совета «Analecta Historico-Medica» (Мексика), управления редакционной коллегии журнала «Везалий» (Шотландия), редакционного совета «Вестник истории медицины» (США). Автор более 200 научных работ.

AUTHORS

Vivian Nutton — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of the History of Medicine, National History and Culturology, FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University). Honorary Lecturer at the University College, London. V. Nutton received the Medal of the Legion of Honour in 1987, 1997 and 2006. V. Nutton is a Member of the British Academy, Académie internationale d'Histoire des Sciences, Deutsche Akademie der Naturforscher Leopoldina (now Deutsche Akademie der Wissenschaften), Worshipful Society of Apothecaries (UK), Foreign Corresponding Member of the Académie des Inscriptions et Belles Lettres (France), Honorary Member of the The Royal College of Physicians, Selwyn College (UK), Corresponding member of the Deutsche Gesellschaft für Medizin, Naturwissenschaften und Technik, International Academy of the History of Medicine. Vivian Nutton is the author of over 300 scientific publications.

James Longrigg — Reader in Ancient Philosophy and Science at the University of Newcastle upon Tyne (UK). He has been Carl Newell Jackson Research Fellow in Classics, Harvard University (USA), Senior Research Fellow in Warburg Institute (UK), Visiting Professor of the Institute for the Humanities, University of Wisconsin-Madison (USA), Wellcome Fellow in the History of Medicine (twice), Charter Fellow in the History of Science, Wolfson College, Oxford (UK). J. Longrigg is the author of "Greek Rational Medicine", published by Routledge in 1993. J. Longrigg is the author of over 100 scientific publications.

Dmitry Alekseevich Balalykin — Professor, Doctor of Medical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Chairman at the Department of the History of Medicine, National History and Culturology at FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University), Chairman of the Local Ethics Committee at FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University), Editor-in-Chief of the History of Medicine Journal, Vice-president of the Russian Society of Historians of Medicine, Member of the International Society for the History of Medicine (D.A. Balalykin is the official delegate of the Russian Federation), Member of the Asso-

ciation of Science Editors and Publishers, Member of the Higher Attestation Commission Advisory Council on Preventative Medical Sciences (Ministry of Education and Science of the Russian Federation). Dmitry Balalykin is the author of over 200 scientific publications.

Philip van der Eijk — Doctor of Philosophy, Professor of Classics and History of Science at the Humboldt University in Berlin (Germany), Strategic Research Adviser and Visiting Research Professor of Greek at Newcastle University (UK). In 1994, P. van der Eijk received “Wellcome Trust University Award” in the History of Ancient Medicine. With colleagues from Newcastle and Durham University, he founded the Northern Centre for the History of Medicine in 2003. P. van der Eijk worked at the Institute for Advanced Study in Princeton (USA). P. van der Eijk is the author of over 200 scientific publications.

Teun Tieleman — Doctor of Philosophy, Associate Professor (UHD) of Ancient Philosophy Department of Philosophy, Utrecht University (the Netherlands). T. Tieleman is a Member of the Vereniging Classici Nederland (VCN), the Dutch Classical Association, Member of the advisory board of International Studies in Ancient Moral and Political Philosophy (Akademia Verlag, Germany), Committee on quality indicators for the field of classical studies, Honorary member of the Centre for Ancient Philosophy and the Classical Tradition, Novosibirsk State University (Russia). T. Tieleman is the author of over 100 scientific works.

Armelle Debru — Emeritus Professor of History of Medicine at the University Paris-Descartes (France), Advisor at the Department of Ethics, University Paris Sud (Orsay). A. Debru is a national award winner: Price of the Société des Etudes Grecques (France), Price of the French Academy of Medicine. A. Debru is a Member of the CNRS Laboratory Medecine Grecque (France). A. Debru is the author of over 50 scientific works.

Ralph Rosen — PhD in Classical Studies (Classical Philology), Professor of Classical Studies. R. Rosen is co-founder and former Director of Penn’s Center for Ancient Studies (USA). R. Rosen is co-organizer of the biennial Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values (2000–2011). Director ‘at large’, American Philological Association (2013–2015), President of Society for Ancient Medicine and Pharmacy (2012–2014). R. Rosen is the author of over 100 scientific works.

Gary Ferngren — Doctor of Philosophy, Professor at the School of History, Philosophy, and Religion at Oregon State University (USA) and the Department of the History of Medicine, National History and Culturology at FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University). He is a national and international award winner: “Richard M. Bressler Senior Faculty Teaching Award”, “Éclat Faculty Recognition Award”, “Elizabeth P. Ritchie Award”. G. Ferngren is a Member of International Society of the History of Medicine, American Association for the History of Medicine, American Osler Society, The Society for Ancient Medicine, Association of Ancient Historians (USA, Canada). He is also a Member of Editorial Board for History of Medicine Journal (Russia), International Advisory Board for Journal of Medical Biography (UK), International Advisory Board for Journal of the International Society for the History of Islamic Medicine (Istanbul), International Advisory Board for “*Analecta Historico-Medica*” (Mexico), Editorial Management Board for the Vesalius Journal (Scotland), Editorial Management Board, Advisory Editorial Board for Bulletin of the History of Medicine (USA). He is the author of over 200 scientific works.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ АНТИЧНОЙ МЕДИЦИНЫ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ



Издание подготовлено
Д.А. Балалыкиным, Н.П. Шок

Редактор *Т.Н. Кузнецова*
Корректор *М.М. Горелов*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Подписано к печати 01.09.2017
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924-97-30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545-37-10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-24-2



9 785906 578242